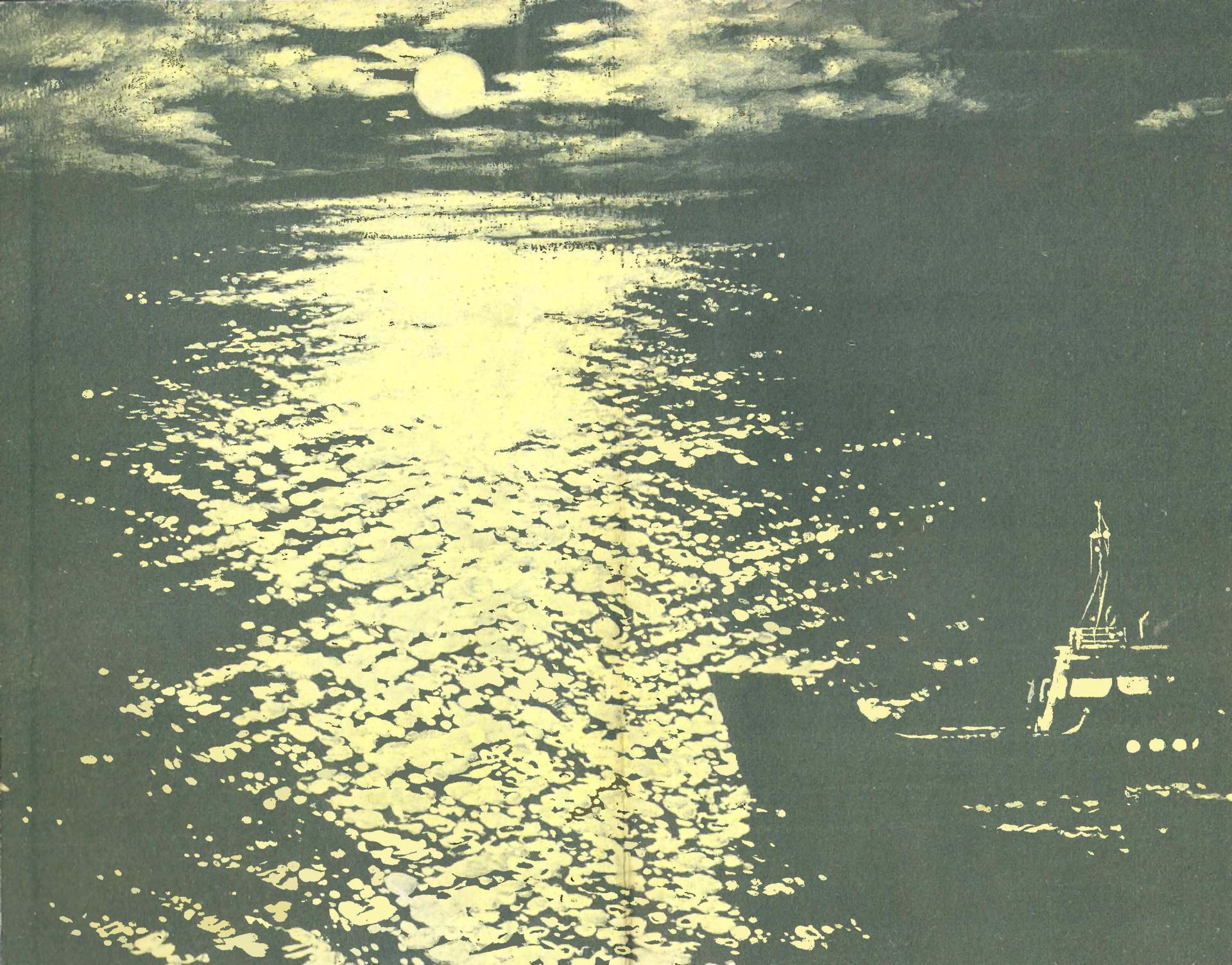

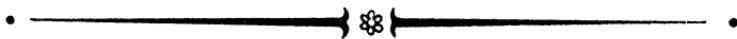
ЮРИЙ ИВАНОВ
ОСТРОВА
НА ГОРИЗОНТЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

①

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
и научной фантастики

МОСКВА ~ 1984

Юрий Иванов

Острова
на горизонте

РАССКАЗЫ

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

P2
И20

Рисунки
А. Дудина

Иванов Ю. Н.

И20   Острова на горизонте: Рассказы/Предисл. В. Коржикова; Рис. А. Дудина.— М.: Дет. лит., 1984.— 208 с., ил.— (Библиотека приключений и научной фантастики).

В пер.: 65 коп.

Книга приключенческих рассказов о далеких, затерянных в океанских просторах, лежащих вдали от проторенных путей, кусочках земли.

Юрий Иванов, автор многих книг, в недалеком прошлом матрос, научный сотрудник поискового судна, помощник капитана, рассказывает непридуманные истории о нелегком, порой опасном, рискованном, но вместе с тем и увлекательном, романтическом труде рыбаков, о том, как раскрываются морские тайны, о людях, с которыми автора сводила судьба вдали от Родины.

И 4803010102—009   289—84
М101(03)84

P2

(C) КАЛИНИНГРАДСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1979 г.

(C) Предисловие. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

Об авторе этой книги

«Плыvите все время за мной,— говорит мальчик, когда мы входим в воду.— Я знаю один, как пройти через риф к глубинам».— «Только не слишком быстро,— прошу я,— а то отстану и заблужусь!»

Ныряю. Вода теплая и необыкновенно прозрачная. Ка-
жется, можно разглядеть любую песчинку, лежащую на
дне, и кораллы. Отдельными ветками и большими кустами
они растут из песка... А это еще что? Змея? Испуганно ша-
рахаюсь в сторону и, лежа на поверхности воды, гляжу
вниз...»

А что же дальше? Что там еще невероятного, опасного и
такого притягивающего в этом рассказе, в этой таинствен-
ной, ошеломляющей красотой глубине?

«Поплыли дальше!» — зовет мальчик. И хочется чи-
тать, читать! Хочется уходить в глубину, будто ты не чита-
ешь, а сам погружаешься в эту теплую и холодящую от
опасности тропическую воду. До того живо и маняще
изображено это плавание. Читаешь и чувствуешь: нет, это
не придумано! Это все правда! И сам плывешь, и сам вгля-
дываешься в синеватые мельтешащие блики, и сам волну-
ешься. Потому что прежде чем это все описать, все сам,
своими глазами видел писатель Юрий Николаевич Иванов.

Видел все, ныряя с мальчуганом в коралловые заросли на острове Маврикия. Видел, стоя за штурвалом на палубе корабля, видел на далеких землях, где рабочие люди вместе боролись с невзгодами, трудно зарабатывая свой хлеб, и помогали друг другу.

Увидел он все это, потому что очень хотел увидеть.

С детства мечтал о дальних полных опасностей путешествиях, о море, о встречах с людьми дальних стран. Мечтал даже в самое тяжелое в жизни время, в дни блокады Ленинграда, когда голодный, полуживой брел с друзьями-мальчишками к вмерзшему в лед крейсеру и матросы, отстрелявшись по врагу, делились с ребятами последними сухарями и рассказывали им о далеких-далеких плаваниях, про которые мечтали сами. Последним хлебом и мечтой они помогали ребятам выстоять, выжить и — превратить мечту в быль.

Я думаю, скорее всего, поэтому в книгах Юрия Иванова, полных доброты, так много людей, готовых поделиться последним хлебом, броситься человеку на помощь. Как толстяк Джо и его друзья в «Трубке Мэри Энн», как все бросаются на помощь матросу в рассказе «Одиссея Вальки Шубина».

Поэтому в произведениях Юрия Иванова так много людей, умеющих мечтать. Автор всюду прежде всего видит и рассказывает об этих людях, в каких бы краях и переделках он ни бывал. А был он сам в очень многих.

Солдатом — воспитанником одной из воинских частей с боями дошел до Кенигсберга. После войны хотел поступить в морское училище — ведь так мечтал о море! — не приняли: был очень слабым.

Закончил институт физкультуры и отправился на далекую Камчатку организовывать физкультурную работу.

Он ездил по тундре на оленях, на собачьих упряжках, спускался с друзьями в кратеры вулканов. Я до сих пор

помню фотографию на обложке журнала «Огонек», где Юрий Николаевич снят с товарищем на вершине Ключевского вулкана.

С этой вершины еще лучше был виден океан и уходящие за горизонт суда. Куда они идут? Что там, вдали? Какая незнакомая жизнь? И председатель областного общества «Труд» Ю. Н. Иванов ушел матросом на рыбачьем траулер к берегам Южной Америки.

Даже от одного взгляда на карту, на этот голубой простор, перехватывает дыхание. А для моряка, который проплавал много лет, стал из матросов помощником капитана, это не просто карта. Это не одни летучие рыбы, киты и акулы. Это невероятные штормы. Это сбивающая с ног, таранящая, как танк, вода. Это сжигающая — посреди океана! — кожу жара. А сколько ночных тропических вахт! И сколько историй — то грустных и горестных, то неожиданно веселых! А сколько вытянутых своими руками тонн — тысячи тонн! — рыбы! И какие порой невиданные уловы! Чего только не задепит со дна морской трал! И чью-то трубку, и сундучок, и старинный пистолет... И за каждым предметом своя история — и надежда, и беда, и целая жизнь.

Вот эти истории, эти ночи на вахте, эти берега Индии и Америки, Африки и Дальнего Востока, которые видел советский моряк, эти находки — а с ними и чья-то целая жизнь — попали в книги Юрия Иванова.

Все эти романтические и очень правдивые книги писателя — про людей. Он попадал в штормовые моря и на экзотические острова, он опускался на морское дно, а выносил оттуда... истории о хороших людях, которые дружно живут, вместе борются с бедой и всегда готовы, как когда-то в его блокадном Ленинграде, протянуть человеку и хлеб и руку.

В книгах «Карибский сувенир», «Сестра морского льва», «Торнадо», в книге, которую вы держите в руках,

автор рассказывает обо всем, что с этими людьми происходит.

А что же происходит? Что там, на их пути, опасного, штормового, удивительного — в океане, в морской работе, в жизни? Что же там? И писатель, как мальчишка из его рассказа, желая показать нам удивительный мир, зовет каждой страницей: «Поплыли дальше!»

Виталий Коржиков

ТРУБКА МЭРИ ЭНН
(Из рассказов судового врача)

Знаете ли вы, что это за остров — Сейбл — и где он находится? Если вы не моряк, думаю, зря напрягаете память. Маленький, всего в двадцать две мили длиной, низменный и песчаный островок Сейбл затаился среди бурливых вод Северной Атлантики.

С северо-востока его омывает холодное Лабрадорское течение и, говорят, иногда к его берегу подплывают гигантские ледяные горы — айсберги, а с юго-запада — теплое течение Гольфстрим. Холодные и теплые потоки воздуха поднимаются над островом, перемешиваются, и большую часть года Сейбл скрыт от взглядов моряков плотными, стойкими завесами туманов.

Но нам повезло. В тот год, когда мы на нашем рыболовном траулере «Сириус» оказались возле его берегов — шли

мимо Сейбла получать продукты на плавбазе, поджидавшей нас в северо-западных широтах океана,— погода стояла отличная. Светило вовсю солнце, было тепло, тихо, видимость — на десяток миль. И мы увидели остров Сейбл — зыбкую, золотистую полоску-змейку у самой кромки горизонта, а вскоре услышали и «голос» этого островка.

Итак, день был ясным, синим, спокойным. Я только что вернулся с палубы, в каюту, мылся. В том рейсе у меня был длительный профессиональный простой. Никто не болел, все были дьявольски здоровыми, и, чтобы не обалдеть от безделья, я вместе со всеми выходил на палубу и помогал, чем мог. Шкрябал ржавчину и красил надстройки траулера или спускался в рыбный цех и помогал матросам укладывать рыбу в морозильную камеру. Зазвонил телефон. Смахнув ладонью с глаз мыло, я потянулся за трубкой.

— Док! Сигнал бедствия с острова Сейбл,— услышал я встревоженный голос капитана.— Островитяне обращаются ко «всем-всем» о срочной помощи врача-хирурга, а ближайшие «все-все» — это мы.

— Что стряслось?

— Подозрение на острый аппендицит. Так что собирай свой инструмент и медикаменты.

— Минут через десять буду готов.

— Не суетись, до острова еще далековато. Соберешься — поднимайся в рубку.

Вот так в море и бывает: все тихо, покойно и вдруг... Аппендицит? Упусти момент, опоздай с операцией — и жди беды.

Я поднялся в ходовую рубку. Капитан сидел на откидном стульчике, листал лоцию. Вахтенный штурман следил за глубинами, а радиостанция вызывала остров Сейбл на шестнадцатый канал радиотелефона.

— При подходах производить непрерывные промеры глубин,— громко читал капитан.— Пройдя Мидл-Банк, соблюдать особую осторожность.

— Восемьсот... восемьсот... восемьсот... — бубнил вахтенный штурман, глядываясь в ленту эхолота, прибора, определяющего глубину океана.— Четыреста... четыреста.

— Хорошее место для стоянки — одна-две мили от северного берега острова. Слышите, старпом? — сказал капитан.

— Туда и проложен курс,— отозвался из открытой двери штурманской рубки старший помощник капитана. Склонившись над штурманским столом, он разглядывал карту.— Что там локатор? Зацепились за остров?

— Уже вижу,— сказал навигатор, вжав лицо в раструб локатора.— До острова восемь миль.

— Хорошее место для стоянки,— повторил капитан.— Глубина от девяти до восемнадцати метров. Грунт песчаный, хорошо держит якорь. При смене ветра немедленно уходить, опасаясь сильного волнения.

— Триста... Двести пятьдесят... двести метров,— бубнил штурман.

— До острова четыре мили,— сообщил радионавигатор.

На горизонте показалась золотистая полоска. Остров. В ходовой рубке стало тихо, лишь гудел движок гирокомпаса, резко, остро щелкал счетчик эхолота, да навигатор докладывал, сколько миль остается до острова.

— Самый малый,— приказал капитан и захлопнул люциою.

— Остров на шестнадцатом канале,— сказал радиост и протянул трубку радиотелефона капитану.— Говорят, что уже видят нас, спустили на воду свою шлюпку. Спрашивают: хирург ли наш врач?

— Спустили шлюпку? Ну и ладненько,— сказал капитан.— Нам меньше забот. Док, переговори! Ты ведь лучше всех английский знаешь.

— Алло, алло! Остров Сейбл! Остров Сейбл! — проговорил я в трубку и услышал потрескивание.— Я врач-хирург рыболовного траулера «Сириус». Сообщите, что с больным.

— Острые боли внизу живота, справа. Тошнота, головокружение, слабость,—донесся встревоженный голос.— Нужна срочная консультация. Подозрение на острый аппендицит.

— Сто метров под килем... Восемьдесят,— сказал штурман.— А вот и шлюпка мчит.

— Док, тебе двое суток хватит? — Капитан оторвал от глаз бинокль.— На обратном пути заберем. Старпом, будем становиться на якорь?

— А зачем? — сказал старпом, выходя из штурманской.

— И я так думаю. Командуй. Пускай боцман парадный трап майнает.

— Боцман! Майнай парадный тр-рап! — скомандовал в микрофон старпом.

И тотчас с палубы послышался недовольный голос боцмана:

— Ишь парадный! Он что, стариk какой? И по штурм-трапу спустится.

Сделав суровое лицо и выглядывая в открытое лобовое окно, старпом повысил голос:

— Боцман! Р-разговорчики! — Покосился на капитана.— Говорю: майнай парадный! Приказ капитана!

Я пожал руку капитану и старпому. Вышел из ходовой рубки. Траулер едва скользил по сине-зеленой, усыпанной солнечными бликами, спокойной воде. Матросы толпились на верхнем пеленгаторном мостике, глядели на желтые холмы островной земли. Раздувая пенные усы, неслась к траулеру широкая, глубоко сидящая в воде шлюпка. Двое мужчин в ярко-красных куртках-штурмовках сидели возле двигателя. Смуглые озабоченные лица, нетерпение во взглядах: «Быстрее, док!»

Скряженца в блоках, трап закачался подо мной, запружиnil. Сильные руки подхватили, потянули к себе, я спрыгнул в шлюпку. Сверху опустилась сумка с медикаментами, инструментом; борт траулера откатился в сторону. Капитан, старпом и штурман стояли на крыле мостика, и я махнул рукой — до встречи!.. Сердце отчего-то сжалось. От страха? Нет. От грусти? Пожалуй, тоже нет, какой тут страх, какая грусть: много ли пройдет времени, когда я оinya поднимусь на палубу своего траулера? И все же такое бывало уже не раз, когда на какой-то срок я расставался с родным, привычным миром, расставался со своей обжитой уютной каютой, траулером, частичкой моей Родины, и с людьми, к которым так привык за время рейса.

Шлюпка мягко стукнулась о борт траулера, я увидел протянутую мне широкую, грубую ладонь и пожал ее.

— Зови меня Джо, дружище,— сказал мужчина.

Я стиснул крепкую ладонь, вглядываясь в лицо говорящего, а было он~~о~~ широким, большегорым, добрым. Из-под лохматой кепки, надвинутой на самые брови, на меня смотрели два маленьких, цепких глаза, одно ухо было примято кепкой, а второе смешно торчало в сторону, и на мочке его был вытатуирован синий якорек. Пошарив возле

себя, мужчина, назвавшийся именем Джо, протянул мне спасательный жилет.

— Надень, дружок. Давай помогу... Знакомься — это Алекс. Эй, что же ты молчишь? Скажи русскому хоть словечко.

— Иди-ка в корму, Джо,— сердито сказал Алекс,— шлюпка носом в воду зарывается.

Громоздкий, неповоротливый Джо добродушно улыбнулся.

Топая громадными ножищами, он прошел в корму и устроился рядом с Алексом, огненно-рыжим, краснолицым мужчиной, который, встретившись со мной взглядом, дружелюбно помахал возле уха рукой: привет!

Траулер уходил к горизонту. Шлюпка приближалась к острову. Чем ближе к берегу, тем волны становились круче. Когда шлюпка вкатывалась на очередную волну, был виден остров.

Дюны, зеленая трава, колышущаяся под порывами теплого, дующего с моря ветра, несколько домов в низинке, группа людей на берегу. Волны с громом выплескивались на песчаный пляж и долго катились по нему. Стало страшновато: ни пирса, ни причала. Прямо на песок выбрасываться будем?

Шлюпка со все нарастающей скоростью неслась к берегу. Я уже слышал тяжкий гром наката и весь сжался, приготовился к броску через борт, как только шлюпка коснется килем дна. Люди что-то кричали, махали руками, какая-то девочка среди них плясала и прыгала, над ее худенькими плечами метались желтые, как песок дюн, волосы.

Шлюпка взлетела на гребень пенной волны и вместе с ней понеслась к пляжу... Гром, плеск, скрежет днища о гальку. С неожиданной для такого громоздкого тела споровкой толстяк Джо махнул в воду и, вцепившись в левый борт медвежьей хваткой, с силой поволок шлюпку на песок. Алекс выскочил к нему на помощь. Рывок, еще один.

Пенный, остро пахнущий морскими глубинами, насыщенный песком и клочьями морских водорослей вал поднялся стеной, стеклянно заблестел и рухнул. Шлюпка, омытая бурлящей пеной, шевельнулась, вода потянула ее в океан, но люди оказались сильнее воды.

Здравствуй, незнакомый, таинственный остров Сейбл!

Мы шли по нагретому солнцем песку берега. Время от времени я поворачивался к океану — траулер уже скрылся за горизонтом. Мужчины шли молча, а девочка, мелькая синей юбкой, то забегала вперед и, оборачиваясь, разглядывала меня, то вприпрыжку спешила рядом. Лицо у нее было озабоченным, а широко расставленные глаза сияли лучиками солнца. Отbrasывая со лба тяжелые пряди волос, она выкрикивала:

— А вы действительно врач? Ой, как здорово! Советский врач, да?

— Врач, врач. Может, и ты чем-нибудь болеешь? Вылечу.

— Ха-ха, я никогда не болею! Я даже зимой, когда выпадает снег, бегаю босиком. И все ничего! Но вы смотрите вылечите отца, капитана Френсиса, слышите?

— Что, это твой отец?

— Я же сказала: отец! И толстяк Джо, он тоже мой отец, и вот Бен — тоже. И мистер Хоффпул, и рыжий Алекс... Эй, Алекс, ведь верно?

— Что верно, то верно. Мы все ее отцы, а она — наша дочь, — сказал рыжий Алекс. И прикрикнул на девочку: — Перестань-ка болтать. А то русский хирург укоротит тебе язык.

— Ха-ха! Русский? Он добрый. Я это вижу по его лицу. — Девочка подбежала ко мне, улыбнувшись своим большиным веселым ртом, заглянула в мои глаза и потянула сумку: — Давай понесу. Ты действительно русский, да?

— Послушай-ка, отстань от доктора, — сказал рыжий Алекс и, опережая всех, направился к крайнему из трех дому.

Груда поплавков-кухтылей. Красных, синих, желтых. Круглых, квадратных, четырехугольных. Гора спасательных кругов. «Омега», «Бисмарк», «Санта-Катарина» — уловили глаза надписи на некоторых из них. Куча полузыпаных песком спасательных поясов и жилетов. Обломки весел, шлюпочных рулей, пробитые и целые бочонки-анкерки для пресной воды. Откуда все это? Океан выбрасывал на берег?

— Вот мы и пришли, — сказала девочка. — Входите!

Алекс толкнул дверь бревенчатого дома ладонью, и я вошел в сумрачную, остро пахнущую валерьянкой комнату.

Больной — костлявый, широкоплечий мужчина — лежал на громоздкой деревянной кровати возле окна. Мутные от боли страдающие глаза, сухие искусанные губы, короткое жаркое дыхание. Я осторожно дотронулся до низа живота больного, и тот замычал сквозь желтые от табака, крепко стиснутые зубы. У двери комнаты столпились мужчины; толстяк Джо мял в своих ручищах кепку, улыбался жалко и растерянно, девочка стояла чуть в сторонке, настороженно сверкали ее глаза.

— Быстро освободите стол от посуды, — сказал я и стал стягивать куртку. — Необходима срочная операция. Кто будет помогать?

Рыжий Алекс, рванувшись к уставленному тарелками и бутылками столу, ухватился за края скатерти и потянул ее кулем. Оглядываясь, отрицательно покачал головой: «Нет-нет, я не могу». Он вышел из комнаты, а толстяк Джо показал мне свои громадные, неповоротливые ручищи, и я понял: какой же из него помощник?

— Давайте я! — окликнула меня девочка и слизнула розовым языком росинки с верхней губы. — Я ничего не боюсь. И крови не боюсь. Когда толстяк Джо разрезал себе руку ножом, я ее быстро забинтовала.

— Хорошо. Подойди ко мне, — сказал я, торопливо вынимая из сумки инструмент и бутылки со спиртом, эфиром, йодом. — Как тебя звать?

— Виктория. Хотя нет, меня звать... — девочка нахмурила лоб, сосредоточилась. — Вот! Для тебя я буду Арика. Рика!

— Что значит — для меня? Ну хорошо, вода готова?

— Эй, Джо! Русский спрашивает: вода готова? — крикнула девочка в приоткрытую дверь.

— Да, сэр! — отозвался из кухни Джо. Что-то там зазвенело, стукнуло, послышался тихий вздох — ошпарился, что ли?.. И в комнату просунулся Джо с громадным медным чайником. — Вот, сэр. Горячая вода.

— Быстрее таз. Лейте на руки.

— Джо, я сама. Но далеко не уходи! — скомандовала Рика. Она поставила на табуретку тазик, я намылил руки, и она стала поливать. Спросила: — А вы сделаете так, чтобы капитану Френсису не было больно? Он мой отец, и я очень его люблю.

— Что ты болтаешь? Лей, лей. Этот у тебя отец, тот

отец... Хорошо. Спасибо. Ну-ка намыливай лапки и ты. И мой как следует. Так кто же твой отец? Джо? Бен?

— Они все мои отцы. Все, кто живет тут, на станции Мэйн-Стейшен: Джо, Тонни, Алекс, и капитан Френсис, и мистер Фернандо,— они все мои отцы, а я их дочь. Вот! И еще у меня есть отцы: трое на станции Ист-Пойнт, двое на Уэст-Пойнт и двое на станции Уоллес. Двенадцать отцов. А я их дочь. Но это и так и не так, все они мне отцы и... И никто.

— Ну, все, Рика, кончай свои сказки. Завязывай мне халат. Так, теперь надевай вот этот халат. Он длинноват, правда... Держи: это марлевая маска на лицо... Джо и кто-нибудь там еще! Положите больного на стол да и разденьте. Осторожнее... Да не топочите вы ногами! Потерпи, дружок, потерпи. Сейчас я сделаю уколы, и боль пройдет. Выходите все! Рика, лей на живот Френку.

— Мистеру капитану Френсису, сэр.

— Лей капитану спирт на живот. Вот так. Молодец. Подай теперь вон ту марлевую подушечку. Спокойно, не торопись. Минутку. Как себя чувствуете, капитан? Вот я тут жму, боли не ощущаете?

— Не-ет,— пробормотал больной.— Боль отошла. Так хорошо.

— Закройте глаза. Рика, бутылочку с эфиром. Да, вот эту. Капитан, считайте до десяти.

— Раз... два... три... четыре... пя-ать... ше...

— Заснул капитан. Рика, скальпель. Нет, другой. Если тебе будет неприятно, не гляди, что я тут делаю. Хорошо?

— Хорошо. А вы...

— Больше ни слова!

Вовремя мы оказались у острова Сейбл со своим траулером. И вовремя я высадился на берег. Час бы, два промедления, и отправился бы капитан Френсис к праотцам. Позвался же я с ним!.. А девочка — чудо! Понятливая. Уже в середине операции она знала названия инструментов и безошибочно подавала мне то, что я просил. Смелая. Глядела на расположованное брюхо капитана и только белела да зубы сжимала. Много у меня было добровольных помощников при таких делах, помню, как мертвели от вида какой-нибудь кровоточащей раны бравые штурманы и отчаянные боцманы, валились с ног в самый ответственный момент...

— Вот и все, капитан. Можете улыбаться. Ведь улыб-

ка — это флаг корабля-аа... Жив будешь. Правда, денька два-три придется понаблюдать за тобой. Что ж, побуду на острове, подышу земным воздухом, на травке повалюсь.

Стягивая рану нитками, я тихонечко засвистел сквозь зубы, улыбнулся Рике, и та тоже улыбнулась, вздохнула облегченно, а потом, хватаясь за спинки стульев, пошла из дома на воздух проветриться.

— Рика! — окликнул я ее. — Спасибо тебе за помощь.

И мне бы пердохнуть. Как устали ноги! Ну и духота!

— Джо, — позвал я, и, когда боком-боком, будто опасаясь, как бы не своротить своим крутым плечищем косяк двери, вошел Джо, а за ним показалась и рыжая голова Алекса, я сказал: — Вот что, ребята: осторожненько положите капитана на койку. Во-от так... Настанет день, и капитан Френсис поднимется в ходовую рубку своего корабля. А я — на воздух. Поброжу.

— В одиночку бы не ходили, сэр.

— Нет-нет, все же один. Я недалеко.

— Не задерживайтесь, сэр. Мы готовим большой ужин. И потом... — Джо, поддергивая брюки, проводил меня до двери и махнул рукой в сторону океана: — Видите те белесые тучки? Боюсь, что к вечеру подует северный ветер и разыграется буря, сэр.

— Я понял, дружище. Но уж такая привычка. После операции мне надо хоть с часик побыть одному.

Ветерок, едва приметный с утра, крепчал. Мне было хорошо. Хорошо оттого, что кончилось мое столь длительное профессиональное безделье, что люди обратились ко мне за помощью, дали сигнал бедствия и я помог. Теперь, если, тыфу-тыфу, не возникнет какого-нибудь осложнения, человек будет жить и когда-нибудь вспомнит про меня, улыбнется, вздохнет и, может, пожелает мне счастья. Настанет пора, и я вспомню про капитана Френсиса, про остров и этих еще совершенно незнакомых мне людей, про глазастую девчонку Рику — про все то, что оставило след в моей памяти.

Хлопали на ветру наволочки, простыни и мужское белье. Несколько низкорослых, с длинными гривами лошадей стояли возле дома за загородкой. Они глядели в мою сторону и широко раздували ноздри, видно, почуяли чужого, с непривычным для этих мест запахом человека. Я засмеялся, помахал рукой лошадям: да-да, я пропах рыбой.

Все мы там, от камбузного матроса до капитана, пропахли рыбой!

Хорошо мне! Повернувшись к ветру спиной, закурил сигарету и заметил, как Рика шмыгнула за угол дома. Я подождал немного, она выглянула и, увидев меня, побежала к веревке с бельем. Со строгим выражением лица Рика стала снимать длинные заштопанные тельняшки и выгоревшие до белизны брюки.

Подсматривает она, что ли, за мной? Подсматривай, девчонка с острова Сейбл! Мы еще с тобой поговорим, и ты расскажешь про своих двенадцать отцов, и еще — почему для других ты Виктория, а для меня Рика...

Я осмотрелся. Возле одного из домов виднелась радиомачта. Там радиостанция — догадался я. Сразу же за домами вздымалась дюна. На ее вершине стояла металлическая башня маяка с «вороньим гнездом». Видно, во время шторма оттуда ведется наблюдение за океаном...

А жилых-то дома два. Третий — сарай, дверь которого была приоткрыта. Я заглянул внутрь. В одном углу — электродвигок и щит с рубильником, аккумуляторы на стеллажах. Тут у них своя маленькая электростанция, в другом углу спасательный бот на кильблоках и две небольшие шлюпочки. Бесла, мачты, смолисто пахнущие бухты пеньковых тросов. Закрыв дверь, я отправился на берег океана.

Шлюпка, на которой меня встречали островитяне, была поставлена на эстакаду с рельсами. Вернее, на рельсах стояла небольшая тележка, а уже на ней — шлюпка. Эстакада круто спускалась в океан, она как бы рассекала волны, выкатывающиеся на берег. Все это для того, чтобы можно было выйти в море и во время шторма. Однако смелости, видно, этим людям с острова не занимать.

Груда якорей. Маленькие и большие, двух- и четырехлопастные якоря-кошки... Каким судам служили вы? При каких обстоятельствах океан рвал цепи, выдирал вас из грунта и выбрасывал на эту пустынную песчаную землю? Вот шлюпка, разбитая в щепы. Рядом рыбацкий бот с прогломанным бортом. Крошечный ялик с оторванной кормой. А там, дальше, торчат из песка деревянные ребра разрушенной волнами, ветрами и временем шхуны. Щепки, опилки. Дрова! Печально. Я похлопал ладонью смолянистый шпангоут и пошел по берегу по самой кромке прили-

ва. Уже громыхали волны, и я чувствовал, как земля вздрогивала от напора воды. Шипя, вороша мелкие битые раковины, волны катились к моим ногам, а потом, оставляя на песке мыльно-пузырящуюся пену, неохотно откатывались в океан, чтобы снова ринуться на пляж.

Оглянулся — синяя юбочонка мелькнула за ребрами шпангоутов разбитой шхуны: Рика неторопливо шла по моим следам, что-то искала. Или делала вид, что ей надо что-то найти на берегу.

Ветер становился все сильнее. Он продувал меня насквозь, и я решил уйти за дюны. К тому же интересно было посмотреть: а что предпримет девочка? Вот и небольшая ложбина среди обрывистых песчаных холмов. Подгонянный ветром в спину, я полез по сыпучему песчаному откосу и вдруг услышал негромкий крик. Обернулся. Рика бежала ко мне, махала руками, будто пыталась остановить. Я засмеялся. Ага, плутовка, значит, ты все же высматривала меня?.. И полез в гору быстрее. Эй, если хочешь, догоняй!..

— А-а-а-а! — донеслось с берега.

Девочка бежала ко мне.

С высоты дюны открывался великолепный вид. Внизу и чуть правее лежало синее, все подернутое серебристой рябью, озеро. Вправо и влево от него уходила зеленая, покрытая высокой колышущейся травой долина. Обрамляя ее, поднимались, где выше, где ниже, ярко-желтые песчаные дюны. Ветер дул со стороны океана, и над дюнами кружились мутные песчаные смерчики. Зеленый солнечный мир! Все тут: и океан, и зеленая трава, и песчаные горы. Стайка уток взметнулась с озера и перелетела к другому его краю, а метрах в двухстах от озера неторопливо передвигался табун лошадей. Хорошо были видны черные спины и желтые, будто овсяные, гривы и хвосты. Прерии! Но зачем островитянам столько лошадей?

— Погоди-и-и! — послышался зов девочки. — Остановись!

— А ты догони, догони! — отозвался я и побежал вниз.

Жесткая трава хлестнула по коленям. Взметнулись в воздух бабочки и жучки. Какое удовольствие — после долгой разлуки с сушей бежать по траве, ощущать ногами твердую незыблемость земли...

— Остановись! Остано-овись!

— Ну что же ты? Догоняй!

— Лошади-и!

Я оглянулся. Подхватив юбчинку, чтобы не мешала, Рика прыгала через холмики и ямки, вот упала, вскочила и снова побежала. Что-то было в ее лице настораживающее... Я замедлил бег. Остановился. При чем тут лошади? О чём она?

— Теперь... скорее к озеру!.. В дюны не успеем! — Лицо ее горело красными пятнами, на щеке багровела царинка. Дернула меня за руку: — Бежим! Потопчут!

И тут я почувствовал, как тяжело колыхнулась земля. Поглядел вправо. Табун несся в нашу сторону. Развевались гривы и хвосты, лошади стлались над землей, они будто стремительно плыли в зеленых волнах травы.

Рика что было силы рванула меня за руку и побежала к озеру. Я бросился следом. Гул копыт накатывался. Мне казалось, что на своем затылке я чувствую жаркое дыхание лошадей. Под ногами запружинило. Вот и озеро. Рика с разбегу прыгнула в воду, нырнула и поплыла от берега. Я тоже нырнул, проплыл под водой с десяток метров, вынырнул. Рядом кружилась девочка. Она откинула волосы на спину, захочотала, а потом крикнула:

— Ну что? Будешь один уходить?

— А чего они?

— А они дикие! И тут... тут их владения! А ты — чужой!

Лошади плотным косяком стояли на берегу. Я видел их пылающие глаза, вздрагивающие ноздри. По шерстистым бокам и шеям пробегали нервные судороги.

— А не поплынут за нами?

— Не-ет... Ох, я замерзла. Сейчас я их уведу. А ты плыви во-он в ту бухточку. Жди там.

— А как же они? Не тронут тебя?

— Меня? Они не трогают — ни меня, ни толстяка Джо.

— А что же ты... в воду?

— Да-да тебя ув-водила. Ну, плыви!

Девочка направилась к берегу, нашупала ногами дно и пошла из воды на сушу. Она что-то выкрикивала ласковое, успокаивающее, и лошади, подняв головы и поставив уши торчком, прислушивались к детскому голосу, фыркали, но в этом фырканье слышалось дружелюбие, а не злость.

Не выходя из воды, я двинулся к указанной бухточке, а Рика вскочила на берег и подошла к одной из лошадей,

похлопала ее по боку. Потом уцепилась за косматую гриву, подпрыгнула и вскарабкалась на лошадь. Поскакала. И все остальные лошади, а было их тут с полсотни, с мягким и тугим громом копыт унеслись следом.

Вода была холодной, меня трясло, когда я выбрался на берег и, шурша осокой, отошел чуть от озера. Сигареты, конечно, превратились в кашу, но зажигалка работала исправно. Набрав мелких сухих сучьев, соорудил костер. Он разгорелся жарким, почти бездымным пламенем, я стащил с себя брюки и рубаху, протянул к огню руки. Где-то выше моей головы и этого озера проносились со стороны океана потоки воздуха. В их сильных порывах, мотаясь из стороны в сторону, как комки серой бумаги, летели чайки и с успокоенными голосами опускались на воду — прятались от шторма.

У подножия дюн резвились тонконогие, лохматенькие жеребята. Покидая матерей, они, смешно взбрыкивая задними ногами, носились друг за другом. Приятно было наблюдать за их играми.

Подбежала Рика. Потянула с себя облепивший ее свитер, сняла юбочонку. Протянула мне: давай выжмем! Мы скрутили ее вещи в жгут. Я развесил их на палки, воткнутые в песок, а Рика встала на коленки, протянула к огню руки, потом выжалась, как белье, волосы и торопливо, рывками расчесала их пальцами. Поглядела на небо. Все оно оплеталось прозрачно-серебристой паутиной, и солнце сияло уже неярко, оно теперь было похоже на больной, бельмоватый глаз.

Один жеребенок, вскidyвая передние ноги, подскочил к Рике и ткнулся ей в шею волосатой мордашкой. Она схватила его, засмеялась, прижалась к нему. Жеребенок мотнул коротким хвостиком и поскакал прочь, оглядываясь на девочку, будто звал ее с собой. Рика побежала, начала ловить его, а мама-лошадь подняла голову и добродушно фыркнула. Подскочил еще один жеребенок, только не рыжеватый, а почти черный, с золотистой гривкой. Они втроем прыгали и носились. Потом Рика вернулась к костру и, подперев лицо ладонями, уставилась в огонь.

— А сюда дикие кони-лошади не прибегут? — спросил я.

— Нет. Теперь они видят: я тут, с тобой.

Скажи, Рика, а откуда тут лошади появились?

— Об этом Фернандо рассказывал так. Лет двести назад плыл из Европы в Америку корабль. Парусный. Большой-большой. И в трюме он вез много-много лошадей. И вдруг туман. Тут у нас ого какие туманы бывают! Вышел из дома, три шага сделал — и ау! Потерялся... Ну вот, корабль разбился на мелях. У острова. И потонул. И лошади потонули. Лишь несколько спаслось... Ну вот, прошли годы, видите теперь, сколько их тут?

Мне хотелось расспросить ее о многом, и в первую очередь о ней самой. Двенадцать отцов — почему? И вообще, откуда она тут? Чья? И я задал вопрос:

— Рика, а сколько тебе лет?

— Не знаю,— ответила она.— Может, одиннадцать, а может, и больше.

— Как же так — не знаешь?

— А вот так...

— Гм... Скажи, тут живут одни мужчины?

— Угу. Одни мужчины. Есть какой-то закон. В общем, Фернандо говорил мне: «Девочка, закон Канады запрещает жить на этом острове женщинам». А почему — я не знаю. Не сказал мне. Вот он сегодня придет, и ты у него спросишь.

— А где твоя мама?

— А как тебя звать?..— сама спросила, будто и не услышав моего вопроса, Рика.

— Анатолием.

— Анатолий — слишком длинно. Буду звать тебя Натом,— решила девочка.— Ага, вещи уже подсохли. Давай-ка одеваться — да пойдем. А то ка-ак начнут нас разыскивать.

— Пойдем. Между прочим, очень хочется есть.

Я натянул еще сырватые брюки, а потом и рубаху. Ветер все усиливался. Он катился по траве, и она то опадала, то распрямлялась. Лошади ушли и увезли своих малышей. На озере было белым-бело от чаек. Рика втиснулась в юбку, надела свитер, кивнула «пошли», а я спросил:

— В локии про остров Сейбл... Знаешь, что такое локия?

— Знаю, знаю!.. Однажды на берег старинный сундук выбросило. Думали, что в нем разные вещи, а там — старинные книги. Про разные-разные страны, моря и порты. И папа Фернандо сказал: локии.

— Точно. Так вот, в лоции про остров Сейбл сказано, что тут живут спасатели. Вот тут, твои... отцы — так и живут на разных спасательных станциях?

— Угу. Я ж говорила: пятеро — на Ист-Пойнт, трое — на Уэст-Пойнт. Знаешь, сколько у острова погибло кораблей? Ну всего-всего? Пятьсот! А может, даже и больше.

— Ого! И сейчас гибнут?

— Пойдем. Покажу тебе сейчас что-то.

Она взяла меня за руку и повела от озера к дюнам.

Сильный ветер дул в лицо. Мы поднялись по песчаному откосу, и я увидел впереди еще несколько дюн, а за ними — фиолетовую ширь океана, всю в белых пенных полосах катящихся к острову волн. Рика дернула меня за руку, мы сбежали вниз, в маленькую лощинку, зажатую между двумя песчаными горами, и я увидел холмики, воткнутые в землю весла, деревянные кресты, якоря, штурвалы.

— Тут лежат моряки, — сказала Рика. — Отец Фернандо сказал: несколько тысяч. Гибнут? И сейчас гибнут... Вот весной море вынесло на берег троих. Двух мужчин и женщину. Вот тут их и похоронили.

Мы подошли к свежему холмику. На обломке доски, вкопанной в землю, было написано: «Трое неизвестных из океана. Господи, прими их души».

«Капитан шхуны «Уильям», — прочитал я на соседней могиле выцарапанную на ободе штурвала надпись. «Боцман Говард». «Юнга Макс Вениг. Погиб, спасая судового котенка», — было вырезано ножом на обломке реи. И котенок нарисован. Ушастый, смешной. На могиле юнги лежали синие, немного увядшие ирисы, а вся могила была облицована мелкими камешками.

— Откуда известно, почему погиб юнга? — спросил я.

— Волны вынесли его на песок, — сказала Рика и, присев, поправила один из камней. — Отец Джо, он у нас радиист, стал разыскивать судно, на котором кто-то там пропал. И разыскал. Это был немецкий танкер «Гамбург». Радист нам сказал: «Да, котик упал за борт, а юнга — за ним. Мы его искали-искали, да не нашли... Похороните, говорит, у себя. Он одинокий мальчик». Такой смелый, добрый мальчик. Правда? Какая страшная смерть. Пойдем отсюда... — Она дернула меня за руку и потянула мимо печальных памятников.

Ветер усиливался. Он нес с собой песок, сек лицо, гля-

деть невозможно. Сгибаясь пополам, помогая друг другу, мы поднялись на прибрежную дюну и увидели внизу кипящую воду, а вдали по берегу — красные крыши домов спасательной станции. Тоскливая, свинцовая сумеречность расплывалась над островом; тяжелые, черно-фиолетовые тучи чудовищным стадом ползли по небу, ползли, кажется чуть ли не цепляясь за волны. Кое-где среди них виднелись алые прорехи предзакатного неба, и этот пылающий свет вселял в душу еще большую тревогу. «Как-то мой «Сириус»?» — подумал я и окинул взглядом горизонт, будто надеялся увидеть знакомый остроносый силуэт своего трудяги траулера. Нет, не видно. Да и откуда он может быть тут? Держит сейчас мой траулер путь к плавбазе...

Рика потянула меня за штанину и скатилась с дюны вниз, к воде. Надвинув берет на самые брови, я последовал за ней.

Отряхивая песок, Рика вскочила на ноги. Тоненькая, напряженная, она была все нетерпение. Весело сверкали ее большие глаза.

— Гляди, Нат, сейчас я буду играть с ним. — Рика протянула руку к океану. — Он будет меня ловить, а я буду убегать. — Подняв руки над головой, она бросилась на встречу кипящей воде и закричала: — Ээ-эй! А ну поймай меня, поймай!

Волна встала стеной. В этот момент она напоминала живое гравастое чудовище: как будто приподнялась на пятки, вытянулась, изогнулась гладким, блестящим горбом. Рика чуть попятилась. Волна с громом обрушилась на твердый, утрамбованный ударами воды песок и, кипя пенными водоворотами, ринулась на девочку. Повернувшись, Рика побежала прочь. Я попытался схватить ее за руку, девочка увернулась. Лицо ее горело, что-то безумное почувствовалось мне в ее взгляде. Шурша, извиваясь, оставляя на камнях и песке хлопья пены, волна отхлынула в океан, и Рика побежала за ней следом.

А к берегу неслась еще более страшная волна. Она катывалась на остров с грохотом и скоростью поезда, а та, которая лишь только плескалась возле моих ног, подбиралась, откатывалась под основание гигантской волнище, вздымающейся над головой девочки. На какое-то мгновение я увидел дно, обнажившееся метров на двадцать, и четкие следы, уходящие к основанию волны. И маленькою ее на-

прягающуюся фигурку увидел и закричал: «Назад, назад!..» — и побежал к ней. Рика метнулась к берегу. Казалось, что водяной вал, изогнувшись козырьком, обрушится прямо на нее.

Грохнуло. Бурно всплеснулась вода. Она кипела вокруг наших колен. Схватив девочку за руку, я тянул ее на берег, ноги утопали в разжиженном, по живому шевелящемся под ступнями песке.

— Не хватай меня! — выкрикивала Рика, но не мне, а океану и пинала воду, топтала ее: — Отпусти! Не боюсь тебя!

Утробно, удрученно ворча, вода откатилась, потянула за собой прибрежный хлам. Рика вдруг как-то вся обмякла, притихла. Я обнял ее за худенькие плечи. Все ее тело была мелкая нервная, а может, просто от холода, дрожь. Прижав девочку к себе, закрывая от пронизывающего ветра, я повел ее по берегу к домам и спешащему навстречу толстяку Джо. А Рика обхватила меня тонкой рукой за пояс и, что-то шепча, выглядывала из-за меня в сторону океана...

— Как наш больной? — спросил я, входя следом за Джо в дом капитана Френсиса. — Спит?

— Спит, — ответил Джо и шлепнул Рику. — Опять океан дразнила?

— Какие у него холодные, цепкие руки, — пробормотала девочка. — Много-много холодных липких рук. Я почувствовала, как они хватали меня за ноги. Б-ррр!

Ветер выл за стенами, толкался в них, рвал крышу. Тоненько, надсадно позвякивал стеклами, ныл под дверью.

— Переодеться бы во что-нибудь сухое.

Толстяк Джо подошел к большому, сколоченному из грубо оструганных досок платяному шкапу и распахнул дверку. И я увидел десятка три сюртуков, курток, пиджаков и рубах. Тут же висели пальто, черные и зеленые шинели, красные, клетчатые и полосатые плащи.

— Гардероб, однако, у капитана Френсиса... — сказал я.

— Все океан дарит, — угрюмо пробурчал толстяк Джо, вытягивая то пиджак, то куртку, и, коротко взглядывая на меня, прикидывал, подойдет ли по размеру. — Все наш океан.

— Не с... мертвых ли?

— Что на мертвых, то все уходит вместе с ними в землю, — ответил Джо и протянул мне светло-синюю, с золоты-

ми пуговицами и слегка потускневшими нашивками на рукавах куртку.— Во. В самый раз будет. Держи. А вот и руночка белая. Рика, а ты переоделась?

— Ага. Переоделась,— отозвалась из соседней комнаты девочка.— Наготовили чего поесть?

— Вот тебе еще брюки,— сказал Джо.— Давайте-ка, док, побыстрее, все уже приготовлено.

— Что уже все приготовлено? — переспросил я, надевая рубаху. Она пришла мне в самый раз. И брюки тоже. А капитанская куртка была сшита, наверно, у лучших портных Плимута и будто специально на меня.— Вот и все.

— Потопали, тут рядом.

Прежде, чем выйти из дома, я заглянул к больному. Капитан Френсис лежал на спине и хранил. Я пощупал его лоб. Температура нормальная. Думаю, что через несколько дней он уже сможет встать.

Толстяк Джо тронул меня за плечо. Из соседней комнаты вышла Рика. Улыбнулась мне. Глаза ее в сумраке казались черными-пречерными и большими-большими. Как уголья в затухающем костре, горели в них красные искры от светов лампы.

Между домами был ветряной водоворот. Тугие потоки ревущего воздуха незримыми волнами клубились, взметались и опадали. Бросаясь на ветер то боком, то грудью, я брел следом за толстяком Джо. Тот шел, проламываясь сквозь воздушный поток, будто ледокол, через льды. Фигура!.. Рика пряталась за его обширной спиной. Раздвигая ветер выставленным вперед правым плечом, Джо двигался к соседнему дому, а я пытался попасть к нему в кильватер. Какой ледянной ветер!.. Так неожиданно похолодало.

Громыхнула дверь. Толстяк Джо распахнул вторую, Рика скользнула в яркий свет и тепло большой комнаты, за ней вошел и я. Слева, у стены, пылал камин. В его жерле были насыпаны толстые поленья, красные блики плясали по сложенному из широченных досок полу. Троє мужчин поднялись из кресел и со стульев. Был тут уже знакомый мне рыжий Алекс, длинный и тощий, похожий на высущенную треску некий мистер Грекори и низенький, широкоплечий, неповоротливый, как сундук, мужчина в очках. «Наверняка ученый папаша Рики со станции Уэст-Пойнт»,— подумал я и, как впоследствии оказалось, не ошибся.

— Не будем терять время понапрасну,— прогудел толстяк Джо.— Док, ваше место в центре. Как почетного гостя. Рика...

— Я сяду рядом с доктором. Вот! — сказала девочка.

Отодвинув массивный стул, сработанный, кажется, не из дерева, а из железа, она устроилась рядом со мной.

Задвигались, застучали стулья; колыхнулись черные угловатые тени на стенах, жаркий огонь камина. Картины. Чьи-то расплывчатые, смутные лица. Какие-то неведомые блеклые города; странные, размытые пейзажи. Старинный мушкет на одной из стен, шпага в ножнах, позеленевшая подзорная труба. Я повернул голову. На полке тесными рядами стояли книги в коричневых кожаных переплетах. Что за книги? Полистать бы...

— Нат, тебя ждут,— позвала меня Рика.— Я уже положила мясо. Вот вилка и нож.

— За тебя, док! За то, чтобы человек всегда откликался на зов другого человека,— сказал толстяк Джо и поднял сверкнувший в бликах огня хрустальный фужер.

Я взял фужер в руки, и от одного моего прикосновения он тихонечко запел: стекло было очень тонким. А что это на нем выгравировано? Корабль? Я повернул фужер другой стороной и прочитал надпись: «Харгрейв».

— Корабль был такой,— сказала Рика.— Красивый-красивый! Трехмачтовый барк. Он погиб возле острова в 1857 году. Да, отец Фернандо?

— Все правильно, моя девочка,— подтвердил тот. Нос у отца Фернандо был похож на сливу, щеки в ямках, будто шрапнелью побиты. Видно, переболел когда-то оспой. Облизнув губы, отец Фернандо продолжил: — По имеющимся сведениям, барк «Харгрейв» налетел на мель Стейшен-Банк и разломился пополам. Был штурм, ночь... Все сорок членов экипажа погибли. Ящик с посудой был найден пять лет назад. Идет как-то Бен по берегу, глядь — из песка окованный медью угол торчит... Откопали. А там, в полуслгнивших стружках, вот эти фужеры. И все — целехонькие!

— Все пока тихо, Тонни? — спросил толстяк Джо.

— Все пока тихо, Джо,— последовало в ответ.

Я огляделся и увидел то, на что не обратил внимания раньше: дверь, по-видимому, радиорубки. Кто-то там шевельнулся, дверь открылась, и на пороге появился мужчина с наушниками на голове.

— Второй радиостанция, — представился он.

Ел я из оловянной тарелки. Тоже, наверно, с какого-то корабля. И вилки, ножи. А это что за странная карта? Возле двери в радиорубку висела на стене очень большая, от пола до потолка, карта. А, это же остров Сейбл! Озеро посередине. Вдоль берегов острова — флотилия кораблей, шхун, пароходов, яхт. Надписи. Цифры. Погибшие корабли? Неужели столько погибших кораблей?

— А где же пароход нашего уважаемого капитана Френсиса? — спросил я. — Или... или его тоже океан вынес на берег?

— Все именно так, как вы и сказали, — произнес Фернандо и поправил сползшие очки. — Его лесовоз «Марта Гросс» погиб двенадцать лет назад. И вся команда. — Фернандо с хрустом разгрыз кость. — Такое несчастье, сэр: в тот рейс он взял свою жену и сына. Были летние каникулы... М-да. Лишь один он в живых и остался. Отходили мы его, похоронили тех, кого океан вынес на берег. И жену его, Марту, и сына, Герберта. Остался он с нами. Сказал: «Буду жить тут, возле своих. Стану, как и вы, спасателем, чтобы поменьше гибло в океане чьих-то детей...» Отчаянный капитан. Когда случается несчастье, его не останавливает никакой шторм: спускает бот по слипу — и вперед! Навстречу волнам! Участвовал в спасении уже сорока моряков...

— Картины тоже из океана? — спросил я Рику.

— Угу. Вода испортила краску, — ответила девочка, орудуя вилкой в тарелке. — Иногда я гляжу, гляжу на какую-нибудь из них, и так хочется узнать, а что это за город? А что это за лес? Или — лицо?

— За души рабов божьих, — произнес худой, как вяленая рыбина, Грегори.

— Пастор? — тихо спросил я Фернандо.

— Да. Вернее, был им, — словоохотливо пояснил мой сосед и немного понизил голос. — Двадцать лет произносил страстные проповеди в кирхе святого Мартина в Галифаксе. Спасал души рабов божьих. Но однажды прочитал в газете «Галифакс Стар», что на остров Сейбл требуются люди на спасательную станцию. Поразмышлял наш отец Грегори и решил, что больше принесет пользы, если будет спасать не души, а самих людей. Многих он уже спас. Как почта придет, шлют ему поклоны и добрые пожелания де-

сятки людей из самых разных уголков нашей землицы. И мне шлют, и Алексу, и нашему толстяку.

— А вы тут как оказались?

— О, со мной дело сложнее... Видите ли, были у меня нелады с полицией... — Фернандо вынул из кармана большой посовой клетчатый платок, протер стекла и как-то ловко набросил очки на свой могучий, толстый нос. Грустно улыбнулся. — Произошла одна неприятность в молодости... Вот я и подыскал себе уголок потише, да так и прожил тут пятнадцать лет. Сам себя определил на эту категорию. Сижу в своей комнате на станции, размышляю, философствую. Вот Рику разным наукам учу: истории, географии, языкам.

— А рыжий Алекс?

— Отец Алекс, доктор про тебя спрашивает, — сказала Рика. Она прислушивалась к нашему разговору с Фернандо. — Откуда ты тут взялся? И зачем?

— Пусть я сгнию тут, на этом проклятом острове, но я дождусь! — выкрикнул рыжий Алекс и ударил кулаком по крышке стола. Звякнула посуда, один из фужеров упал. — Я дождусь, когда на берег выкатится бочонок, набитый золотыми дукатами! — Он поглядел в мою сторону. — Вот для чего я живу тут. А откуда взялся? Какая разница. Они — и наш добрячок толстяк Джо, и капитан, и пастор, — все они считают меня выжившим из ума. Черпта с два, это они выжили из ума, свихнулись. Не я, а они! Ведь какой разумный человек будет торчать на этом огрызке земли ради лишь святой, как они болтают, необходимости спасать чью-то жизнь? К черту! Друзья, вы помните про трюмы фрегата «Франциск»? Помните? — Он задохнулся, лицо стало бурым, а глаза красноватые, как у кролика.

Он схватил бронзовый, с фигурной ручкой жбанчик, в котором был сок, и начал пить прямо через край.

— Фрегат «Франциск», как говорят, вез из Англии в Америку вещи герцога Кентского: мебель, книги, картины, деньги, — тихо сказал мне Фернандо. — Разбился и погиб на Мидел-Банк. Пять различных экспедиций пытались разыскать его, но, может, все это легенда?

— Легенда? Ха-ха! Чертова с два! Глядите, что я недавно нашел на берегу.

Мотнув лохматой рыжей головой, Алекс нагнулся, су-

нул руку за голенище сапога и вынул нечто — не то обломок оленьего рога, не то какой-то черенок, зажатый в громадном, поросшем золотыми волосинами кулачище. Алекс разжал пальцы. Рукоятка ножа? Согнул большой палец, нажал на металлический выступ. Послышался легкий звучный щелчок, и из рукоятки выскоцило блестящее лезвие ножа. Алекс резко взмахнул рукой, и нож, слегка вибрируя, вонзился в стол.

— Читайте! Видите, что написано на рукоятке? — гремел Алекс. — «Франциск» — вот что! И настанет такой день, настанет, друзья мои! Океан отхлынет, да-да, я это вижу, вижу!.. Океан отхлынет, а на сыром песке останется лежать — да-да!.. — останется лежать окованный по зеленевшей медью, весь обросший ракушками бочонок. С золотыми монетами! И тогда прощай проклятый остров, не так ли, друзья?

— Что ж, проводим тебя всей гурьбой, Алекс, — проворчал Джо. — А мы останемся тут. И я, и Фернандо, и капитан, да и все остальные. И Рика-Виктория, Рита-Мадлен... Ну и имя ты себе придумала, противная девчонка!.. И Рози-Анна-Мари...

— Элен-Ольга-Ло-Катрин-Сьюзанн-Рика, — закончила девочка и зевнула. — Ну неужели так трудно запомнить? Конечно же, я останусь здесь. Разве я брошу тебя, отец Джо, и тебя, отец Фернандо? И... да и других. А вот, отец Алекс, неужели ты уедешь и оставишь меня тут?

— Что? Черта с два! Я возьму тебя с собой. Я куплю тебе маленькую лошадку — пони, построю красивый дом, мы будем ездить с тобой в Европу и... — Алекс опять пододвинул к себе бронзовую посудину и приложился к ней.

— Я останусь тут, — сказала твердо Рика. — Да и ты тоже. Ну куда ты от нас уедешь, а?

— За нашу девчонку! — так громко сказал толстяк Джо, что его голос перекрыл и шум бури, доносящейся из-за дома, и посвистывание ветра на чердаке, и треск смолистых поленьев в камине. — За нашу дочку!

Я поглядел на него. Лицо Джо, освещенное пламенем камина, было обращено к девочке. Толстое, губастое, с широким, приплюснутым носом, оно было таким добрым, открытым, что я невольно улыбнулся. Могучий, брюхатый, какой-то вызывающе неряшливый — сползшие брюки поддерживались лишь одной лямкой подтяжек, вторая была,

видимо, оторвана, да и эта крепилась к большущей белой пуговице, нашитой черными, в узлах и петлях, нитками к верху брюк; рубаха, выпирающая наружу, одна щека тщательно выбрита, а другая — щетинистая. Не добрился, что ли?

В комнате стало тихо.

Ударились в стены дома ветер, всплескивал языками пламени огонь в камине, позывали стекла в окне. Мы все, как по команде, поглядели в черное окно, в сторону беснующегося океана. «Как-то там мой «Сириус»?» — подумал я.

— Рудовоз «Король Георг Четвертый» терпит бедствие, — крикнул в этот момент из двери радиорубки радиост. — Район каньона Корсер, это тысяча миль на юг от нашего острова.

Потом, в этой напряженной тишине, мы все поглядели на бывшего пастора отца Грегори, тот поднялся из-за стола. Прямой как палка, высущенный до желтизны, с выпирающими из-под кожи скулами, он кивнул и ушел в соседнюю комнату.

— Господи, не погуби души и тела моряков рудовоза «Король Георг Четвертый», — послышалось из-за неплотно прикрытой двери. — И всех бедствующих в морях и океанах...

— Иду спать, — сказала Рика. — Спокойной ночи. — Она поднялась из-за стола и, подойдя к толстяку, сказала, подергав белую пуговицу: — Ну зачем ты пришел сам? Принеси мне завтра свои брюки. Вот и тут еще дырка. Зачиню. — Она поцеловала его, а тот обнял девочку и погладил широкой, как лопата, рукой по спине, волосам.

Потом Рика попрощалась с Алексом, который так стиснул девочку, что она пискнула, будто мышонок. Подошла к Фернандо. Тот, взяв ее ладонями за лицо, заглянул в глаза, улыбнулся.

— Расскажу тебе сегодня новую сказку дядюшки Римуса, — сказал он. — Перед вахтой.

— Нет. Сегодня ко мне придет доктор Нат. — Рика поглядела на меня, попросила: — Приходи, а? Я буду ждать.

— Приду, — ответил я. — Только немножко посижу у камина.

Рика жила в доме капитана Френсиса. И мне постелили там, чтобы я был ближе к больному. Подбросив в камин

толстых поленьев, Джо сказал, что пойдет проверит, надежно ли укреплена на слипе спасательная шлюпка да «подышит немножко соленым ветерком. Утробу свежим воздухом промыть надо».

Ушел Алекс. Стих в своей комнатке отец Грегори, скрипнули там пружины матраца. Ворочался, кашлял в радиорубке радиост. Попискивали приборы. Порой радиост переговаривался с кем-то азбукой Морзе, и в проеме двери нервно вспыхивала и гасла контрольная лампочка.

— Через полчаса и мне на вахту, — сказал Фернандо и пододвинул к камину кресло. Кивнул на второе: — Подсаживайтесь к огню, док, поболтаем немного.

— Если можно, несколько слов об истории острова, — попросил я.

— О, с удовольствием! Итак, основные вехи. Открыт остров почти пятьсот лет тому назад португальцами и назван Санта Крус. Позже португальцы дали ему нынешнее название — Сейбл. Значит — Песчаный. — Фернандо замолк, прислушался. Потом продолжил: — В 1598 году на острове появились первые поселенцы. Увы, это была сложная публика — преступники, осужденные во Франции на казнь. Среди них оказалась и одна женщина. Предание гласит, что именно из-за нее преступники и повели друг с другом ожесточенную, кровавую войну. Через пять лет в живых на острове осталось лишь одиннадцать человек. С тех пор существует закон, запрещающий проживать на острове женщинам.

Могучий порыв ветра качнул дом. Фернандо протянул к огню руки. Потер ладонь о ладонь. Сказал:

— Лет сто на острове орудовали пираты. Они давали сигналы огнем: путь свободен! Корабли шли на эти сигналы и погибали. В 1801 году британское адмиралтейство оборудовало на острове спасательную станцию. Вот, пожалуй, очень кратко вся история острова Сейбл. Если, конечно, не считать страшных и трагических историй кораблей и людей, нашедших тут свою могилу. — Он поднялся. Снял с вешалки и накинул на плечи длинный плащ. Пробормотал: — Хорошо, что хоть дождя нет. Да и так продует всего.

В дверях он столкнулся с Алексом. У того было красное, исхлестанное ветром лицо. Наверно, осматривал океан с вышки.

— Все нормально. В океане ни огонька, — буркнул

Алекс и, стягивая на ходу куртку, отправился в свою комнату.

Гул ветра. Гомон недалеких волн. Шорохи на чердаке, скрип половиц.

Я бродил по скучно освещенному огнем камина помещению, ждал толстяка Джо. Вглядывался в туманные, расплывчатые лица людей на картинах. Кто такие? Кого изображали художники на своих полотнах? Вот женщина с открытой грудью. Синие-пресиние, будто живые, глаза глядели на меня из темного, зеленовато-синего, как морские глубины, полотна. Удивительно — лицо едва ощущимо, чуть приметны полусмытые водой пухлые губы, а вот глаза сохранились. Живут!.. Пейзаж. Лес. Горы. Таинственные, зыбкие, не реальные, словно залито все сине-зеленой водой, расплылась краска в океанских глубинах.

Остановившись у полки с книгами, я взял одну из них и ощутил ладонью приятную шероховатость кожи обложки. Чьи руки, где и когда брали в последний раз эту книгу? Обложка приклеилась к страницам. Я попытался открыть книгу посредине, но страницы будто срослись. И я поставил книгу на место. Может, это те ложи, о которых говорила Рика?.. Тайна.

Хлопнула дверь. Зазвенели стекла в раме. Джо подложил в камин еще сухих смолистых поленьев. Я глядел, как он выкатил щепкой из огня пылающий уголь прямо себе в ладонь и потом, щуря глаза, закурил толстую длинную сигару.

А я подошел к карте погибших возле острова кораблей: «Джоржия» — 1863 год, «Фельмоут», «Лаура», «Энда Корхум», «Ямайка», «Иоганна», «Сэндер Ника»... Холодок прокатился по моей спине. «Джесси Вуд», «Эфес», «Адонис», «Сириус»... Что-что? Я разгладил ладонью жесткую бумагу. «Сириус»?.. Фу, черт, 1861 год. Вытер испарину, выступившую на лбу, и пошел к огню, сел в кресло, спросил:

— Ну а вы как тут очутились, Джо?

— Из любви к музыке, — усмехнувшись, ответил тот.

Я подождал немного, думая, что он пояснит свои слова, но толстяк Джо глядел в огонь, попыхивал сигарой и молчал. И тогда я нарушил затянувшуюся паузу:

— Джо, а кто это придумал Рике такое длиннющее имя?

— Да она сама.— Джо вынул сигару изо рта, снял копьевым черным пальцем табачинку с оттопыренной губы. И вновь потянул в себя дым. Выдохнул синее облако в камин.— Для меня она — Вика, для Фернандо — Катрин. Понимаете? Она будто одна, и будто у каждого из нас по дочери. И для нас и для тех спасателей, которые обитают на другом краю острова.— Он шумно вздохнул.— Через месяц Рика уйдет на станцию Уэст-Ривер и будет жить там. Потом она переберется на другую станцию, к отцам Рене и Максу. Если бы не шторм, они бы приехали сегодня сюда. Так вот, а потом опять вернется.— Он помолчал, улыбнулся: — Мы все ее очень любим, док. Да что любим! Она как...— Джо поразмышлял.— Она как солнечный лучик... Вот уйдет Рика, и я буду каждый день считать: когда же она вернется? И буду, как мальчишка, раз или два в неделю бегать за шесть миль к ней на станцию Уэст-Пойнт, а отец Бен станет ревновать ее ко мне и погонит меня назад. А потом он будет прибегать сюда, проверять, как она учит французский.— Джо грузно встал, повернулся, и кресло сокрушиенно закряхтело под его могучим телом.

Толстяк Джо поворотил кочергой, и столб искр унесся в дымоход. Он улыбнулся. Кому? Огню, греющему нас? Девочке, о которой рассказывал? Но вот помрачнел, напухнул:

— А осенью мы отвозим ее в Галифакс. Она учится там в гимназии Альбрехта. Невозможно пережить эти длинные штормовые и холодные зимние месяцы, эти месяцы без нее.

— Как она попала-то на остров? Тут какая-то тайна?

— Да, док,— немного помедлив и понизив голос, сказал Джо. Оглянулся. И я тоже осмотрелся. Две наши громадные черные тени шевельнулись на стенах и потолке.— По закону она лишь моя, понимаете, моя dochь! Ведь это я нашел ее на моем, понимаете, моем участке!..

— Прости, старина, а что это за участок?

— Тут все просто, док. Весь остров, а точнее, все побережье острова разделено на двенадцать секторов. Понимаете? И каждый сектор принадлежит кому-либо из нас. И вот после шторма мы садимся на лошадей и объезжаем весь остров, смотрим, не вынесло ли кого или что-нибудь из моря-океана: после шторма океан обязательно что-нибудь выкидывает на песок. Всякий мусор, хлам, а то, глядишь,

монета, а там — труба подзорная, а там — книга старинная или еще что-нибудь. Понимаете?

— Понимаю. Все понимаю.

— И вот иду я и вижу — небольшой надувной плотик лежит. А в нем... — Джо продолжил вдруг охрипшим голосом: — А в нем, в воде — вода и в плотик налилась — девочка в одной нижней рубашонке... Подбежал, думал, мертвая, а она дышит! Схватил я ребенка, прижал к себе, закутал в куртку и помчался. Почти три мили бежал, док, три мили! И все приговаривал: «Пускай она не умрет, пускай выживет!» Мне казалось, что сердце мое взорвется, а вены лопнут и кровь фонтанами хлынет из ушей и ноздрей. Принес. Растир шерстяным шарфом, потом спиртом, напоил ее гротом. Она открыла глаза. Улыбнулась. И заснула. Сутки спала, док, сутки! А я сидел рядом... Собрались мы все, со всего острова. Открывает она глаза и говорит по-английски: «Где я?» — «А ты откуда? — спрашиваю я. — Как звать?» Она думала, думала, вспоминала, вспоминала, а потом говорит: «А я не знаю, откуда я. Звать? Не знаю, как меня звать».

Джо поднялся из кресла, прошелся по комнате, и доски пола прогнулись под ним, заскрипели.

— У нее отшибло память, док. Такое ведь бывает?

— Бывает. От страшного потрясения. Шок памяти называется это.

— Она ничего не помнит, док, ну абсолютно ничего! Сообщили мы в Галифакс: мол, нашли девочку, лет примерно восемь-девять, имени своего и фамилии не помнит, попытайтесь разыскать родственников. Искали, искали — не нашли. И тогда мы решили, док, удочерить ее. Все вместе, все двенадцать. Вот так и появились у девочки двенадцать отцов. Для меня она — Вика, для Фернандо — Катрин... Понимаете? Для каждого из нас свое имя, все тут очень просто.

Вдруг хлопнула дверь, и на пороге дома показалась Рика. Она была босиком и закутана в клетчатый плед. Сведя брови, девочка мотнула головой, забрасывая на спину спущенные ветром волосы, и сказала:

— Нат! Я тебя жду, жду, а ты?..

— Иду, иду, — поспешно сказал я и поднялся.

— Вы не очень-то засиживайтесь, — ревниво пробурчал Джо.

Вспыхивал и гас маяк, и его яркий свет вырывал на мгновение из темноты крыши домов, ближайшие дюны и серо-зеленые валы, выкатывающиеся на берег. Ветер несся над водой и сушей, кажется, с той же силой, но не резкими нарастающими порывами, а ровно, и в этой ровности движения воздушных масс ощущалась усталость. Наверняка к утру сила ветра пойдет на убыль. Тем не менее я с трудом открыл дверь в дом, а когда мы вошли с Рикой в прихожую, она громко захлопнулась.

В большой комнате, где лежал капитан Френсис, неярко горела настольная лампа. Я взял ее, подошел к постели. Раскинув руки, капитан спал. Одеяло, обнажая широкую грудь и повязку, сползло на пол. От света лампы тускло сверкнул медальон на тоненькой золотой цепочке. Он был открыт. Может, капитан просыпался и смотрел на то, что находится в нем? Я потрогал лоб спящего, температура была нормальной. Рика стояла рядом, я слышал ее дыхание.

— Хочу поглядеть.— Рика протянула руку к медальону.— Он никому, никогда не показывал.

Она положила медальон на ладонь, а я приблизил лампу. Там, внутри, было две маленькие фотографии: на одной улыбающаяся женщина и очень серьезный глазастый мальчик. Жена и сын, наверное, а на другой фотографии — пароход.

— Это его пароход. «Марта Гросс»,— сказала Рика и закрыла крышку медальона.— Пойдем, я замерзла. Ты посиди возле меня, ладно? Расскажи о себе, хорошо? Мне отчего-то сегодня грустно.

— Хорошо. Мне тоже что-то не очень весело. А где моя койка?

— Бери лампу.

Я накрыл капитана одеялом. Поправил подушку.

Свет скользнул по стенам, картинам, модели корабля.

Скрипнули петли двери. Еще одна большая комната, заставленная койками с одинаковыми одеялами. Я взглянул на Рику.

— Это помещение для пострадавших,— сказала она.— А вот это моя комната. А рядом — твоя. Зайдем.

Она потянула ручку. Я поднял лампу и увидел небольшую комнаташку с окном на океан. Стол. Шкаф. Деревянная кровать у стены, мой саквояж на столе.

- Спокойной ночи, да? — спросил я девочку.
- Я, наверно, сегодня не засну, — ответила она.
- Ну вот еще, «не засну»... Послушай-ка, хочешь, я тебе что-нибудь подарю? На память, — сказал я и, подойдя к столу, открыл саквояж.

В одном из его отделений лежала небольшая, но очень красивая раковина каури. Несколько лет назад мне довелось побывать на вулканическом острове Реюньон, и я нашел ее там, на пустынном, каменистом берегу. Протянул раковину Рика:

— Держи.

— Ой, какая она блестящая! — сказала Рика, внимательно разглядывая раковинку, и приложила ее к уху. Прислушалась. Снова принялась разглядывать, сказала удивленно: — Где-то я такую видела, а где — не помню. Или мне кажется так? Проводи меня и посиди со мной, а?

Ее комната была еще меньше, чем моя. Рика нырнула под одеяло, а я сел на край кровати. Ветер стихал. Черные тучи лопнули, расползлись, как старая гнилая материя, показались звезды и луна. В комнате уютно стрекотал сверчок, пахло керосиновым теплом и прямыми сухими травами.

Послышались чьи-то шаги... Под окном заскрипел гравий. Кто это? Рика встрепенулась, глянула в темное стекло, натянула одеяло на плечи. Сказала, понизив голос:

- Это мальчик с котенком.
- Какой еще мальчик... с котенком?
- Ну тот. Из океана.
- Спи, глупышка, о чем ты?

— Он часто ходит под окнами дома. Подойдет, пристанет и заглядывает в комнату. Хо-лодный такой, замерзший... И котика на руках держит, — спокойно проговорила Рика и зевнула, прикрыв рот ладошкой. — Он всегда после шторма... А после сильной бури они тут все толпами ходят... Все погибшие. И тогда капитан и Джо крепко-крепко запирают двери. Капитан мне говорил, что и жена его ходит. Вся голубая-голубая. И волосы у нее до земли. Отросли за эти годы, но только не черные, как были, а зеленые, словно водоросли. Ну, иди спи.

— Спокойной ночи, Рика.

Неспокойная была ночь. Стонал капитан Френсис, пытался подняться и куда-то уйти. Я успокаивал его, давал

пить и поправлял одеяло, которое он сбрасывал на пол. Ветер то утихал, то вновь пытался набрать силы и налетал с океана. Он ударялся в стены, с тонким, щенячьим поисканием сочился под двери и через стыки не промазанных замазкой оконных стекол. Тучи неслись по небу, и луна то исчезала, то вновь начинала светить ярким, супорожным светом. Кто-то бродил под окнами. Я натягивал одеяло на голову и старался дышать ровно, неторопливо, стискивал веки, но сон не шел. Бедный мальчик с котенком... Ему там холодно! Все ходит и ходит под окнами дома, прижимает к груди мокрого, замершего котишку. Пустить его, что ли, в дом, пускай обогреется?.. Кажется, я вставал, отдернув штору, глядел в окно и совершенно явственно видел худого, вихрастого мальчика с рыжим котенком в руках, голубую женщину с зелеными, до земли, волосами. Видел, как вела она мальчишку лет восьми, а тот жался к ней и смотрел на меня своими большущими строгими глазами. А за женщиной пропал, оставляя на песке глубокие следы, высокий мужчина в камзоле с золотыми пуговицами и треуголке. Скуластый, с жестким взглядом прищуренных глаз, он шел и глядел в сторону океана.

Вроде бы я даже постучал в стекло: «Эй, моряк!» И тот повернулся, кивнул мне. И прошел мимо, а волны набежали на песок и всосались в его следы, а потом отхлынули, и следы исчезли. И многие другие где-то и когда-то погибшие моряки шли вдоль по берегу. И одиночки, и группами. Шли легкие, невесомые, прозрачные, будто из стекла или тумана. Сколько их! Я прижался лбом к стеклу и взглядался в лица, пытаясь найти знакомые черты: три года назад погиб в океане мой приятель Валя Комков. Может, и он бредет мимо дома, в котором я ночую?

Посреди ночи из комнаты Рики послышался крик. Я открыл глаза. Вытер лоб. Фу, приснилось же!.. Кто-то кричал или мне показалось? Завернувшись в одеяло, я пошел в комнату Рики.

Девочка сидела на постели. В лунном свете лицо ее казалось необыкновенно белым, ярко и четко выделялись широко раскрытые, полные ужаса глаза. Увидев меня, она рванулась, протянула руки.

— Что с тобой, малышка?

Она вся дрожала.

— Приснилось что-нибудь, да? Вот и мне...
— Ра-аковинка,— испуганно проговорила она.— Я вспомнила или мне приснилось?
— Что ты вспомнила?
— Нет-нет... Ничего.
Она заплакала. Я сидел рядом. Потом услышал, как она облегченно вздохнула и стихла. И я ушел к себе.

Ржание лошади. Смех. Чьи-то голоса. Топот ног. Я открыл глаза. В распахнутое окно упруго вливался морской воздух, шевелил занавески. Ярко светило солнце. Шмель летал по комнате и тugo гудел, как маленький самолет. Потянулся за часами: уже восьмой час? Проспал такое утро? А как-то мой капитан Френсис? Рика... Что она вспомнила? Мальчик с котенком... Я его видел совершенно отчетливо: коротенькая курточка, руки, вылезшие из рукавов. Если бы у меня был сын, он бы тоже, наверно, любил природу, животных, птиц, котят. Я б воспитал его добрым и смелым. Я рассказывал бы ему про далекие страны, про то, какая зеленая-презеленая вода в Индийском океане, и про Малай-базар в Сингапуре. А если бы девочка, она была бы такой, как Рика. Я бы сам укладывал ее спать, рассказывал ей всякие морские были-небылицы, собирая на далеких островах красивые ракушки, делал из них ожерелья и дарил бы Рике или Катеньке, Анечке...

— Док. Завтракать! — загремел из соседней комнаты толстяк Джо.— Ты проснулся? К тебе можно?

— Входите.

Под мощным ударом ладони дверь распахнулась, и вошел краснолицый, сияющий, пахнущий морем и жареной рыбой Джо. Он опустился на стул, который чуть не рассыпался под ним, и потянул из прожженного кармана рубахи недокуренную сигару. Разжег ее. Задымил. Скрестил на необъятной груди мускулистые ручищи и весело заговорил:

— Все в порядке наrudовозе «Король Георг Четвертый»! Выкарабкались. Не сожрал их океан! Никто не погиб, и с «Сириусом» я переговаривался — спрашивали, как дела. Не стал я тебя тормошить, сказал, что все о'кей! Привет до нового радиосеанса.

Как капитан?

— Ха! Капитан уже поднялся. Говорят, все у него заросло.

— Что?! Я вот ему поднимусь! Капитан! Немедленно в постель! — закричал я, втаптывая ногу в ботинок.— А, Рика, здравствуй!

— Доброе утро. Идите завтракать.— Девочка заглянула в комнату. Лицо у нее было бледным, под глазами синева.— Все готово.

— Послушай, что с тобой? — спросил ее толстяк Джо и, схватив за руку, потянул к себе. Рика уткнулась ему лицом в шею.— Девочка ты моя. Тебе нездоровится? Доктор, поглядите, может, заболела? Ведь она сегодня еще ни разу не улыбнулась.

— Пусти,— сказала Рика и, вырвавшись из его рук, метнулась из комнаты.

А капитан действительно уже поднялся. Когда я выглянул из комнаты, Френсис вошел в дом. Он опирался на трость и шагал очень медленно и осторожно, но лицо его сияло от счастья.

— Черт бы вас побрал, капитан! — сказал я.— Хотите, чтобы швы разошлись?

— Ложусь, док, ложусь,— смиренно пробормотал капитан и осторожно опустился на койку.— Спасибо тебе, дружище. Это по-морскому, по-братьски — прийти вот так, на сигнал бедствия...

— Оставьте, капитан. Ложитесь. Вот так. Дайте-ка я погляжу, как шов...

— Не люблю болтать, док. Да-да, я больше люблю молчать, но сейчас мне хочется говорить добрые слова. Сегодня я открыл глаза и подумал: «Жив!» Солнце светило в окно, трава шуршала, волны гремели, чайки кричали. Я жив! И знаете, о чем я подумал? Вот вы помогли мне в невероятно трудную для меня минуту, и я... А что теперь должен сделать я? Я должен нести людям еще больше добра, чем нес и давал раньше. Ведь это так важно — отозваться на зов терпящего бедствие. И клянусь вам...

— Капитан! Не думал, что вы можете произнести столько слов за один прием.

Толстяк Джо засмеялся, вытащил бутылку из заднего кармана отвислых брюк и протянул мне, но я отстранил его руку. И тогда Джо сказал:

— Капитан, мы пойдем набьем трюмá, а потом я возв-

му трубу и сыграю! В честь твоего выздоровления. В честь экипажа рудовоза, выдержавшего схватку со штормом. В честь синего неба, солнца и шороха трав!

Завтракали втроем. Алекс и Фернандо отправились в объезд острова, а второй радист спал после ночной вахты.

В просторной кухне на полках стояла разная утварь, висели медные, начищенные до жаркого блеска кастрюли и кастрюльки. В большой печи гудел огонь. Было жарко, Рика распахнула окно и дверь. Теплый, пахнущий морскими водорослями воздух прокатывался по кухне. В окно был виден все еще неспокойный океан, чайки, сидящие на берегу, а в открытую дверь — желтые холмы и зеленая трава у их подножий. Лошадь и жеребенок стояли на склоне одной из дюн, и ветер шевелил золотистую гриву лошади, а у порога кухни толпилось с десяток маленьких черных кур во главе с крупным огненно-красным петухом.

Ели жареную треску с вареной картошкой.

— Чего выпустила птиц из курятника? — спросил толстяк Джо, прямо рукой вытаскивая из сковороды самый большой кусок рыбы.

— А пускай погуляют, — сказала Рика и прикрикнула на Джо: — Опять в сковороду — с руками? Вот же вилка.

— Прости, девочка, — пробормотал Джо и облизал пальцы.

— Отец Джо! — Рика строго свела брови. — Вот же салфетка.

— Да-да, милая. — Джо схватил салфетку, вытер губы, а потом трубно сморкнулся в нее и, видя, как Рика уставилась ему в лицо, поспешно спросил: — Тебе нужно в чем-нибудь помочь?

— Когда я тебя приучу умению сидеть за столом? — сердито сказала Рика. — В приличную компанию тебя не пустишь... И вот — откуда у тебя новая дыра?

Толстяк Джо скосил глаза. Сидел он за столом в одной тельняшке. На боку зияла дыра и светилась кожа, на которой виднелась четкая синяя татуировка.

— Надевал, а ткань — тр-рры! — сказал Джо. — Рика, что с тобой? Я никогда не видел тебя такой. Ей-ей, ты больна!

— Надоели вы мне все, — сказала Рика. — Вы все как дети! Все на вас рвется, трещит: тр-ры! Пачкаетесь, как пороссята. Что ни день — то стирка. Что ни день — то гора

белья. А простыни?! — Она повернулась ко мне. В глазах ее стояли слезы.— Стираю-стираю, глажу-глажу... Постелью, а он...— Рика ткнула в сторону Джо пальцем: — Бух! В постель в одежде! В сырой! В грязной!

Покраснев, со смущением на лице, зацепившись за угол и чуть не опрокинув стол, Толстяк вылез из-за стола и подошел к Рике. Попытался ее обнять, но она оттолкнула его.

— Отойди! Ну погляди, погляди на себя.

Толстяк Джо оглядел себя. Смущенно улыбаясь, развел руками.

— Ничего не видишь, да?

— Пуговички потерялись...— пробормотал Джо, прикрываясь ладонями, как женщина, выходящая из воды.— Я ее булавкой, а она...

— По-отерялись! Бу-булавкой! У нас что, на острове есть магазин? Можно пойти и купить пуговицу? Вот пришлю тебе сегодня пуговицы! Медные. С пушками! Снимай брюки.

— Но, милая моя...

— Снимай, снимай, некогда мне. Сейчас я уйду с Натом на свой участок.— Рика поднялась из-за стола. Глаза ее сверкали. Выкрикнула: — Ну, быстрее же! Мне еще гладить, шить, штопать. Мне еще кормить кур и лошадей.

— Я все сделаю, я помогу.— Толстяк Джо грузно прыгал на одной ноге, пытаясь выпутать вторую из штанины.

Снял наконец-то. Схватив брюки, Рика ушла в комнату. А мы с Джо убрали все, я протер стол тряпкой, Джо топтался рядом, помогал, но как-то все у него плохо получалось. Вилки падали на пол, веником он шаркал с такой яростью, что мусор улетал к противоположной стене кухни. Отобрав у него веник, я сказал:

— Иди покури.

— Пойду,— согласился Джо. А потом воскликнул: — А! Пойдем-ка мы с тобой поиграем на трубе! Пока она там пришивается.

— Вот и порядок в кухне. На какой еще трубе?

— О, у меня самая большая в мире духовая труба.— Толстяк Джо, схватив меня за рукав, потянул к двери.— Когда я играю, то, говорят, звуки слышны в Канаде. А до Канады почти две тысячи миль.— Лицо у Джо сияло.— Не веришь? Пойдем покажу.

— Так без брюк и пойдешь? И куда идти-то?

— А какая разница, в брюках или без? Остров! Куда идти? Да во-он на эту дюну. Там у меня кресло стоит.

Трусы у толстяка Джо были сшиты из старой тельняшки. Весь полосатый, как тигр, в громадных ботинках на босу ногу, с сигарой, которую он уже успел закурить, Джо заспешил к маленькому сарайчику, примыкавшему к дому. Распахнул дверь. Я заглянул и увидел нечто громадное, медное, ярко сверкающее. Геликон? Что-то бормоча, по тону голоса нежное и доброе, Джо вошел в сарайчик, наклонился и, слегка закряхтев, ухватился, поднял и понес, как ребенка, невероятных размеров трубищу.

В жизни я такой не видел. Когда Джо поставил ее на землю, то жерлообразный раструб был еще на полметра выше головы толстяка. Улыбнувшись мне — какая великанша! какая красавица! — Джо нежно обтер сияющее тело трубы рукавом тельняшки, обнял, прижался толстым лицом к металлу. А потом, слегка побагровев, подхватил трубу и зашагал в сторону дюн.

Откос был крутой, осыпающийся. Толстяк шумно дышал, по его лицу и медно-красной шее лился пот, а воздух, нагретый телом, слегка дрожал и колебался над ним. И я подумал о том, что небольшой планер мог бы сейчас кружить и парить в теплых воздушных потоках, согретых громадным горячим телом Джо.

Но вот и вершина. Свежий ветер, более сильный тут, над дюнами, овеял наши лица. Чуть дальше виднелась свинцовая пластина озера и среди дюн одна, самая высокая, золотисто-белая, а за дюнами простирался синий, кое-где расчерченный белыми лентами пены океан.

В долине паслись лошади. Жеребята носились друг за другом, выпрыгивали из высокой травы, брыкались, валялись на берегу озера.

Мы прошли еще с десяток шагов, и с облегченным вздохом Джо опустился в промятое кресло. Оно стояло прямо на песке, и ножки увязли до самого сиденья. Придерживая трубу одной рукой, Джо ухватился за спинку кресла и, рванув, выдернул его из песка. Сел. Поставил трубу на колени. Прикоснулся к мундштуку толстыми губами, побагровел и мощно вдохнул воздух в гигантский медный механизм. Труба оглушительно рявкнула. Лошади в долине подняли головы, прислушались.

Я опустился на песок. Могучие рокочущие звуки расплылись над островом. Что играл Джо, какую мелодию — понять было невозможно. Закрыв глаза, раздувая толстые, лоснящиеся потом щеки, он перебирал короткими пальцами блестящие клавиши. Нет, подобного концерта мне слышать еще не приходилось.

— Гляди, гляди, док,— радостно сказал Джо, оторвавшись на минуту от мундштука, и показал мне рукой в долину: — Идут. О, как они любят мою игру!

Дикие лошади подходили к дюне. Помахивая гривами и хвостами, задирая головы, по-видимому, чтобы увидеть музыканта, они торопились на необыкновенный концерт.

Джо заиграл вновь. Лошади подходили все ближе и ближе. Я с любопытством разглядывал их добрые мохнатые морды, большие глаза, гривы, которые никто никогда не подстригал, и до самой земли хвосты. Остановились метрах в двадцати от нас. Слушают, фыркают, взмахивают хвостами, отгоняя назойливых слепней.

— Сейчас можно подойти к любой,— сказал Джо.— И можно погладить. Сесть верхом. А они — ничего. Они будто гипнотизируются музыкой. И такое состояние у них день-два. И вот, когда надо накосить сено в долине... для наших, одомашненных лошадей, я поднимаюсь и играю на трубе. А потом мы идем и косим.

— Играл когда-то в оркестре? — спросил я.

— Нет. Любитель,— торжественно и серьезно ответил Джо. И улыбнулся печально: — Все мои беды от этой трубы. Это уж точно, док. Было мне лет двадцать, когда я увидел ее в магазине. Купил. Начал учиться играть. Ну и гоняли же меня все! Уж больно звук силен! Жил-то ведь я в большом городе, в большом доме. Пришлось играть в подвале. Играю, а весь дом сотрясается. Играли на чердаке. Погнали и оттуда. «Звуки кровлю разрушают», — заявил домовладелец. Ездил играть на пустырях и свалках. Да какое ездил! Ходил, таскал трубу через весь город — ведь с ней ни в трамвай, ни в автобус! И вот, когда узнал, что на острове Сейбл в спасательной станции есть вакантное место, — поехал... Играю. И сочиняю. Вот послушай, док, концерт называется «Остров в океане».

Джо обхватил трубу руками, прижал ее сияющее тело к своему животу и выдул такие мощные звуки, что мне

показалось, будто это ревет супертанкер, расчищающий себе дорогу в узком Малаккском проливе.

— Однажды был сильный туман. А тифон-ревун остро-ва, укрепленный на башне Ист-Флаштаф, вышел из строя.— Толстяк Джо составил трубу с колен на песок и, обнимая ее правой рукой, левой поглаживал по сияющему боку.— Так вот, туман. Три траулера ползают возле остро-ва, а там еще какое-то судно прет из Канады в Европу. И прямо на остров... А ревун молчит! Взял тогда я свою трубу, поднялся на дюну и затрубил. Я трубил восемна-дцать часов, док. Я думал, что умру в тот страшный день. Но я знал, что суда могут сбиться в тумане с курса, и тру-бил, трубил, трубил. Рассеялся туман. Друзья уволокли меня в дом на руках. Я проболел, док, неделю. Я выдул из себя все силы. Радиограмму мы получили с канадского теплохода. «Вышел строя радиолокатор. Сбились с курса. Шли прямо остров Сейбл. Счастью услышали работу вашего тифона. Благодарим вас».— Толстяк Джо засмеял-ся, поцеловал трубу и вытер это место рукавом тель-нишки.— Я уже говорил, что заболел тогда и Вика...

— Рика?

— Ну да, Вика-Рика, она ухаживала за мной, ночами не спала, дежурила. Мы были целую неделю рядом, друг возле друга. И это было...— Не окончив рассказа, толстяк Джо схватил трубу и рывком взгромоздил ее себе на колени, громко сказал: — Концерт называется «Девочка из океана».

— Джо-оо! — послышалось в это время из-за дюны.

Размахивая брюками, на дюну поднималась Рика. Пе-тух и куры бежали за ней. Рика останавливалась, чтобы отогнать их, но куры не возвращались к дому.

— На, надевай. Как не стыдно!

Рика подала толстяку Джо его брюки, а сама, под-хватив горсть песку, швырнула в петуха и кур. Вскокотнув, петух принял на себя удар, лишь слегка попятился, всем своим видом показывая, что назад ни он, ни его воинство не повернет. Рика поглядела на меня. Развела руками:

— Вот так всегда. Если не запру их в курятнике, так и идут за мной, так и идут!

— Да и пускай идут,— робко сказал толстяк Джо.— А куда ты собралась?

— Я свожу доктора на гору Риггинг. Покажу ему

Морскую деву. И...— Она поглядела на меня.— Послушай, Нат, ты когда-нибудь слышал, как кричат потопленные корабли?

- А разве такое бывает?
- Бывает. А ты, отец Джо, отправляйся домой.
- Хорошо, детка, хорошо.

Толстяк Джо вытер губы и, увидев строгий взгляд девочки, торопливо выдернул из кармана носовой платок. Встряхнув, развернул его. Отчего-то посередине платка оказалась черная безобразная дыра. Видимо, Джо сунул еще горящую сигару в карман. Скомкал платок, засопев, как морж, высунувшийся из проруби, Джо с кряхтением взгромоздил на себя трубу и, оставляя глубокие следы, стал спускаться с дюны.

— Вот живи тут с ними! — выкрикнула Рика и дернула меня за рукав: — Пошли! — И сама, резким движением отбросив волосы на спину, сердито продолжила: — Все на них рвется, носки дырявые, пуговицы теряются. А отец Джо... О, он когда-нибудь устроит пожар на Ист-Ривер! Засыпает с сигарой во рту. То нос опалил, в другой раз губы сжег, в третий — горящий пепел упал на одеяло. Сплю. Чувствую, паленой ватой пахнет... Кши! Кши! — Нагнувшись, она кинула песком в кур, и те остановились, но стоило начать движение, как петух и куры плотной толпой пошли за нами. Рика засмеялась, а потом посерезнела, сведя брови, продолжила: — Чувствую, паленой ватой пахнет. Вскакиваю. Бегу. Дым валит от одеяла, а отец Джо спит как ни в чем не бывало. Ужас! А отец Фернандо? Тот читает перед сном. При свече. Да так и засыпает. А однажды свечка упала. Помню, заснула. Вдруг просыпаюсь и думаю: «Не погасил ведь он свечку! И упала она, вот-вот пожар будет! Ночь, ветер...» Вскочила я — и к отцу Фернандо. Точно: спит. Книга на груди. А свеча уже наклонилась... Послушай, давай ударем от кур, а?

— Беги.

Взвизгнув, Рика бросилась вперед. Волосы прыгали по спине, разевались столбом. Я гнался за ней с изяществом носорога.

Девочка вдруг споткнулась и упала врастяжку. Вскрикнула. Схватилась за коленку. Я опустился рядом. Она сильно ударилась, содрала с коленки кожу. Побелела, стиснула зубы.

- Ну-ка убери руки. Дай подую, и все пройдет.
Она вдруг закрыла лицо ладонями.
- Будь мужественной. Ведь не так уже и больно, а?
- Я не от боли, нет,— проговорила она.— Просто мне... мне очень-очень плохо. Произошло ужасное, ужасное!
- Что же произошло, что?
- Я не могу сказать, не могу!..
- Ну и не надо.

Рика улыбнулась, утерла ладошкой слезы, как-то робко, с непонятным для меня немым вопросом взглянула в мое лицо. О чем-то хотела спросить? Или хотела сказать что-то очень важное? Протянула руку, и я помог ей подняться. Потом, пошарив в кармане куртки, она достала синюю, немного выцветшую ленту и, откинув волосы на спину, попросила:

— Завяжи.
— Куда мы торопимся? Не надо бежать.
— Ага, пойдем,— сказала Рика и, как бы продолжая начатый рассказ про своих отцов, сказала: — Или вот капитан Френсис. Порой с ним что-то случается по ночам. Обычно во время сильных штормов вдруг поднимается и уходит из дома. Он вроде бы как спит. И не спит! Вроде бы как все видит — и ничего не видит... Капитан поднимается и идет к берегу. Прямо на волны! Однажды я недосмотрела, а он поднялся и пошел в океан. Волны сшибли его, и тогда он проснулся. Капитан только мне об этом говорил, больше никому. И я тебе скажу, а ты никому, ладно?

— Даю слово. Здесь — никому.
— Отец капитан Френсис говорит, что во время шторма по ночам приходит его жена Мануэла и зовет за собой в океан. И мальчик, его сын, тоже зовет. И вот однажды...

Она остановилась, посмотрела на океан. Мы шли по вершинам песчаных холмов. Внизу лежал вылизанный волнами, утрамбованный пляж, а дальше кипела и бурлила вода. Ветер почти стих, но океан еще не мог успокоиться. Волны накатывались, рушились на берег, громыхали. Сине-зеленый океан расстипался до горизонта. Сощурив глаза, Рика постояла немного, потерла коленку. И продолжила свой рассказ:

— И вот однажды я была на станции Уэст-Ривер. Это пять миль от станции Ист-Ривер. Еще днем начался шторм.

Я говорю отцу Роберту — это такой отец у меня там: «Капитан Френсис может подняться ночью и уйти в океан». А отец Роберт отвечает: «Кетти, одну я тебя не отпущу, а мне надо быть тут. Видишь — шторм. Мало ли что случится! Я должен находиться на станции. Вот что мы сделаем: я позвоню Джо, чтобы там как следует заперли двери дома и окна. И пускай Джо поглядывает за капитаном». Позвонил он. А шторм все сильнее! Стало темно. Ветер. Дождь. Отец Роберт дежурит в радиорубке, отец Феликс и отец Анджей — их там трое на станции — легли спать. И я легла. Закрою глаза, а сама вижу: капитан поднимается и идет в океан... Ужас! Не могу спать. Поднялась, оделась и через окно — скок! А темнотища-а... Ничего не вижу. И только молнии — трах, трах! И гром такой, что, кажется, земля разламывается...

— Подожди. Давай посидим немного.

— Давай,— она опустилась рядом со мной.

Какое-то чувство большой светлой радости испытывал я в этот момент. Какой мужественный человечек, сколько у нее любви к другим людям! Она вся соткана из — как бы это выразиться? — из заботы и внимания к другим. Все в ней настроено на добрый душевный отзыв. Широко вдыхая запахи океана, Рика продолжила свой рассказ:

— Дождь. Темно... Ужас! И я пошла. На мне был плащ, я сбросила его: тяжело. Я падала, кувыркалась, исцарапала себе все лицо и ноги... Чуть не свернула себе шею! Часа три бежала. Гляжу, дверь в домекрыта. Койка пуста. Теплая еще, значит, только поднялся и ушел. Побежала вдоль океана. Кричу: «Отец! Отец!» И вижу — идет. И прямо на волны. Схватила его за руку, плачу, тяну, а он на меня смотрит и, чувствуя, не видит и бормочет: «Я иду, иду...» Тут волна ка-ак ударила, ка-ак накрыла нас... Уносит нас в океан. И тут он проснулся. Подхватил меня и ка-ак поплыл к берегу!.. Встал на ноги, прижал меня к себе. Весь дрожит, оглядывается на океан, а сам бегом домой. Вот тогда-то он мне и сказал: «Мануэла вошла в дом. Взяла меня за руку и повела». Представляешь?

Рика закусила губу, задумалась.

— И вот я взяла бы вдруг да и уехала с острова,— сказала она немного погодя. Удивленно и тревожно подняла брови.— Но как? Как бросить отца Джо? А вдруг он опять заснет с сигарой. И... вообще, ведь люблю его,

люблю! — с отчаянием воскликнула она.— И отца капитана Френсиса. И отца Фернандо. Кому он будет рассказывать сказки дядюшки Римуса? Кому будет читать книжки? Уеду, а он... А они?!

— Рика, зачем тебе уезжать? И куда? Что произошло?

— Многое произошло,— ответила она и быстро, решительно взглянула на меня, будто собираясь сказать нечто очень важное.— Так вот... Хотя нет, потом... Вот в той стороне живет злой холодный ветер. Он начинает дуть на остров с осени. Дует, дует, дует... Ветер несет ледяные брызги воды. Они ударяются в стены дома. И прирастают. Знаешь, зимой все стены дома покрываются льдом. Однажды дверь примерзла к косяку. Да. Мы ее еле открыли! — Она опять задумалась.— А кто им будет шить и стирать? Штопать? А Алекс... Если за ним не следить. Или вот куры. Это я развела. Кто их будет кормить-поить?.. Как быть? Как поступить?

— О чём ты?

— Идем,— сказала она.— Скоро отлив. Мы должны быть на холме Риггинг во время отлива. А вот и мой участок! Пойдем вниз.

Мы спустились к пляжу. Вдоль дюн тянулись конские следы.

— Это утренний объезд,— сказала Рика.

— Поиски морских сокровищ после шторма? — пошутил я.

— Нет. Просто раз в сутки делается объезд острова. Так положено: мало ли что? Сокровищ? Летние штормы обычно ничего не приносят. Как говорил отец Фернандо, летом волна бежит по самой поверхности океана. А вот осенью, зимой и весной поднимается из глубин. И загребает все, что там оказывается. Понимаешь? И несет, несет к берегу.

Куры и петух все тем же плотным отрядом топали позади нас. Порой петух останавливался и с утробным коканьем показывал курам небольшую, но приятную находку. Рыбку, оглушенную прибоем и выброшенную на берег, маленького пупырчатого осьминога или раковину. Потом, по команде петуха, куры устремлялись за ними следом. Может, тоже что-то ищут. Вот круг спасательный с надписью «Эстрелла. Гавана». Сломанное весло. Пустая канистра из-под бензина, чей-то ботинок. Продранная на

ладони перчатка. И вот -- большущая треска! Петух ее заметил еще издали, обогнал нас и, подзывая замешкавшихся кур, запрыгал возле рыбины, захлопал крыльями: сюда, сюда! Глядите, что я нашел!.. Поднимая пыль, пронеслись куры. Рика засмеялась, схватила меня за руку, и мы тоже побежали, этим своим бегом несколько озадачив петуха. Вначале он рванулся за нами, но куры и не подумали следовать за ним. Плотно обступив рыбину, они потрошили треску. Петух подпрыгнул, захлопал крыльями, он возмущенно что-то выкрикивал на своем петушином языке.

— Он кричит: «Куры, как вам не стыдно! Мы же собирались совершить интереснейшее путешествие», — сказал я. — «А вы-то, вы?! Вам бы лишь свои желудки набить! Мне стыдно за вас».

Рика засмеялась, задумалась.

— Ты, Нат, так смешно выдумываешь. Если бы ты был моим настоящим отцом...

— Если б я был твоим отцом... — пробормотал я и вздохнул.

Говорить было трудно, волны заглушали голоса. И мы шли молча, посматривая во все стороны: что еще выкинул океан? Вот, перепутавшаяся в громадный зеленый ком, валяется рыбацкая сеть. Оглядев ее, Рика сказала, что это очень хорошая сеть, пригодится.

— Вот и холм Риггинг. Поднимаемся.

И тут я выковырнул из песка черный толстый сучок. Наклонился. Трубка? Поднял ее, тяжелую, будто вырезанную из железного дерева, сырую, пахнущую не табаком, а океаном. Отряхнул от песка. Достал платок, вытер, потом выбил песок из маленького, несколько прогорелого жерла. Продул. Рика стояла рядом и, приподнимаясь на носки, заглядывала мне в руки. Колечко, потемневшее у основания чубука. Я потер его платком, и колечко слегка посветлело. Надпись какая-то. Потер еще, сильнее и прочитал. «Мэри Энн» — было вырезано на колечке.

— Странно. Мэри Энн курила эту трубку? — сказал я Рике.

— «Мэри Энн» — название корабля. Он погиб в 1852 году. И отмечен на карте спасательной станции. Попшли?

Стиснув трубку зубами, ощущая ее сырую горьковатую

тость, я стал подниматься следом за девочкой по крутому откосу холма Риггинг.

— Подожди. Дай мне твой носовой платок.— Рика потянула меня, заставляя опуститься на колени.— Сейчас я завяжу тебе глаза и поведу за собой. А потом ты что-то увидишь. А пока не подглядывай, хорошо?

Она плотно завязала мне глаза, проверила, не могу ли я подсматривать через щелочки (но я и не желал этого), взяла за руку и повела.

Глухой равномерный рокот доносился со стороны океана. Шуршал и поскрипывал песок под ногами. Порой мы пересекали участки, покрытые травой, и трава путалась в ногах, хлестала по коленам. Я слышал напряженное дыхание девочки, крики чаек, пролетающих над нашими головами, и заливистое стрекотание кузнецов, веселое попискивание каких-то небольших островных птиц. Когда я поворачивал лицо в сторону океана, то улавливал его влажное, остро пахнущее дыхание, а поворачиваясь в сторону долины, которая, по моим представлениям, находилась слева от меня, по другую сторону холма Риггинг, ощущал густой сочный запах разогретой солнцем травы и едва уловимый пряный запах диких цветов.

— Еще немножко. Еще... — время от времени говорила Рика.— И сейчас будет такое! Ого, какое сейчас будет!

— Ты плутовка. Куда ты меня ведешь, Вика-Рика-Катрин?

— А вот сейчас. А вот сейчас! Ага, вот мы почти и пришли... Еще десять шагов. Мы уже на вершине. Стой! Прогнись, я развязжу узелок. Не открывай глаза пока, не открывай. Ну а теперь можно.

— Что же я увижу? — сказал я и открыл глаза. И невольно воскликнул:— Вот это да!

Передо мной стояла обнаженная женщина. Вернее, не стояла, а как бы летела или тянулась руками к океану. Деревянная женщина-великан, фигура в два человеческих роста. У нее было запоминающееся, с крупными чертами лицо. Нос с горбинкой, выпуклые губы, громадные, немного склоненные к вискам, будто сощурившиеся от ветра, дующего с океана, очень выразительные глаза, а тело было изящным, с тонкими бедрами, переходящими в рыбий хвост. Над спиной женщины дыбом поднимались деревянные, попорченные червем-древоточцем волосы. И все тело

деревянной женщины было пробито черными отверстиями будто кто-то расстреливал это сильное тело из винтовок.

Я сел на песок. Рика опустилась рядом. Достал сигареты, распотрошил две и набил табаком трубку. Щелкнула зажигалка, и в мои легкие вошел воздух из трубы, воздух горький и соленый, я будто ощутил дыхание морских глубин.

Женщина... Трубка... Кто и когда дымил этой трубкой в последний раз? Капитан гибнущего корабля? Все уже покинули судно, лишь он один оставался в ходовой рубке, все еще пытался удержать на курсе тонущий корабль. И горестно, до боли в челюстях, сжимал зубами трубку. Как все странно! И эта девочка... И эта женщина...

— Откуда она? Кто она?

— Это было прошлой осенью. После шторма я пошла на свой участок.— Рика сняла туфли, вытряхнула из них песок и, подогнув под себя ноги, поглядела на фигуру.— Иду. И вдруг чувствую, кто-то смотрит на меня из воды. Вижу — голова торчит из волны, то скроется, то покажется. И гляди-ит, гляди-ит... Отлив был. Я замерла, жду. Вода все отходила, отходила, а женщина все поднималась из воды, поднималась... И тянула ко мне руки, тянула. И я подумала — это моя мама. Ведь я из океана, и вот она пришла за мной. Я закричала и побежала, а мне казалось, что она бежит следом! — Рика мотнула головой, ветер все время набрасывал ей на лицо прядки волос.— Прибежала я на станцию, кричу: «Моя мама! Она пришла за мной, пришла!» Отправились мы все на берег океана. А потом отец Джо привел двух лошадей и все вместе мы вытащили эту женщину. Месяца два она стояла на берегу, сохла, а потом все мои двенадцать отцов втащили ее сюда. Вот. Так она и появилась на острове.

— Эта фигура украшала нос какого-то парусного корабля,— сказал я.— Они укреплялись на форштевнях, под бушпритом.

— Ага. Так и отец Фернандо мне говорил.

— И было такое поверье: если кораблю угрожает опасность, а команда не замечает беды, фигура оживает и кричит страшным голосом. Видно, моряки парусника не услышали крика деревянной женщины. И корабль разбился.

— Ага. Все это так. Но мне долго казалось, что это моя

мама. Отец — не Джо, не Грегори или там капитан Френсис, нет, — мой отец океан, а она... И я так всегда думала, почти каждый день приходила сюда и разговаривала с моей деревянной мамой, и мне казалось, что она понимает меня, то улыбается, то хмурится. Все так было до вчерашнего дня. Но теперь...

Рика закусила губу. Попыхивая трубкой, которая хотя еще и держала в себе сырость морских глубин, но уже ожила, разогрелась, я ждал, что девочка продолжит свой рассказ, и глядел то в ее лицо, то в лицо деревянной женщины и улавливал сходные черточки в линии губ, носа, в разрезе глаз. Да, Рика так похожа на нее! «Что происходит?.. Что за фантазии? И на меня начинает все это действовать,— тут же подумал я.— Нет-нет, никакого сходства. И лицо у женщины грубое, ожесточенное, а у Рики... Хотя и у нее в лице ощущается несвойственная такому возрасту супровость. Вот что: ей не хватает ласки! Все ее отцы дружны с ней, все ее любят. Но ей нужен один, очень добрый, очень понятливый отец. Душа ребенка страдает по ласке, нежности и постоянному добруму вниманию».

А о чём я подумал, имея в виду слово «это»? А вот о чём. Все они тут, обитатели острова, несколько странные люди. И капитан, которому будто приходит зеленоволосая женщина, и добряк Джо с его трубой, и рыжий Алекс с надеждой на бочонок с золотом. И Рика... Потеря памяти? Да и может ли устоять нервная система у любого человека, оказавшегося один на один с бушующими волнами. Да-да. Все это действует и на меня. Проживи я тут с месяц — и настанет день, когда я увижу, как деревянная женщина улыбнется мне.

— Но теперь... — опять начала Рика.

— Что же теперь?

— А теперь я тебе что-то скажу... Нет, не скажу! Хотя вот! Слышишь, как шелестят деревянные волосы женщины из океана?

— Слышу, — сказал я и поднялся.

Вечерело. Солнце клонилось к горизонту, и над океаном, островом, долиной и дюнами расплывался алый свет. Солнечные блики будто омывали тело деревянной женщины и наполняли его живым теплом. И лицо. Оно жило, жило! Она глядела в океан и тянулась к нему руками, звала его к себе длинными пальцами, просила: «Забери

меня, забери!» Чертовщина. Еще немного, и она заговорит со мной. Я протянул руку и прижал ладонь к телу женщины... И показалось мне, будто я уловил тяжелый и ровный стук деревянного сердца. Отдернув руку, я вернулся к Рике и сел рядом. Задымил трубкой. Голова слегка закружилаась. Мне все время хотелось смотреть и смотреть на деревянное изваяние, но усилием воли я не поворачивал голову.

— Вот сейчас будет самое главное. Самое... — проронила Рика.

— Что же еще сейчас будет, что? — Мой голос сел от табака, и я не спросил, а как-то просипел: — А не пора ли нам домой? Как-то там капитан Френсис?

— Да-да. Скоро мы пойдем домой. Но вначале ты должен увидеть это. И услышать это.

Она зябко повела плечами. Я снял куртку, накинул ей на плечи, обнял, прижал к себе. Рика замерзла, притаилась, как воробей под стрехой. Все лицо ее было полно ожидания, а в глазах прыгали и переливались золотистые огоньки.

Слабый вздох пронесся над океаном. Может, это ветер прошелестел в траве? Нет, ветер почти совсем стих, и волны уже не грохотали, а лишь вяло всплескивались — отлив убил в них силу и ярость.

Снова вздох. Рика шевельнулась, повела глазами влево.

Я посмотрел влево и увидел, как из волн поднимается ржавый корпус судна. Погнутые леера. Зазубренный железный борт, рыжий от ржавчины якорный клюз и в нем — лохматая от водорослей и ракушечника, якорь-цепь.

Вздох. Тяжкий, тягостный.

— Траулер «Дженни Рей». Погиб в тысяча девятьсот тридцать четвертом году, — сказала Рика. — Это он так вздыхает.

— Отлив! Вода выливается из него, воздух врывается в нутро. А потом волны выжимают воздух из трюмов и...

— Траулер вздыхает, — упрямно повторила Рика. — А вот и труба панамского парохода «Менхассет» показалась. О, этот сейчас застонет!

И я увидел толстую и короткую трубу. Обломок мачты. А потом — край рубки. Отлив был стремительным, на отмели вода всегда быстро уходит от берега, и уходит далеко. И потопленный, разрушенный океаном и временем пароход как бы выплывал из воды. Резкий и протяжный звук

разнесся над водой. Я вздрогнул и почувствовал, как Рика прижалась ко мне. Да, это напоминало стон! Не зверя, не человека — странный стон растерзанного штормом железного существа.

— «Джейсти Ловитт». Во-он, видишь? Бушприт задрали, — шептала Рика. — А правее — обломки корабля «Гардона», а рядом — мачты «Адельфии». А вот и «Гид» показался, а там, мористее, рубка «Арго».

Океан отступал от берега, и из воды показывались черные, с дырами иллюминаторов корпуса траулеров и пароходов; осклизлые, со сломанными мачтами и реями, с путаницей обвислых, заросших водорослями вант, корабли. Сколько их! Какую страшную добычу собрал тут океан!

Любой моряк знает, что каждый год в морях и океанах гибнут, а порой и пропадают без вести, не сообщив о своей судьбе ни единым сигналом, десятки больших и маленьких кораблей. Смертельная опасность подстерегает любого моряка в течение каждого рейса. Но как солдат, идущий в бой и знающий, что его могут убить, верит, что его-то не убьют. Так и моряк верит, что хотя в морях и океанах гибнут многие и многие суда, а с ними и многие-非常多的 моряки, но его-то траулер, его судно никогда не погибнет!

Все это так. И я знал все то, о чем сказано выше, я верил и верю в свою счастливую морскую судьбу, верю, что меня положат в землю, что моей могилой не будут черные океанские глубины. Но в этот момент, при виде стольких погибших кораблей, мной овладел страх. Сколько их! Когда-то красивых, стремительных. Как ровно и уверенно работали дышащие жаром в чреве этих разрушенных судовых корпусов машины! Моряки стояли на вахтах. Офицеры собирались в салонах, бренчало расстроенное пианино. Кто-то по ночам стоял на палубе, под шлюпкой, и любовался луной, купающейся в кильватерной струе.

— Больше не могу, — сказал я и поднялся. — Идем.

— Ты слышишь? Стонут! Они кричат, вздыхают, — сказала Рика. Она вцепилась мне в руку. — Ты только погляди, сколько погибших кораблей! Не ходи больше в море: теперь я буду думать и о тебе и беспокоиться. А мне и так тяжело!

— Идем, Рика.

— Подожди! Я вспомнила. — Она подняла искривленное гримасой лицо и выкрикнула: — Я все вспомнила!

— Что ты вспомнила?

— Ты мне раковинку подарил, да? Вспомнила: такую же раковинку мне привез из Лондона отец. И я вдруг увидала его. Он поднимается по лестнице, я бегу к нему, а у него что-то в руках. Смеется: «Угадай, что я тебе привез!» Я так тогда обрадовалась, собирала раковины, а такой у меня не было. И я вспомнила дом, маму. Дедушку и брата двоюродного. Всех вспомнила, всех!

— Как же так? Да-да, так бывает... Какой-то предмет, как кончик в клубке возвращающейся памяти.

— Женнет Холл — вот кто я! Из Плимута. А дом наш — на Джонсон-стрит, вот! И я вспомнила, как все было, вспомнила! Мы пошли в Канаду на нашей яхте «Марин». Втроем: папа, мама и я. И все было хорошо. А потом начался шторм. Сломалась мачта. И нас перевернуло. Спасательный плот отчего-то не надулся, а была лишь маленькая надувная лодка. Меня положили в лодку, а папа и мама держались за нее, но она не выдерживала троих и тонула, тонула. И тогда папа... — Рика передохнула. — И тогда папа отцепился и поплыл рядом. А потом и мама. Они плыли рядом и помогали друг другу. Папа все кричал мне: «Ты не бойся! Мы здесь!» Был очень сильный ветер. Нахлынула одна волна — нет мамы. Нахлынула другая — нет папы... Я плакала, звала их, а потом что-то со мной произошло, вдруг все исчезло... Может, я потеряла сознание? Открыла глаза — уже утро. Рядом никого. Я закричала, мне стало очень страшно и... А что было потом — не помню.

— Идем, — сказал я. — Надо сообщить. У тебя ведь остался дед и брат?

— Да-да, надо рассказать обо всем, но... — Она закрыла лицо руками. — А как же отец Джо? А капитан Френсис? А... Как я могу оставить их одних, как?

— Рика, Рика... — Я сжал ее худенькое тело.

Вздыхали погибшие корабли. Солнце опускалось к расплавленной кромке океана. Тревогой и безнадежностью, отчаянием веяло от красного закатного света.

Было уже темно, когда мы подошли к спасательной станции. Что там? Еще издали мы увидели, что возле слипа ярко горит свет, там торопливо и как-то нервно двигались люди, что-то несли, укладывали в спасательный катер.

Отлив кончился. Начался такой же бурный, как и отлив, прилив. Океан все еще не мог успокоиться от минувшего шторма. Из посеребренной луной океанской ширы выкатывались водяные валы. Вечер был теплым, душой овладевало неясное беспокойство. А вода, ее всплески тускло светились голубоватым фосфоресцирующим светом.

— Что-то там случилось,— сказала Рика.— Идем быстрее.

— Эй, док! «Сириус» тебя без конца вызывает,— услышал я толстяка Джо.

— А что у вас происходит? — спросил я, подойдя ближе.

— Огонек в океане мелькает. Погляди во-он туда.

— Вижу, вижу!— воскликнула Рика.— Наверно, огонь спасательного жилета или круга.

— Угу,— буркнул толстяк Джо.— Сейчас мы пойдем к нему. Накат очень сильный, если там человек, он погибнет в приливных волнах. Надо успеть его выхватить из воды.

— Как капитан?

— Еле заставили его лежать. Узнал про огонь в океане и полез из койки. Хоть привязывай.

— Такие волны... Накат! — с сомнением сказал я и поглядел на океан. Волны добрашивались чуть не до самой шлюпки.

— Разве это волны? — усмехнулся Джо.— Прокочим их и не заметим.

Он рванул дверь. Прошел в рубку, и мы с Рикой — за ним.

Сорвав трубку радиотелефона, Джо установил шестнадцатый канал и пророкотал:

— «Сириус», «Сириус»! — Прислушался, протянул мне трубку.

— Остров Сейбл! Остров Сейбл. «Сириус» на связи. Пришел там наш доктор? — услышал я искаженный расстоянием, шорохами, потрескиванием голос радиста.— Алло, остров Сейбл, остров Сейбл!

— На связи остров,— отозвался я.— Ну что там у вас?

— Толя, ты? Сейчас будешь говорить с капитаном.

— Как там дела? Как больной? — тотчас услышал я голос моего капитана.— Прием.

— С больным хорошо.

— Слушай, доктор! Мы загрузились, возвращаемся на

промысел, часа через три будем проходить мимо острова и заберем тебя,— сказал капитан.— Как понял? Сегодня надо быть на судне.

— Просят, если можно, доставить меня сегодня на судно,— сказал я толстяку Джо.— Они вскоре подойдут.

— Как сегодня?! — выкрикнула Рика.— Мы еще должны поговорить. Мы еще ничего не решили! Мы ведь...

— Жаль, что так получается,— сказал Джо и улыбнулся, пожал толстыми плечами.— Что ж, все кстати. Мы спускаем шлюпку. Тонни! — позвал он второго радиста.— Ты опять опаздываешь на радиовахту?

— Джо! Черт тебя подери, ты там еще долго будешь торчать в радиорубке? — послышался голос Алекса.— Быстрее.

— Доктор уходит с нами,— отозвался Джо.— Спасательный пояс для него в шлюпку. И его вещи! — Потом он сказал мне: — Пускай подходит на Мидл-Банк. Там будем ждать.

— Капитан, идите на Мидл-Банк,— сказал я в трубку.— Как поняли? Далеко вы от Мидл-Банк?

— Да рядышком,— весело отозвался капитан.— Через час будем на Мидл-Банк. Все. Закрываю связь.

— До встречи.— В радиорубку вошел второй радист, Тонни, и я отдал ему трубку.— Схожу к Френсису, и можем отправляться. Рика, где ты?

— Идем.— Девочка схватила меня за руку. Мы вышли из дома следом за Джо, мимо пробежал Алекс, он нес мой саквояж и красный спасательный жилет.

— Поторопливайся, док,— сказал он.— Если там человек...

— Как себя чувствуете, капитан? — спросил я еще с порога дома.— Сейчас я вас посмотрю.

— Отлично, мой друг,— послышалось в ответ.

Капитан действительно выглядел отлично. Повернул ко мне свое резко очерченное, обтянутое по скулам сухой кожей лицо. Сказал:

— На мне все раны как на собаке заживают.

— Поднимите рубаху. Здесь больно? Здесь?

Шов был великолепен. Я полюбовался своей работой. Зарастет, и не заметишь. Чистенько получилось.

— Когда будете на материке, сходите в больницу,—

сказал я, опуская рубаху.— Вам там снимут швы. Ну, салют!

Капитан протянул мне руку, я свою, и он до боли сжал мне ладонь, взглянул заблестевшими глазами в лицо, а потом отвернулся к окну...

— Садимся,— резко и властно сказал толстяк Джо. В красном спасательном жилете он был еще толще, массивнее. Человек-гора.— Док, быстро надевай жилет! Алекс, заводи. Док, тебе говорю!

— Да-да... Я готов. А где же Рика? Я еще не попрощался. Я зашел к капитану, а она...

— Рика, Рика! — заорал рыжий Алекс.— Мы уходим.

— Здесь я, здесь! И я с вами.

Размахивая жилетом, девочка бежала к шлюпке. Она быстро вскарабкалась на эстакаду и махнула через борт. Алекс толкнул ее — выйди из шлюпки! Рика вцепилась в рукав моей куртки с таким видом, что было ясно: хоть руки ей оторви, но она не разожмет пальцев.

— Заводи,— снова приказал толстяк Джо.

— Всего вам доброго в жизни,— услышал я голос отца Грегори.

Взревел двигатель. Запахло сгоревшей соляркой. Толстяк Джо приподнялся и рванул на себя брезентовый защитный каркас. Передняя половина шлюпки оказалась закрытой. Джо махнул рукой отцу Грегори, тот повернулся стопорный рычаг, и вагонетка, на которой стояла наша спасательная шлюпка, с тугим гудением колес покатилась по рельсам.

— Держи-ись! — разнесся голос толстяка Джо.

Толчок. Жесткий удар днища о воду. Плеск. Волны справа и слева. Рику бросило на меня, я схватил ее и почувствовал, как вначале шлюпка взлетела вверх, на волну, и как спустя мгновение ринулась вниз, под волну. Еще взлет. Еще падение. Пена и брызги летели через борт и тент, отблески света падали на лица Алекса и толстяка Джо. Алекс весь подался вперед, а Джо сидел на корме также спокойно и величественно, как днем на дюне в своем кресле.

— Как же быть? Как же быть! — спрашивала Рика.— Скажи мне, скажи!

— Не знаю, не знаю,— отвечал я ей. Да и что можно

было ей посоветовать? — Только сердце твоё... только оно может подсказать, только оно одно.

— Правее, Джо,— сказал тут Алекс.

— Вижу, дружище, вижу,— отозвался тот.— Малый ход. Ого-го-го-оо! — тут же закричал он.— Есть кто там живо-ой?

Мы все прислушались. Ровно, натуженно рокотал двигатель. С сопением выплевывалась вода из трубы охлаждения. Ни звука в ответ. Молчание.

— Стоп,— приказал Джо, и Алекс перевел двигатель на нейтралку, а сам поднялся, потянул из шлюпки багор. Джо поднялся. Стоя во весь свой громадный рост, он уводил румпель вправо.

Мы с Рикой выглянули из-под тента. Метрах в пятнадцати от шлюпки плясал и раскачивался яркий огонек. А чуть левее, то всплывая, то погружаясь в воду, белая полоса спасательного круга.

— Никого,— сказал толстяк Джо.— Просто сорвало ветром.

Алекс подцепил его багром.

— А вот и ходовые огни «Сириуса»,— сказал Алекс.

Подтянув круг к шлюпке, он перевалил его через борт и вывинтил лампочку-мигалку.

«Сириус»! Палубные софиты там зажглись, потом включили прожектор на пеленгаторном мостике, и над водой разнесся могучий радиоголос:

— Боцман. Майнай парадный тр-рап. Ну что споришь? Отставить разговоры. Капитан разрешил!

Волны в открытом океане были совсем небольшими, двигатель работал на полную мощность, и шлюпка быстро приближалась к траулеру. На палубе толпились люди. Несколько человек стояли на крыле мостика. Капитан в закрывающей пол-лица фуражке, белоголовый вихрастый штурман Шурик, стармех, вытирающий ветошью руки. Привычно запахло свежей рыбой и суриком.

Я посмотрел на Рику. Она на меня. Если бы у меня была дочь, как бы я ее любил! Ком застрял в горле. Говорить я ничего не мог, да и о чем можно говорить в такую минуту? Протянул руку толстяку Джо, потом Алексу. Наклонился к девочке, и она прижалась лицом к моему.

— Я остаюсь на острове, остаюсь! — крикнула она, когда я уже поднимался по трапу.— Ты слышишь, Нат?..

ГРЕГГИ — ВОЖДЬ ОБЕЗЬЯН

Гибралтар. Живописные дома, прилепившиеся к скалам, узенькие улочки, пальмы у самого берега, множество судов на рейде и возле пирса, к которому подходит наша шлюпка. И впереди — несколько часов, которые мы проведем на суше после долгого плавания.

Мягко рокочет мотор, стелется за кормой шлюпки белая полоса, надвигается на нас высокая обрывистая гибралтарская скала. Медленно подходим к пирсу. Волна ударяется в каменную стенку, плещется по зеленым ступеням. Пахнет водорослями, свежей рыбой, смолистой пенькой. У пирса стоит шхуна, с нее выгружают корзины, полные еще живой серебристой сардины.

Матрос Жаров — ему во всем и везде хочется быть первым — спрыгивает со шлюпки. Замахал руками, удер-

живая равновесие, смеется, тянет за собой сырой сизалевый трос, и мы один за другим выскакиваем на берег. Все! Дав задний ход, шлюпка отваливает от пирса, и рыболовы, сидящие на его краю, вновь опускают в воду свои снасти.

— Что рыба? Клюет? Ловись, рыбка, большая и маленькая!

Всныка Жаров спешит к рыболовам. Оглядывается в нашу сторону, вытаскивает из кармана снасти и решительно садится на шершавый камень, а нас окружает толпа гибралтарцев, портовых зазывал.

— Сеньор, если у вас есть час свободного времени, вы можете посетить клуб «Летящий Ангел», — вкрадчиво, на приличном русском языке говорит мне пожилой мужчина в монашеской рясе, из-под которой выпирает объемистый живот. Он протягивает несколько листков. — Вот почитайте это. В нашем клубе есть плавательный бассейн, бильярдная, библиотека, бар с бесплатным пивом. Сеньор, я приглашаю вас в гости. Мы поговорим о спасении вашей души...

— Сеньор желает покататься в карете? Сеньор, сеньор!

— Сеньор, я сведу вас в самый лучший ресторанчик нашего города, — шепчет мне в ухо, колясь небритой щетиной, обрюзгший мужчина с желтым помятым лицом. — Вы там найдете все, что пожелаете.

— Послушайте же, сеньоры! Посетите наш магазин «Аврора»! Мы говорим по-русски.

— У меня больной отец, мне надо хоть немного заработать. — Смуглый черноглазый мальчик в белой рубашке умоляюще смотрит в наши лица.

Я останавливаюсь, мальчик улыбается и поднимает выше голову. Странная улыбка на лице. И гордая и — просиящая. Очень трудно казаться гордым, когда нужно о чем-то просить.

— Это будет совсем недорого, всего десять шиллингов. Я сведу вас к обезьянам.

— В зоопарк?

— Нет, что вы? К самым настоящим обезьянам, к диким. — Мальчик оживляется, голос его становится звонким. — Идемте, сеньор, я их всех знаю, я дружу с ними. И это будет стоить всего...

— Михалыч, вы на пляж? — окликаю я своего приятеля.

Боцман поднимает голову. Монах из клуба «Летящий Ангел» держит его за руку и что-то вкрадчиво шепчет в ухо. Михалыч кивает мне: да, он со своими парнями из палубной команды пойдет на пляж.

— Я подгребу к вам через час... Идем, мальчик. Как тебя звать? — Я говорю, мешая испанские слова с английскими. Где не хватает слов, помогают пальцы. И мы понимаем друг друга.— Идти далеко? За час доберемся?

— Меня звать Ромеро. Я из Альсехироса. Я учусь, но сейчас каникулы, и я каждый день прихожу сюда на заработки.

— Сеньор, а клуб «Летящий Ангел»? — несется вслед.

— Постойте, вы не хотите посетить мой ресторанчик? — Мужчина хватает меня за рукав.

— Сеньор, может, прокатитесь в карете? — бормочет тощий, какой-то весь высущенный старичок с кнутом.— Сеньор, мы на краю гибели. И я, и моя лошадь.

Вот подлетает к пирсу другой катер. Толпа испанцев забыла о нас, устремилась на мокрые плиты. Просящие звучат их голоса. Что ж, может, им сейчас больше повезет. Мы тут не в первый раз и знаем, что клуб «Летящий Ангел» — это дощатый ангар со скучной библиотечкой церковных книг и скрипучим бильярдом, по зеленому сукну которого, как Млечный Путь, тянется россыпь выеденных молью дыр. И прогулка в карете не доставит особого удовольствия, а хваленый ресторанчик окажется душным подвальным кабачком. Нет, я не скажу, что Гибралтар захудалый городишко. Отнюдь! Тут есть великолепный плавательный бассейн, замечательный кинотеатр, множество роскошных магазинов, но владельцы этих заведений не толкуются на пирсе... Вот только про диких обезьян мне как-то не приходилось слышать. Не обманет ли меня мой юный проводник?

— Вы будете довольны, сеньор, поверьте мне! — восклицает мальчик, догадавшись по выражению моего лица, о чем я думаю.— Разрази меня гром и прокляни святая дева Мария, покровительница нашей семьи! Вот,— Ромеро расстегивает воротник рубашки, вынимает маленький серебряный образок на цепочке и целует его.— Идемте же, сеньор, а по пути я вам о многом расскажу. Да! Сегодня ведь развод караула. Поспешим, сеньор.

Мы идем через проходную порта. Полицейский в форме

и черном шлеме с ремешком отбирает у меня пропуск и дружески подмигивает мальчику, а тот озабоченно выглядывает из проходной: толпятся тут еще человек десять, надеются на случайный заработок. Ромеро хватает меня за руку и выкрикивает:

— Это мой человек! Отстаньте, не трогайте его! — Поворачивается ко мне.— Просто невозможно работать. Безработица сейчас,— озабоченно поясняет Ромеро, когда мы удаляемся от проходной.— Туристов мало. К тому же англичане большую ремонтную верфь закрыли. Вы, наверно, хотите пить? Тогда заглянем к дяде Роландо.

Толстый, потный Роландо подает холодный апельсиновый сок и кока-колу, которую я попросил для мальчика. Ромеро отрицательно качает головой. Потом, немного подумав, говорит:

— Если сеньор не против, он может мне дать деньгами. Как раз я расплачусь с полицейским в проходной порта.

— Пей. А вот тебе еще и эти деньги. А почему ты должен расплачиваться с полицейским?

— Видите ли, он пропускает меня к самому пирсу, понимаете? И за это надо платить. Спасибо за воду, такая жара сегодня!

Солнце с трудом проникает на узкую главную улицу Гибралтара Мэйн-стрит. Да, не сезон, улица почти пуста, и многие магазины закрыты, а в тех, что работают, посетителей мало. Завидя приезжих, владельцы магазинчиков высовываются из дверей, выкрикивают названия наиболее популярных товаров, зазывают к себе.

— Ромеро, скажи этому русскому, что ты обещал приводить ко мне своих людей.

— Хорошо,— говорит мой экскурсовод.— Я ему скажу об этом.

— Ромеро, если русский проголодается, скажи ему, что у меня самое лучшее в городе жаркое по-мексикански — «Ассадо».

— Скажу, если ты и мне дашь кусочек,— смеется мальчик и поясняет: — Меня тут все знают. И это точно: жаркое у дяди Фернандо — пальчики оближешь! — Ромеро для наглядности облизывает пальцы, а потом восклицает: — Да, «Ассадо» у дяди Фернандо ох и вкусное! Надеюсь, что вы, сеньор, проголодаетесь и...

— Надейся, дружище,— смеюсь и я.— Наверняка мы оба проголодаемся и заглянем к Фернандо.

Где-то за нашими спинами, в глубине улицы, раздается барабанный бой и звуки труб. Ромеро торопит меня, и мы вскоре оказываемся на небольшой уютной площади. Тут, в старинном здании монастыря, размещена резиденция английского коменданта города и крепости Гибралтар.

— Вот он,— говорит мне Ромеро.— Во-он тот, со стеком.

Несколько военных выходят из дома и становятся по стойке «смирно». Гром оркестра нарастает. Рядами по восемь человек идут к площади музыканты. За оркестром колышутся высокие мохнатые шапки и покачиваются в такт движения штыки. Площадь запружена любопытными. Вот участники смены караула уже на площади. У многих музыкантов через плечи перекинуты леопардовые шкуры. Смолкают звуки труб, только барабаны отбивают гулкую дробь. Солдаты в меховых шапках маршируют по площади размеренным, с задержкой, через такт, шагом. Останавливаются. Звучит команда. Барабанщики смолкают, прижимают одну из барабанных палочек к носу.

— Р-р-ра!..— разносится над площадью дружный рев.

Солдаты, высоко задирая колени, топчутся на месте, будто пытаются раздавить своими подкованными толстыми ботинками змею, а потом широко расставляют ноги и отбрасывают карабины на расстояние вытянутой руки, замирают, будто большие механические куклы.

Снова звучит команда. Солдаты, перестроившись, поворачиваются за оркестром.

Поют трубы. Слышны удары барабана. Карабул смеялся.

Шоссе круто поднимается в гору. По совету Ромеро я купил пакет печенья и немного конфет: угостить обезьян. Мы идем по шоссе, а город как бы все больше и больше опускается вниз.

Белые дома, рыжие скалы, зеленые клочки зелени, синяя бухта. Теплоходы. Ищу глазами свой. Во-он мой траулер. Какой же он маленький! Нежно гляжу на этот игрушечный теплоходик, который долгие месяцы будет моим домом.

— Говорят про обезьян по-разному,— рассказывает между тем Ромеро. Он то забегает вперед и, подняв камень,

швыряет его в кусты, то скакет на одной ноге, то, вспомнив, что он не просто гуляет, а работает, начинает степенно вышагивать возле меня.— Кто говорит, что давным-давно тут, на этой скале, было целое царство обезьян. И что они воевали с людьми, бросая сверху камни. А кто говорит...— Ромеро бросается с обочины в траву, ловит большущего синевато-зеленого жука и, показав его мне, отпускает.— А другие говорят, что это вовсе и не обезьяны, а люди, что их заколдовали, но настанет день, и они опять станут людьми и спустятся с горы в город. Но все это, наверно, выдумки, правда?

Потом дорога пропадает, теперь мы бредем по неширокой тропинке. Над нами висит туча. Все небо над морем и дальше, над сушей, чистое, а над скалой — туча. Поглядев на нее, Ромеро говорит:

— Вот странно, туча всегда висит над скалой, а дождь из нее не идет. А воды в ней — ого! Вот бы в нее такую трубу вделать, и потекла бы водичка в город. У нас ведь нет своей воды: привозим.

Я это знаю. Маленький скалистый полуостров не имеет ни одного колодца. Очень дорого стоит эта привозная вода. А еще ее собирают. Многие обрывистые откосы скалы как бы окованы в бетонный панцирь. Во время редких ливней вода скатывается с этих панцирей в специальные водохранилища, очищается, а потом по трубам направляется в город.

— Глядите! — восклицает Ромеро.— Вот они!

Прямо на нас идет толпа больших обезьян! Становится немного не по себе. Оглядываюсь. Путь назад отрезан. Из пещеры, мимо которой мы только что прошли, выбираются животные. Пять... восемь... одиннадцать... Молча, внимательно разглядывая нас, обезьяны идут навстречу, обходят сзади. Тот отряд, что показался из-за поворота, возглавляет крупный, уже седеющий самец. Его глаза глядят прямо мне в зрачки.

— Это вожак, Грегги,— тихо говорит мне Ромеро и, оставив меня, идет навстречу вожаку.— Хеллоу, Грегги, это я, Ромеро! Ты, конечно, узнал меня? Я привел моего друга, моряка.

Кто-то трогает меня сзади. Оборачиваюсь. Мохнатый, мускулистый гамадрил стоит на задних лапах, тянет ко мне передние, будто желает со мной поздороваться. Грегги

стремительно бросается к нему и отбрасывает гамадрила. Обезьяна прыгает на валун, разглядывает меня. Я достаю пакет с печеньем. С радостными криками стадо животных устремляется к пакету. Предостерегающе зарычал Грегги, протягивает лапу.

— Выньте из пакета штук пять и отдайте ему, — говорит Ромеро. — А остальное — другим, по одной штучке.

Грегги степенно берет печенье и, громко хрустя, начинает жевать. Гамадрилы теснятся возле меня, толкаются, тянут свои коричневые узкие ладошки, я раздаю печенье, а потом и конфеты.

— Мы отдали все, — говорит Ромеро вожаку. — Мы немного побудем тут и уйдем. Хорошо, Грегги?

Быстро взглянув на мальчика, Грегги аккуратно разворачивает конфеты, а бумажки бросает. Малышня подхватывает яркие бумажки, ссорится. Один из гамадрилов, кажется опять тот, который хотел со мной обняться, подходит и деловито опровергивает сначала карманы моих брюк, а потом и брюк Ромеро. Увы, больше у нас ничего нет.

— Когда много туристов, то обезьян просто закармливают. Сюда тащат и фрукты, и конфеты, и шоколад, — рассказывает Ромеро. — И обезьяны так объедаются, что даже животы у них болят. Глядите: парусный корабль в бухту входит!

По синей воде бухты под всеми парусами медленно скользит корабль.

— Вырасту — стану моряком. Ах, как хочу побывать в Южной Америке!

Помолчав немного, Ромеро тихонько рассказывает:

— А однажды я убежал из дома. Отец меня побил. Пытался пробраться на какое-нибудь судно. Не получилось. Пошел в горы к обезьянам. Забрался в одну пещеру, натащил туда сухой травы и лег. Стало темнеть. Пришла одна обезьяна, потом другая. Потом много-много. Они подходили, трогали меня и о чем-то разговаривали друг с другом. И мне стало очень страшно... — Замолчав, Ромеро опять глядит на бухту. — Паруса там, на корабле, убирают. А вот и якорь в воду упал... Но я напрасно пугался: никто меня не тронул. Я заснул, и обезьяны легли рядом со мной. Мне было очень тепло. Только... — Ромеро засмеялся и шепотом сообщил: — Только я потом очень чесался: обезьяны блохи меня искасали.

— Пора возвращаться,— говорю я, потому что действительно время летит быстро, а мне еще нужно кое-что сделать в городе.— Пожалуй, и поесть было бы неплохо. Так ты говоришь, что самое лучшее «Ассадо» у Фернандо? Что ж, проверим.

— А сеньор помнит, сколько он мне должен? — озабоченным тоном спрашивает Ромеро.— Полфунта, сеньор. Десять шиллингов.

— Ты заработал целый фунт,— говорю я, потому что это действительно так. Если бы не этот мальчик, разве я когда-нибудь познакомился с обезьянами и их вожаком Грегги?

— Нет, сеньор,— нахмурившись, твердо говорит мальчик.— Я не прошу больше. Я не обманщик и не вымогатель.

— Ладно, покатились вниз,— говорю я.— У меня не бывает денег мельче, чем фунт... Прощайте все! И ты, Грегги!

Плотной толпой обезьяны идут следом, а потом начинают отставать.

Лишь Грегги идет возле нас до самой дороги. Что ему надо? Шарю в карманах брюк, куртки и нахожу еще одну конфету. Даю Грегги, но тот швыряет ее в траву, поворачивается и медленно начинает подниматься в гору. Наверно, он нас просто провожал до границы их владений.

Жаркое у дяди Фернандо действительно чудесное. Мальчик ест медленно, неторопливо, но я вижу, как он голоден. Ешь, мальчуган, спасибо тебе за это путешествие и за твой рассказ. Может, ты придумал про свою ночевку в пещере у обезьян, но хочется верить, что так все и было.

— Между прочим, сеньор, и я умею готовить такое жаркое,— говорит Ромеро, когда мы выходим на улицу из маленького кафе дяди Фернандо.— О, я многое умею! Печь хлеб, готовить самые разные блюда. Я умею шить и штопать, стирать и гладить! — Он быстро и как-то тревожно поглядывает на меня, будто о чем-то хочет попросить, но не решается.— Видите ли... мне надо найти приличную постоянную работу.— Он тяжело вздыхает.— Отец у меня давно без работы, мать занимается стиркой, но что на этом заработаешь? А у меня еще три сестренки. Между прочим, я бы мог быть и матросом.

— Вот как? Да ты на все руки мастер!

— Не отправиться ли мне с вами в плавание? Ну не матросом, а хотя бы юнгой. Как вы считаете?

— А почему бы и нет? — шучу я.

— Когда уходит в рейс ваш траулер?

— Под вечер. А шлюпка придет за нами часа через два. Ромеро пожимает мне руку и уходит. Гляжу ему вслед. Будь моя воля, забрал бы его в плавание.

Время летит незаметно. Я разыскиваю своих товарищей на пляже, и вскоре мы спешим в порт. Все та же толпа на пирсе, но что это? И Ромеро тут. В руке — узелок.

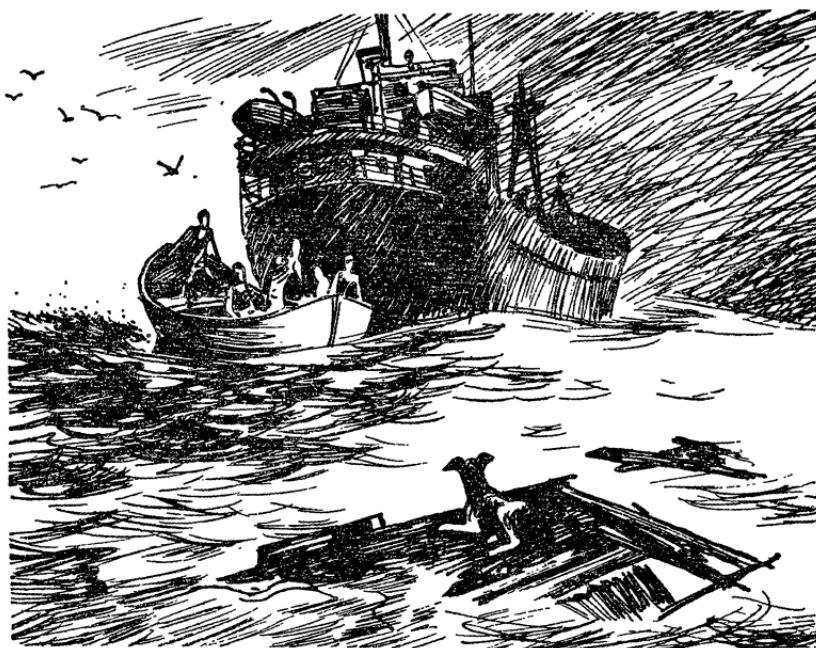
— Я готов, — говорит мне Ромеро. — Отправляюсь с вами.

— Что?! Но я же пошутил! Прости, дружище, но я не думал, что ты...

— Вы пошутили? — Ромеро отворачивается. Протягивает мне руку. — И я пошутил! Счастливого вам плавания.

Я вижу, какого труда ему стоит сдержать слезы. Меня зовут. Прыгаю в шлюпку. Шум, крики, плеск воды... Поникшая фигурка на пирсе.

Немало уже лет прошло с той поры, но до сих пор не могу простить себе своей неосторожной шутки.

ВОЗЬМИТЕ В РЕЙС СОБАКУ

Это произошло в северной части Атлантического океана. При переходе из одного района промысла в другой наш рыболовный траулер попал в жестокий шторм.

Неделю мы не ели горячей пищи, потому что взбесившийся океан вышвыривал кастрюли из гнезд электрической печи на камбуз; неделю не могли спать, потому что рисковали каждую минуту свалиться с койки на палубу каюты; неделю с тревогой прислушивались к вою ветра, грохоту и плеску волн и думали об одном: только не вышел бы из строя двигатель. Нас спасало лишь то, что мы держались носом на волну — так легче устоять. Да, только бы выдержала машина! Остановись она, и судно тотчас перестанет слушаться руля. Тогда катастрофа. Траулер развернется бортом к волне, и водяные холмы в сотни тонн

весом рухнут на палубу судна, снесут с него, как мусор, шлюпки, спасательные плотики, разломают надстройки, сорвут трубу. Вода потоком хлынет в машинное отделение и...

Двигатель выдержал. На восьмые сутки ветер, израсходовав силы, начал стихать. Он уже не вил, а лишь тоскливо скрипел в вантах. Наверно, досадовал, что не смог с нами ничего поделать. Волны пошли на убыль, они становились все более пологими и уже не швыряли траулер, не валили его с борта на борт, а просто плавно раскачивали. Да вот и черные, лохматые тучи разорвались вдруг в разных местах, как старая прогнившая ткань, и сквозь эти прорехи хлынули к поверхности океана лучи солнца.

Осунувшиеся, заросшие щетиной, мы выбрались на палубу из помещений и с жадностью вдохнули свежий, чуть солоноватый воздух. Легко и радостно было на душе у каждого из нас: мы выстояли!

В ходовой рубке было тихо, лишь мерно, уютно журжал мотор гирокомпаса, да в штурманской, где была открыта дверь, слышалось шуршание карт. Это капитан перебирал их, откладывал те, что понадобятся нам в новом районе лова.

— Капитан! Вижу в воде какие-то плавающие предметы, — сказал вахтенный штурман, глядя в бинокль. — Уж не погиб ли кто?

— О чём болтаешь? — сердито сказал капитан. — «Погиб»! Скажешь такое! Ну-ка что ты там увидел?

Штурман протянул мне второй бинокль, я подкрутил окуляры и стал, как и капитан, глядеть в указанном направлении. Волны. Несколько чаек над самой водой. Стайка летучих рыб выскоцила из океана, одна из птиц бросилась за ними. Да, вижу! Вот спасательный круг, доски, пустые бочки, обломок мачты, еще какие-то обломки.

— Глядите, крысы! — крикнул штурман. — Да вон же, вон!

На одной из досок теснились, сбившись в дрожащую кучу, крысы. Сомнений быть не могло: совсем недавно тут произошла катастрофа. Какое-то судно не выдержало схватки с океаном.

— Леднев! Берите боцмана, двух матросов, моториста и в шлюпку, — приказал мне капитан. — Осмотреть все внимательно.

Через несколько минут шлюпка закачалась на волнах, зврел двигатель, и мы направились к месту гибели судна. Наверняка кто-то уже подобрал терпящих бедствие моряков, и все же... Не показалось ли? Да нет же! Сквозь плеск волн и рокот двигателя шлюпки до нас донесся собачий лай. Да-да, мы не ошиблись: из-за расщепленных досок одного из самых крупных обломков — это была крыша рубки — показалась голова небольшой собачонки...

На самом малом ходу, внимательно осматривая воду и плавающий в волнах мусор, мы направились к собаке. А она лаяла хриплым, сорванным голосом. Ну, вот еще метров пять, еще... Нос шлюпки ткнулся в сорванную волнами с судна рубку, боцман перегнулся через борт и взял собаку.

— Держи,— сказал он самому молодому нашему матросу Саше.— Больше тут никого нет.

— Что же тут произошло? — бормотал Саша, прижимая к себе мокрую, дрожащую собачонку.— Ну не бойся. Теперь тебе будет хорошо.

Мы вернулись на траулер, подняли шлюпку на ботдек и до позднего вечера кружили у места катастрофы, пускали ракеты. Однако не нашли никого. Люди ушли от места гибели судна на спасательной шлюпке, или их подобрали моряки какого-то другого теплохода или траулера, оказавшегося поблизости.

На шее собачонки было надето медное кольцо, и на нем было выбито по-английски «Tim. Клипер «Сnek». Когда мы покидали район гибели клипера «Сnek» — так в наши дни называются небольшие, на пять-шесть человек экипажа, американские и канадские рыболовные суда, — морской пес Тим, словно прощааясь со своим клипером и теми людьми, которых, наверно, очень любил, вдруг завыл. Он скучил до заката солнца, и было тяжело слышать этот собачий голос, разносящийся над океаном. Мы не трогали Тима: ему надо было излить свое горе. Но вот солнце зашло, несколько минут Тим смотрел в ту сторону, где огненный шар нырнул в океан, а потом вздохнул, лег на палубу и тотчас уснул. Видимо, он уже несколько ночей не спал.

Саша отнес его в каюту и положил на кусок войлока в черепахий панцирь — наш океанский трофей. Сел рядом. Он глядел на Тима, будто пытался угадать, что же все-таки произошло в океане? Однако никто из нас никогда не

узнает этого: моряки со «Снека», если и спаслись, не расскажут нам о трагедии. А океан крепко хранит свои тайны.

На другое утро мы ушли уже далеко от тех мест, где волны с ветром так жестоко расправились со «Снеком».

Так вот, было солнечно, тепло и тихо. Мы занимались обычными судовыми делами: готовили трал, сушили брезенты и свои собственные вещи, отсыревшие во время шторма, радовались, что ушли из тех широт, где нас преследовали вязкие, непроницаемые для глаз туманы, ливни и пронизывающие ветры. Теперь мы шли на юг, ближе к тропикам.

А по мокрой палубе бегал Тим. Мне казалось, что в его глазах еще таится испуг и грусть, и, наверно, так оно и было, но Тим не хотел расстраивать нас своим удрученным видом. Мужественно перенеся трагедию, он больше не скулил и не выл, как вчера, а деловito знакомился с траулером. Он все осматривал, обнюхивал и, как бы показывая, что ему тут нравится, весело помахивал хвостом и подавал звонкий голос.

— Вот тут будет стоять твоя миска, — поучал его Саша, указывая место у траловой лебедки. — Гляди, чтобы тут всегда было чисто. Не люблю нерях.

Тим слушал его и приподнимал то одно ухо, то другое: не так-то было легко привыкнуть к иностранной речи. Ведь он понимал, вероятно, только по-английски.

— Мис-ка. Это ми-ска, — втолковывал ему Саша. — Ну, понял?

Наконец Тимка коротко гавкнул, будто пытаясь сказать: «Конечно, понял! Самый глупый щенок и тот сразу все поймет».

— О'кэй, — сказал Саша, переходя на английский. — Плиз, Тимка, теперь я покажу тебе твой гальюн. По-маленькуму ты будешь ходить вот сюда, в шпигат. Ол райт?

Поразмышляв немного, Тимка опять гавкнул и тотчас с самым серьезным видом поднял заднюю лапу и начал прысать, точно попадая в отверстие шпигата.

Мы, несколько моряков, наблюдавших за Сашей и Тимкой, засмеялись: у пса была отличная морская выучка. И если ранее мы просто жалели Тимку, как потерпевшего кораблекрушение, то с этого момента полюбили его: сообра-

зительный! В дальнейшем Тим ни разу не разочаровывал нас своими поступками, и мы приняли его в нашу морскую семью, а вскоре просто и не представляли себе, как бы мы жили без этой забавной собачонки.

Летело время. Катились дни один за другим — дни, просоленные ветром, постоянно прокатывающимся над океаном, дни, прокаленные жгучим тропическим солнцем.

Мы пришли в новый район промысла, с утра и до позднего вечера не покидали палубы, тралили и тралили рыбу.

Тимка быстро привык к распорядку дня на траулере. Он совершенно точно узнавал время утренней побудки и выныривал из своей «койки» — черепашьего панциря — минут за десять до того, как в каютах начинали просыпаться матросы.

Открыв лапами дверь, он выбегал на палубу, чтобы сделать свое маленькое дело или порыться в ящике с песком, а потом начинал носиться по коридору судна с веселым лаем, и траулер тотчас ожидал. Матросы просыпались, каждый зазывал Тимку к себе, чтобы угостить кусочком сахара или просто хоть минутку поиграть с ним, что Тимка очень любил. Но Саша уже звал его:

— Тима! Где ты, морской пес? А ну-ка неси свою миску.

Саша очень любил Тимку. Мне он сказал, что всю жизнь мечтал о собаке, хоть самой обыкновенной дворняжке, но как-то не получалось. Жил Саша в коммунальной квартире, где было строжайше запрещено держать не только собак, но даже кошек. И вдруг — Тим! И Саша немножко ревновал Тимку к остальным морякам, он просто минуты не мог прожить без него. Работает на палубе, а сам глазами ищет: где он?

Утро. Подъем. Тимка бежит с миской в зубах, И мы тоже идем завтракать, идем, ругая кока: опять манная каша! Сколько мы этой каши уже съели в рейсе? Идем на корму, в салон, где камбузный матрос расставляет по столам чайники с крепким, заваренным до черноты чаем. Зеваем: рань-то какая! Спать бы еще да спать, еще и солнце не поднялось из-за горизонта, но труд рыбака суров и труден. И как бы ни тянуло тебя к койке, спеши, рыбак, на палубу, чтобы с первым всплеском солнечных лучей трап ушел в воду.

— Тимка, перчатки,— говорит Саша.— Быстро!

Мчится Тимка, несет перчатки: за работу, друзья! Ну вот и загудела траловая лебедка, начался новый трудовой день. Заслышав знакомые звуки, к траулеру отовсюду начинают слетаться чайки. Птицы совершенно точно знают, что сулит им этот рокот машины. Сейчас трал уйдет под воду, а потом вынырнет, полный рыбы. И тогда можно неплохо поживиться.

Тимка терпеть не мог нахальных птиц. Мало того, что чайки ловили помятых ячеями трала рыб в воде, они пытались унести их прямо с палубы, а разве такое допустимо? То, что выпало из трала за борт, — твое, а что на палубе — не бери! Тимка с яростным рычанием подпрыгивал и пытался схватить нахалок. И однажды он уцепился за хвост большой серебристо-серой чайки. Выпустив краденную рыбу и закричав, чайка взвилась над палубой, а Тимка, не разжимая зубов, болтался на ее хвосте. Мы замерли. Это длилось менее секунды. Затем Тимка вместе с перьями, которые выпали из хвоста птицы, шлепнулся в ящик для рыбы. А птица еще долго кружила над траулером с тоскливыми криками, будто просила, чтобы ей вернули потерянные перья.

Жизнь Тимки на траулере была полна веселых, а порой и опасных приключений.

Защищая улов от настырных чаек, он все время крутился возле улова, серебряной грудой насыпанного на палубе. А вместе с рыбой на судно попадали разные морские обитатели, с которыми нужно держать ухо востро. Конечно, Саша предупреждал Тимку, втолковывая ему, чтобы он был осторожен, но кому не известно, что каждое живое существо познает опасности лишь только через свой жизненный опыт?

Кальмар как-то попался. Очень большой кальмар. Глазастый, хрящеватый, с длинными щупальцами, на концах которых были розовые присоски, похожие на прозрачные чашечки. Тимка нечаянно наступил задней лапой на такую присоску и взвыл от страха: щупальце намертво присосалось к ступне пса. Тим ринулся прочь, но щупальце, вытянувшись в длинную кишку, спружинило, как тугая резина, и кальмар поволок Тимку к себе. Пес взвыл от страха. Саша тут же подскочил, взмахнул ножом...

— Тим, ты же умный пес,— сказал он.— Не подходи больше к кальмару, ладно?

Расстроенно облизывая лапу, Тимка проскулил: «Я все понял. Теперь я буду очень-очень осторожным!»

Саша ушел к траалу, а Тимка, тая обиду на морское животное, стал лаять на кальмара, и тогда погибающий кальмар вдруг сжался и выпустил из себя струю черной, как тушь, жидкости. Тим был облит с ног до головы. Пришлось нам с Сашей отмывать его в тазу.

А в другой раз в траал забрался большущий краб. Он лежал на палубе, шевелил черными глазами, торчащими на подвижных жгутиках, и сухо пощелкивал страшными клешнями. Попадешь рукой в такую западню — прищемит пальцы здорово.

Увидев его, Тимка подскочил, обнюхал и обляял.

— Хапнет,— предупредил его Саша.— Тим, назад!

Работы было много, замотались мы и как-то забыли про пса, а он то лаял на чаек, то возвращался к крабу и тоже лаял, но не так уж зло, а просто на всякий случай. Он подходил к странному обитателю моря совсем близко, обнюхивал его, а потом отскакивал, потому что краб начинал шевелиться, пятиться и щелкать клешнями.

И вдруг раздался отчаянный визг. Мы обернулись. Краб цепко держал Тимку за кончик хвоста. Уж как он умудрился схватить Тимку — неизвестно. Но, по-видимому, обнаружив, что краб больше не шевелится, Тим сел, повернувшись к нему спиной. Тут кончик хвоста попал между раскрытыми клешнями, и краб сжал их.

По вечерам, когда выдавалась тихая лунная погода, мы с Сашей не торопились в каюту. Приятно было сидеть на корме траулера и любоваться океаном, залитым серебристо-голубым светом. Миллионы маленьких лун отражались и раскачивались в маслянисто-черной воде, и казалось, что весь океан покрылся ярко сияющей рыбьей чешуей.

Мы молчали и глядели на воду. Что там происходит, в океане, в этот момент? Как там спят рыбы? И спят ли они вообще? А может, и не спят, а все плывут, плывут, спешат куда-то по своим рыбьим, очень важным делам?

Таинственные ночные птицы, которых мы никогда не видели, летали над траулером и кричали печальными

голосами, будто куда-то звали нас. Или они пытались поймать тускло горящие топовые фонари, укрепленные на верхушках мачт, да никак не могли?

Порой по воде расходились большие круги и слышался гулкий всплеск. Может быть, пятиметровый марлин, мучимый бессонницей, вынырнул из глубины или... морской змей? Вот мы сидим, а змей глядит, глядит на нас. Прижимаясь ко мне, Саша шептал:

— Затралить бы нам его, а? И тогда бы мы привезли его в музей нашего города, и город стал бы самым знаменным.

Но тут же ему становилось жаль морского змея: ведь если он попадется в трал, то, поднятый на палубу, конечно же, погибнет... Пускай уж он лучше живет. Ведь в океане и так с каждым днем становится все меньше рыбы, китов, птиц. Если бы его сфотографировать!

Беседовали мы с Сашей и на разные другие темы. Например, моего юного друга интересовал, ну просто мучил вопрос: как стать личностью, человеком с очень сильным волевым характером? Что бы, ну, к примеру, захотел — и выучил английский язык. А то возьмешь учебник, а он вываливается из рук: в сон клонит. И нет никаких сил перебороть себя. Вот капитан нашего траулера — это личность. Характер. Тридцать лет в морях и океанах! Он итонул, он и спасал моряков, когда работал на спасательном буксире. Как-то во время урагана рухнувшая мачта перебила ему ногу. Вышел капитан из больницы на протезе. Казалось, все, прощай, море, но не ушел на берег старый моряк. Трудно ему, особенно во время качки, и все же вот в этом нашем рейсе не проходит дня, чтобы капитан не вышел на палубу поработать часа три-четыре, как обычновенный матрос. Начнет швырять рыбу на стол-рыбодел, только успевай ее шкерить! Да, капитан — это личность!

— А вот я не личность, — вздохнув, говорит Саша. — И ничего-то со мной особенного, удивительного в жизни не происходило.

Молчим. Саша гладит Тимку. Тот потягивается, сопит, я поглядываю на Сашу. Он еще совсем мальчик. Поступал в мореходное училище, да не попал. Пошел рыбачить. Худощавый, розоволицый, безусый. Каждое утро Саша мылит подбородок, щеки и усиленно скребет их бритвой. Таким способом, считают бывалые моряки, можно вызвать

бурный рост усов и бороды. Неделю Саша «бреется», неделю ждет: не произойдет ли чудо?

Однако пора спать, и мы отправляемся по своим каютам. Саша укладывает Тимку в панцирь, берет в руки учебник английского языка и валится на койку, а я иду в салон попить кваску. Возвращаюсь, чтобы взглянуть, как-то мой юный друг воспитывает волю? Тим спит в своем черепаховом ложе, и Саша спит, учебник — на полу.

И я поднимаюсь в свою каюту: спать, спать! Ложусь и, выключив свет, гляжу, как в распахнутом иллюминаторе раскачивается звездное небо. Нет большего удовольствия спать, когда траулер неторопливо кренится то на один борт, то на другой. Плещут волны, ровно рокочет двигатель. Спать, спать...

Замучила нас плохая погода! Шторм не шторм, а что ни день — ветер и волны семь-восемь баллов. Беда! В такую погоду полагается прекращать промысел. Работать опасно. Но как прекратишь, если ты не знаешь, когда стихнет ветер и успокоится океан. Ведь рыбу ловить надо. И мы ее ловим. Беснуются волны, кипят вокруг траулера, ух как мы их ненавидели. Качка, да еще какая! Хоть бы минутку отдохнуть от нее... И Тимка наш тоже не любил бушующий океан. С утра и до вечера носился пес по сырой кренящейся палубе и лаял на волны.

Полает, полает, устанет, ляжет тут же, передохнет и опять заливается. Привыкли мы уже к этому собачьему голоску, вроде бы и работается под лай Тимки легче. Лает Тимка, вода плещет, и вдруг подкатилась под траулер какая-то резкая, стремительная волна. Накренился траулер, Тим будто поперхнулся, взвизгнул и, не устояв, упал за борт в порт-лаз.

Не успели мы и ахнуть, как Саша сбросил куртку-штормовку, на бегу скинул один сапог, второй и махнул через планшир.

— Человек за бортом! — закричал боцман и, схватив спасательный круг, швырнул его в волны. — Капитан, Саша в воду сиганул!

— Стоп машина! — скомандовал в ходовой рубке капитан и, высунувшись из двери рубки, распорядился: — Боцман, шлюпку правого борта на воду. Быстро!

— Вовка, Петруха... Да бросайте вы ножи! Коля, быстро в шлюпку! Спасательные жилеты надеть! — засуетил-

ся боцман и сам побежал в кормовую часть траулера.— Ну, Сашка, ну, задам я тебе!

Спуская шлюпку на воду, мы то и дело бросали быстрые взгляды в океан. Саша плыл саженками. Он то показывался среди волн, то исчезал... Ну, Сашка! Такие волны!.. Вот он уже возле Тимки, хватает собачонку, поворачивает назад. Да и мы уже спешим ему на помощь.

— Держи-ись! — кричит боцман.

— Держу-усь! — ответил Саша.

...Обнимали мы его по очереди, да и я тоже стиснул так, что он застонал в моих руках. Боцман подсел к нам, помахал перед Сашкиным носом громадным кулачищем и произнес несколько яростных и ужасных морских проклятий, но светлые, сощуренные его глаза светились добротой. Все мы и ругали Сашку, и стыдили его, и хохотали, а Саша прижал к себе Тимку, оба они дрожали от холода и пережитого, и не было, наверно, в этот момент человека на земле более счастливого, чем мой юный отчаянный друг.

А капитан объявил Саше строгий выговор и предупредил, что его спишут с судна, если он еще хоть раз вздумает прыгать в океан на помощь терпящим бедствие собакам...

— Ты, Александр, личность,— сказал я ему утром и пожал его мозолистую руку.— Ты чертовски смелый парень. Вот тебе подарок от «деда». Стармех всю ночь мастерил.

И я надел на шею Саше медаль с надписью: «За спасение терпящих бедствие собак в открытом океане».

Тимку полюбили все. Казалось, не будь его на траулере, рейс бы тянулся дольше. По вечерам кто-нибудь из команды обязательно забирал ласковую собаку к себе в каюту. Взрослые люди, как дети, играли с ним, гладили и вздыхали: Тим был частичкой далекого и такого дорого для нас мира суши. Тим напоминал о промелькнувшем когда-то давным-давно детстве. Кто из нас не имел своей собаки или не мечтал о ней? И Тимка шел к людям. «Тебе скучно, да? — говорили его добрые карие глаза.— Ну давай поиграем. Если хочешь, можешь даже за хвост меня таскать, я потерплю».

Только в три каюты Тим не решался заглянуть: в капитанскую, мою и старпома.

Строгий, громкоголосый капитан всем своим видом пугал собачонку, старпом явно не любил Тимку, а почему пес не приходил ко мне в гости, было неясно. И даже немножко обидно: ведь и я принимал участие в его спасении.

Как-то в мрачном настроении я валялся на койке и разглядывал фотографию жены, вставленную в рамку расписания судовых тревог. Уже пятый месяц, как мы ушли из дома, пятый месяц! Как хочется домой! Крупная зыбь раскачивала траулер, и переборки противно скрипели. Звезды в иллюминаторе то бурно катились вверх, то замирали все вдруг, а потом водопадом обрушивались к залитой лунным светом воде... Качка. Тоска.

У дверей каюты вдруг послышался какой-то звук, и в приоткрытую, закрепленную на шторм-крючке дверь просунулся сырой нос. Тимка... Пес шумно принюхивался. Конечно же, запах моей каюты был необычен. Пахло тут не только привычным, морским, но и лентами для пишущей машинки, и копирками, и писчей бумагой. Тим внимательно поглядел на меня: можно? Я махнул ему рукой: «Входи!»

Тимка осторожно вошел в каюту и остановился возле койки, дружелюбно помахивая хвостом. Я ждал. Тим положил голову на край койки и замер, глядя мне в лицо. «Ну как ты? Плохо?...» — спрашивали его все понимающие глаза. «Плохо», — признался я. Тим стал очень медленно поднимать правую переднюю лапу. Положил ее на койку. Потом очень осторожно положил на койку и вторую переднюю лапу. Затем чуть вполз на койку и так же медленно принял заднюю лапу.

Засмеявшись, я схватил Тимку за шкирку и, подтянув, прижал к себе. Где-то возле моего сердца гулко билось сердце собаки, жаждущей сделать мне добро. Чем-то горячим плеснуло в душу, и я зажмурил глаза... А тоска отхлынула. Ничего! Первый, что ли, рейс?..

Тимка всю ночь спал у меня в ногах, и было очень приятно касаться голыми ступнями его горячего живота и сухого, посыпающего носа...

А через несколько дней наш пес пропал.

Встревоженный Саша обежал весь траулер. Он побывал и в ходовой рубке, и в машинном отделении, общарил все жилые помещения, кроме кают старпома и капитана. Нет Тимки! Может, он опять свалился в воду? Ну конечно же,

лаял утром на чаек, высовываясь между леерами полубака, и рухнул за борт!

— Поискать бы, Фаддей Фаддеевич, а? — сказал боцман капитану. — Ведь Тим что человек.

— Человек? — переспросил капитан — Кто? Тимка — человек?

— Ну да, Тим, — пробормотал боцман.

Капитан захочтал и... направился в рубку. Судно развернулось. Мы с боцманом взяли бинокли, начали обшаривать горизонт. Матросы толпились на полубаке и пеленгаторном мостике. Увы! Не видно нашего морского пса.

Капитан приказал лечь на обратный курс. С отчаянием на побелевшем лице Саша побрел на корму поискать Тимку еще там, как вдруг дверь каюты старпома распахнулась.

— Что случилось? — хриплым со сна голосом спросил старпом.

Саша ахнул. Между старпомовой ногой и дверью просовывалась добрая морда Тима.

— Ничего. Уже все в порядке, — пролепетал матрос. — Тим!

— Прорвался, подлец, и ко мне, — смущенно проворчал старпом, оттесняя Тимку в каюту, а потом просительно добавил. — Сашок, пускай он побудет у меня еще немного, а?..

А время шло. Почти шесть месяцев ловили мы рыбу, Тимка заметно подрос, стал сильнее, выдержаннее. С ним происходило еще немало различных приключений, но все они оканчивались благополучно. Рейс подходил к концу. Настал день, и мы направились в родной порт.

Домой, домой!.. Прошла неделя, другая, и остался позади утомительный путь через Атлантику, мы прошли Ла-Манш, миновали Северное море, Датский пролив, сутки плыли по Балтийскому морю и наконец увидели знакомые силуэты строений своего порта. Вот и берег, судно прижалось к стенке, накрепко пришвартованное к пирсу крепчайшими стальными канатами.

Мы дома! Визжат и прыгают от восторга по дощатому настилу пирса ребятишки, женщины с улыбками шарят глазами по нашим лицам, машут букетами цветов и что-то кричат... Здравствуй, Родина! Здравствуйте все!

И вдруг Тим завыл.

— Он привык к океану,— сказал Саша грустно.— Скучает.

— Ничего, скоро опять в рейс,— сказал я.— Не грусти, Тимка.

Мы действительно вскоре ушли в рейс, но до того, как траулер покинул порт, произошло немало серьезных и опасных для нашего доброго морского пса событий...

Потерялся наш Тимка! Как сказал наш опытный боцман: «Тимку увели портовые псы-бродяги. Они возле траулера шастали!» И Саша припомнил: в один из дней несколько портовых собак появилось вдруг на пирсе возле траулера. Тимка сбежал к ним по трапу, и бездомные псы с большим любопытством стали знакомиться с Тимкой. Они лаяли, дружелюбно рычали, а Тимка просто в восторг пришел. Он носился вдоль траулера, падал на брюхо, взбегал на трап, будто приглашая своих новых знакомых: «Айда со мной, я покажу вам свой траулер!» Идти на траулер псы-бродяги отказались, они вдруг с лаем ринулись по сырому от утреннего дождя пирсу. Вероятно, за ними и увязался Тимка.

Прошла неделя. В каждую свободную минуту Саша обходил порт и звал Тимку, а потом отправлялся на соседние улицы и там искал нашу славную собаку. Но все было напрасно.

...А пса нашел я, случайно. Уж и не знаю, для чего занесло меня на окраину города. Стояли тут небольшие дома, возвышались заборы, и почти на каждой двери или калитке красовались объявления: «Во дворе злая собака». Они выли, исступленно лаяли и скалились на любого прохожего.

И тут я услышал знакомый лай: над забором торчала голова нашего Тимки! Он вспрыгнул на крышу сарая и лаял, рвался ко мне. Он узнал меня, узнал!

— Тимка! — крикнул я обрадованно.

Завизжав, он ринулся ко мне, перелетел через забор и повис на цепи, прыгая по земле на задних лапах. Я подбежал к нему, схватил на руки, но тут калитка распахнулась, и вышел высокий угрюмый мужчина.

— Чего фулюганишь? — спросил он.

— Это наш пес, судовой,— сказал я.— У него было медное кольцо на шее и медаль. Где они?

Ничего не ответив, мужчина захлопнул глухую дощатую калитку и с той стороны забора рванул за цепь. Тимка захрипел, я разжал руки, и пес взлетел на воздух. Слышино было, как он шлепнулся во дворе на землю. Мужчина, пробурчав что-то, ударил его, и Тимка засился отчаянным собачьим плачем. Сжав зубы, я замолотил в калитку кулаками.

Мужчина по ту сторону забора опять загремел цепью, видимо, укорачивал ее, чтобы Тимка больше не смог прыгнуть на сарай, а потом там все стихло, и я тихонечко позвал собаку. Тимка отзвался жалобным лаем. Казалось, что он видит меня, и, осмотрев забор, я обнаружил в самом низу дырочку от сучка. В это отверстие Тимка глядел на меня страдающим карим глазом.

— Отдай собаку! — снова крикнул я, возвращаясь к калитке.— Эй, слышишь? Или продай! Говорю же — это судовой пес!

— А скока дашь? — тут же торопливо спросил мужчина. Нет, он не уходил, а стоял у калитки и ждал.— Сто дашь?

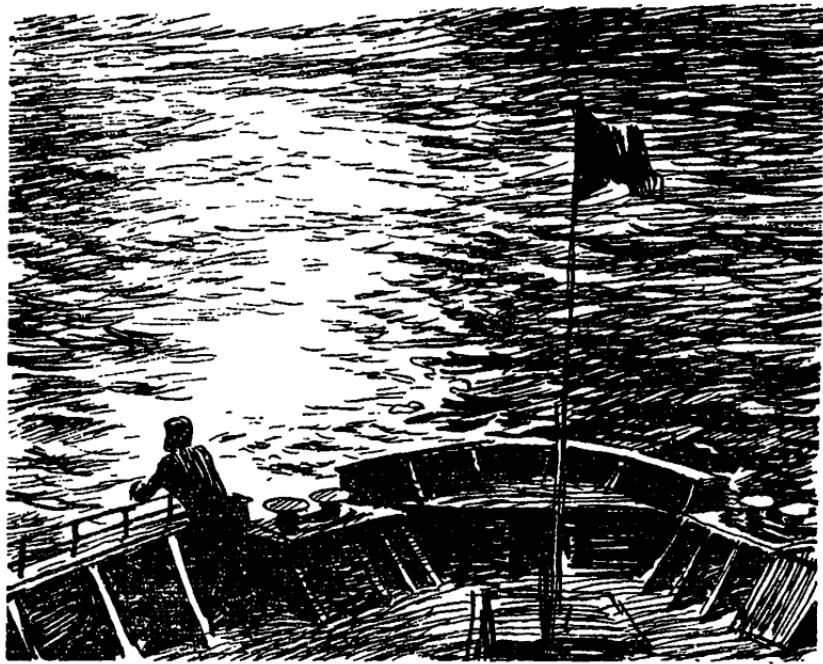
— Хочешь часы? Отличные штурманские часы? — спросил я. Не было у меня с собой денег. Сто за собаку? Каков, а? Да и не имел я времени ходить взад-вперед.— Отдай собаку!

— Ты часишко в щелку, а я — пса через забор.

— Держи.

— Скверный ты пес,— сказал я Тимке, когда он наконец-то оказался на свободе.— Сколько волнений нам доставил!

Схватив за ухо, я потрепал его как следует. Тимка терпеливо перенес наказание, а потом подпрыгнул, лизнул меня в лицо и понесся по дороге, а я зашагал за ним. Пели птицы. Небо синим парусом выгибалось над деревьями и крышами домов. На душе было радостно и празднично: бегай, лай, бесись, Тимка! Прощайся с сушей. Нас опять манит и зовет в свои неоглядные, тревожные и волнующие просторы океан.

КАК РАСКРЫВАЮТСЯ МОРСКИЕ ТАЙНЫ

— Стоп! Одерживай! Коля, развязывай куток!

Набитый рыбой, раздувшийся шаром, трал плавно раскачивался над палубой. Один из матросов подныривает под него, дергает веревку, и улов шуршащим, серебристым потоком выливается в обширный рыбный ящик.

— Пошевеливайся, наука! — говорит рыбмастер.

— Шевелюсь, шевелюсь! — отвечаю я, представляющим в данный момент «науку».— Сейчас, ребята, минуточку.

Рейс в Центральную Атлантику. На мне лежит обязанность собирать редких обитателей океана для музея научно-исследовательского института, и я от каждого траления жду чего-то необычного...

Итак, что тут есть? Как золотоискатель в груде породы,

я роюсь в улове. Вот отличная веточка красного коралла. Будто круглые сыры, лежат губки; среди рыб притаились моллюски, известные у рыбаков под названием «морское ухо», их оранжевые раковины действительно чем-то напоминают узкое и длинное ухо; неповоротливо ворочается рак-медведь. В коллекции музея уже есть несколько таких раков, но я откладываю в тазик этого занятного обитателя океана, посажу его в аквариум, понаблюдаю за ним...

А это что? Среди темно-фиолетовых «черных окуней» глянцево блестит желтый пузырь. Я наклоняюсь, подставляю ладонь, и тугой шарик перекатывается в нее. Поднимаю руку на уровень глаз — рассматриваю пестрый шарик. Это рыбка! У пузыря, затейливо разрисованного природой в синеватые полоски и крапинки, есть прозрачный хвостик и плавники.

Я смотрю на рыбку, а она на меня ярко-голубыми бисеринами глаз. Рот у рыбешки широко раскрыт. Почему же тогда газ, наполнивший ее тело, не выходит наружу? Оказывается, горло закрыто плотной кожистой пленкой.

Раздувающихся рыб нам приходилось видеть много раз. Скалозубы, фахаки и иглобрюхи часто попадали в тралы и, оказавшись на палубе, тотчас превращались в колючие шары. Но такой пузырек мне попадается в руки впервые. У рыбки забавные грудные плавнички. Они как лапки. Сверху темные, а снизу розовые.

— Ну-ка пойдем, пузырь, в лабораторию, в аквариум, познакомимся поближе!

Рыбка падает в воду и, перевернувшись вверх брюшком, замирает как убитая. Проходит минута, пять... Рыбке надоело висеть в воде вниз головой. Она шевельнулась, затрепетала хвостиком, напряглась, и воздух побежал из ее рта. Шарик сморщился, словно его проткнули иголкой, и принял почти рыбьи формы. Правда, рыбки несколько уродливой, головастой, коротенькой, но все же рыбки.

Перевернувшись вниз пестрым брюшком, она опустилась на дно, на три точки, как самолет, — на два грудных плавника и хвостик, — и замерла, тяжело поводя жаберными крышками. По-видимому, это очень нелегко — раздуваться шариком. Такое упражнение отнимает много сил и энергии...

Глаза-бисерины внимательно оглядели песок и мое лицо у стенки аквариума. Видно, моя бородатая физиономия

произвела на рыбеху отталкивающее впечатление. Она попятилась, неуклюже развернулась и... пошла прочь.

Нет, я не оговорился — рыба не поплыла, а именно пошла! Я прижался носом к аквариуму с другой стороны. Рыбка остановилась, рассмотрела меня. Явно я ей не нравился. Опять развернулась и побрела, оставляя на песке маленькие точечки следов. Она путешествовала по аквариуму на грудных плавничках-ножках, смешно приподнимая заднюю часть тела. Чудеса, да и только! Рыба — и ходит! Оказывается, в океане все бывает: вот она, эта ходячая рыбка, — топаст по песочку, идет легко и довольно быстро. Это рыбка-клоун, из отряда ногогорых, подотряда морских клоунов. Выяснилось, что я не сделал никакого открытия, — такие рыбешки известны науке уже давным-давно. Долго я не отходил от аквариума, рассматривая забавную рыбку. Не важно, что она открыта и изучена. Многим ли посчастливилось увидеть, как именно ходят такие рыбки?

...В тот вечер я до глубокой ночи застрял в судовой лаборатории. Было тихо, тепло. Шли на юг, в Гавану. За переборками умиротворяюще всплескивал небольшими волнами океан.

Мои товарищи из нашей научной группы занимались своими делами. Один титровал воду, определял содержание в ней соли, другой шелестел страницами толстенного английского определителя рыб, а третий вычерчивал на карте сложный курс поисковых разрезов — голубые линии с нанизанными, как бусы на нитку, кружками морских станций.

Мы ищем рыбу, движемся по океану зигзагами. Идем спачала на север, потом резко сворачиваем на запад, затем на юг, бороздим воды параллельно материку и снова сворачиваем на восток, в океанские широты. И что ни кружок, судно ложится в дрейф и штурман объявляет: «Внимание! Гидрологическая станция!»

Станции, станции, станции... Сотни измерений температуры воды на разных глубинах, сотни проб воды на содержание в ней кислорода, солей фосфатов.

Для чего же все это нужно? Мы отыскиваем в океане наиболее благоприятные для обитания косяков рыбы места. И, обнаружив такие, делаем контрольные траления, выясняем, есть тут рыба или нет?

Так и катятся дни и ночи нашего рейса. Катятся вычерченные линиями и крутыми поворотами разрезов, нарисованные кружочками станций и черточками тралей на голубом поле нашей рейсовой, поисковой карты.

Уже кое-что сделано: отдельные участки океана очерчены красными овальными линиями с цифрами посередине. Это новые районы лова рыбы, которые мы предложим промысловикам. Но еще немало нужно сделать. Впереди сотни миль разрезов и много-много пустых кружочков, морских станций, ожидающих нас впереди, большая напряженная работа.

Поздно. Пора спать. Мои товарищи уходят. Я остаюсь. Сижу перед аквариумом, разглядываю своих пленников. В одной пластмассовой банке бродит голубоглазая рыбешка, в другой сидит симпатичнейший, общительный рак-медведь, а в третьей нервничает пугливый рак-отшельник.

Рыбка ходит и ходит, весь песок истоптала своими розовыми ножками. Сейчас я наблюдаю за раком-медведем. Действительно, в нем есть что-то от медведя. Рак на вид неуклюж, неповоротлив. Он весь закован в мощный, в мелких пупырышках панцирь и вооружен двумя широкими лопатообразными отростками.

Рак уже двое суток голодает. Но так нужно. Мне хочется посмотреть, каким образом он разыскивает пищу. Для чего ему эти лопатки? Роет он ими, что ли? Или, как щитом, закрываеться, если на него кто-нибудь нападет? Длинным пинцетом я зарываю в песок кусочек пахучего мяса и жду: что он предпримет? Рак чувствует запах. У всех раков прекрасно развито обоняние. На погившую и упавшую на дно рыбу или морское животное раки собираются отовсюду, совершая переходы в сотни метров.

Рак приподнимается, опускает лопатки-отростки к песку, упирается и вонзает лопатки, как нож бульдозера, в грунт. Оставляя за собой широкую полосу взрыхленного песка, рак пропахивает дно аквариума. Он упирается ногами, помогает себе хвостом и разрывает песок.

Ну, кажется, все в порядке: лопатки выковыривают из грунта кусочек мяса, выбрасывают его на песок. Рак приподнимает лопатки. Ярко сверкая в свете электрической лампы, песчинки спадают с них. Я прислушиваюсь. Словно кто-то включил стрекочущую машинку — это рак пережевывает пищу. Вот и еще с одной тайной океана я познаком

мился — с маленьким трудолюбивым подводным землекопом. Днем он спит, а ночью выползает откуда-нибудь из обломков рифов и до самого утра трудится, пропахивает океанское дно своими лопатками.

Оставляю этого рака в покое — пожалуй, больше ничего нового о своей жизни он мне не расскажет — и пододвигаю банку с отшельником, с «мошенником», как обычно называют таких раков матросы. Они часто попадаются в тралы. Что ни раковина от брюхоногого моллюска, то сидит в ней, шевелит длинными усами красный, весь в жестких волосиках, рак. Видно, на дне океана жилищная проблема так же сложна, как и на земле. Поэтому нам не попадалось еще ни одной пустой раковинки. Либо в ней жил моллюск, настоящий хозяин известковой квартиры, либо обитал «мошенник».

Высоко приподнявшись на тонких лапках, рак отбегает в угол аквариума и шмыгает внутрь своей квартиры. Он то высакивает из нее, то так же стремительно прячется.

На раковине растет чудесный морской анемон, цветок с нежнейшими голубоватыми лепестками. Это актиния, кишечнополостное животное. Тысячи актиний населяют океанское дно, обычно на мелководьях. Тонкие и изящные, они раскачиваются под едва заметным движением воды, а их «лепестки» — щупальца — извиваются и трепещут.

Но цветы эти очень коварные: нежнейшие на вид щупальца вооружены мощными батареями особых стрекательных клеток. Стоит какой-нибудь неосторожной рыбешке прикоснуться к ним, и тысячи невидимых отравленных стрелок вонзаются в ее тело, парализуют и умертвляют.

Не так-то легко сковырнуть актинию с камня или рифа, но раки-отшельники очень легко снимают их — берут кleşней за основание и пересаживают на свою раковину. Не для того, чтобы раковина-дом стала более нарядной. Просто это удобно и раку, и актинии. Актиния подбирает остатки со стола рака — крошки разодраных его мощными кleşнями рыбок, а рак чувствует себя более спокойно, находясь под защитой стрекательных батарей актинии.

Интересно наблюдать за «мошенником». Я кормлю его в определенное время. Прежде чем дать рыбку, стучу ногтями по стеклу: «Обед!» «Мошенник» знает этот стук, высакивает из своего угла и поднимает вверх кleşни — «А ну, давай! Что ты там сегодня принес?»

Наевшись, он рвет рыбку на клочки и подает клешней наверх. Нежные щупальца живого цветка обхватывают кусочки, волнообразными движениями перекатывают в центр, там открывается темное отверстие — рот животного, — и пища исчезает. Постепенно тонкий стволик актинии распухает. Она оседает, раздувается и уже напоминает не цветок, а бочонок. Щупальца сокращаются, и актиния торчит на раковине безобразной рыжей бородавкой.

Стучу ногтями по стеклу. Рак подбегает к самому стеклу и задирает вверх клешни: давай! Я перестаю стучать и ничего не даю. Ишь ты лоботряс! А вот возьму и не дам больше ничего.

Рак убегает в угол. Он нервничает. То выскакивает вместе с домиком из угла, то мчится обратно. Представляю, как это неприятно и неожиданно: ждал, ждал сигнала, наконец дождался — и ничего не получил!

Прошло минут десять. Будто поняв, что от меня ничего не дождется, рак вдруг поднял одну из клешней вверх, обхватил толстую актинию за «талию» и... со всех сил сдавил ее. Актиния вздрогнула, вдруг выросшие щупальца-лепестки возмущенно затрепетали, в центре их открылось отверстие, и... оттуда выскоцил кусочек рыбки! Он был совершенно свеж. Словно лежал в холодильнике. Рак с жадностью схватил его и, разорвав на клочки, съел. Потом клещами сжал актинию еще раз и еще. Актиния отдала несколько кусочков рыбы и вновь сталастройной. А рак, почистившись и погуляв по аквариуму, уволок свой домик в угол аквариума и спрятался в него.

Я выключил свет и пошел спать. Ночь была лунной, и я еще долго стоял, облокотившись на фальшборт, глядя в черную воду, в которой колебались звезды, и размышлял о только что увиденном.

...Рыбку и рака-медведя я выпустил: они достаточно послужили мне. Свобода была им наградой. А рак-отшельник долго жил в аквариуме. Мы привыкли друг к другу. Я точно в определенный срок кормил отшельника, и рак стал неторопливым и даже степенным. Но однажды что-то случилось. Рак затаился в своем домике и не вылезал из него неделю. Может, он заболел, а может, просто грустил по свободе. Так он и погиб, маленький забавный рак, обитатель огромного и удивительного чуда природы — оксана.

БУТЫЛКА С ЗАПИСКОЙ

«...Я полагаю, что это большая акула, сэр».— «Акула в этих водах?» — недоверчиво воскликнул Гленарван».

Прочитав эти строчки, я представил себе великолепную яхту «Дункан», плавущую по Северному каналу, яркую зелень вспененной воды и чаек, с криками летящих следом. И черный острый плавник чудовищной рыбыны, вспарывающей поверхность воды. Акула! Согнувшись пополам, устроив книгу на коленях, я с жадностью принялся читать дальше. И все отодвинулось, исчезло. И класс, в котором я сейчас находился, пятый «Б», и самая последняя в ряду, на «камчатке», парта, и урок арифметики, которую я не понимал и не любил.

Парусный корабль! Акула! Я слышал об этой книге. И вот Женя Егоров принес мне ее почитать всего на два

дня. За это я отдал ему десять лучших своих марок. В том числе и три марки далекой страны Мозамбик с изображением льва, слона и крокодила...

Продолжаю читать. «Акула судорожно забилась, почувствовав, что ее вытаскивают из родной стихии. Но это не испугало матросов: они живо справились с ее яростью, накинув акуле на хвост мертвую петлю...»

Дальние плавания... Акулы... Как мне захотелось оказаться там, на палубе яхты «Дункан», среди веселых бородатых сильных матросов, выволакивающих хищницу из зеленых волн Северного канала! Да-да, я хочу туда, я хочу карабкаться по вантам и чувствовать ладонями жесткость тросов; ощущать, как корабль кренится то в одну сторону, и под тобой кипит вода, то в другую, и теперь уже видна палуба и люди на ней. Люди отважные, необыкновенные, пропахшие морем и трубочным дымом!

Что-то говорил учитель. Шуршали листки бумаги: контрольная. Я тяжело вздохнул: не решить мне этих задачек. И снова уткнулся в книгу.

«Помолчите,—сказал помощник капитана Том Аустин.—Разве вы не видите, что акула была горькой пьяницей и, чтобы не потерять ни капли напитка, проглотила его вместе с бутылкой!»

Совершенно забывшись, я громко засмеялся. Математик взглянул в мою сторону и поправил сползшие на кончик носа очки. Женя Егоров перегнулся через парту, зашептал:

— Решил уже?
— Нет,— отмахнулся я и прочитал: — «Как? — воскликнул Гленарван.— У акулы в желудке оказалась бутылка?»

— Тише ты. «Параллелепипед» услышит,— заволновался Женя.

— А? Все равно кол.
— Будешь сдувать?
— Подожди. Дочитаю.

«Том, достаньте-ка эту бутылку,—сказал Гленарван.— Только поосторожней: найденные в море бутылки часто содержат важные документы...»

— Ученик Ветров. Я вам не помешал? — раздался вдруг над моим ухом скрипучий голос.— Ну-ка, что мы тут читаем?

— Помешали,— буркнул я, весь увлеченный событиями, происходящими на яхте «Дункан».— Очень помешали!

— Что-о?

Рука учителя легла на книгу. Я потянул ее к себе. Не отдашь! Поправив сползшие очки, учитель повысил голос:

— Во-он из класса!

Я читал книгу весь вечер да и ночь, сунув маленькую настольную лампу под одеяло. Ах, как все это здорово: море, океаны, Африка, Магелланов пролив, пампасы! Засыпая под утро, я думал о том, что должен побывать там же, где и полюбившиеся мне герои. Спасибо тебе, Жюль Верн! Теперь я знаю, что я должен делать в этой жизни, кем должен стать. Правда, придется и математикой заняться: разные там счисления-вычисления, долготы и широты определять. Но ничего, преодолею. Я все осилю и стану моряком, путешественником.

— Подвел я тебя,—сказал мне на другой день Женека Егоров.— Хочешь, верну тебе марки?

— Я тебе отдам все-все марки. Оставь мне эту книгу, а? — попросил я.

Прошли годы. Вот и окончен десятый класс. Поступаю в мореходку. Сдаю зачеты по физической подготовке. Бегаю. Прыгаю. Гранату бросаю. На перекладине подтягиваюсь. Десять раз надо. Раз, два... четыре, пя-ать... шесть!.. Се-семь... Не могу больше! Что? Неужели из-за этой проклятой перекладины разрушится моя мечта? Во-о-осемь... Лопнут сейчас мои мышцы! Нет. Не могу больше.

— Эх ты, слабак,— сказал мне инструктор по физической подготовке.— Иди. Погуляй годик. Наращивай мышечную массу: море любит сильных.

— Море любит упрямых! — воскликнул я в отчаянии.— Море любит тех, кто по-настоящему любит море! Кто предан ему. И я докажу это!

Ничего, что двери училища захлопнулись перед самым моим носом, в океан-то двери настежь! Вон сколько объявлений: «Для работы на судах рыбопромыслового флота требуются матросы».

Здравствуй, океан, принимай меня матросом траулера! Познавать разные науки можно и заочно, а вот познать океан и премудрости судовой жизни...

Боцман Михалыч учит меня морской жизни. Любим мы и побаиваемся своего боцмана. Строгущий! Помню, только пришел на судно, капитан говорит:

— Мотай к боцману. Глянет он, получится ли из тебя матрос.

Вывел меня Михалыч на палубу, повертел, хватая руцищами за плечи, потискал будто железными пальцами мои бицепсы, хмыкнул. Не понравился я ему, жидкозват.

— Матросу крепкие мышцы нужны,— сказал боцман сердито.— Попадется тунец под центнер, вытянешь багром на палубу?

Да что они все, говорились? В мореходке разговор про мускулы, здесь о том же! А боцман мой живот щупает:

— Это разве пресс? Кисель.

Обидно стало.

— Нормальный пресс!

Усмехнулся боцман:

— Нормальный? Проверим. А ну спружинь брюхо.

Да тут что, траулер или боксерский зал? Надулся я, спружинил брюшной пресс. Словно кувалдой меня шарахнуло, еле на ногах устоял, вздохнуть не могу.

— Кисель,— сказал боцман.— А как руки?

— Что? Нормальные у меня руки,— выдохнул я.

— Дай правую.

— Чего еще недоставало! Вы боцман или Командор? Но я ведь не Дон Жуан...

Будто стальные тиски сжали мою руку, слезы покатились из глаз. О-о-о! Да он же мне ее в лепешку раздавит! Но, стиснув зубы, молчу. Терплю...

— Как новичок? — спросил капитан, выйдя на палубу.

— Банан зеленый,— ответил Михалыч.— Но терпеливый, упрямый. И это главное. Сделаю из него хорошего матроса.

Мечты сбываются, уходим в море! Неизвестные мной товарищи, те, кто подтянулся на перекладине десять и больше раз, сидят в аудиториях, а я глотаю соленую пыль, шкерию рыбу, скулью по ночам в подушку от дикой боли в изрезанных, проткнутых костями рыб ладонях.

А утром, как и все, натягиваю просохшую за ночь робу и длинные рыбакские сапоги. И уже слышу грозный голос Михалыча: «Всё спите? А ну, пошевеливайтесь!

Колька, банан зеленый, почему без перчаток к рыбоделу идешь?»

Рейс, второй, третий... Увы, не в тропики, где в прозрачной, теплой воде скользят длинные серые тени акул, а в холодные и туманные северные широты за пучеглазым и колючим морским окунем. А детская мечта: своими собственными глазами увидеть акулу, да что увидеть — поймать ее,— не проходила. Почему? Может, оттого, что эта хищная рыбина, так поразившая однажды воображение, стала для меня неким символом дальних океанских рейсов?

Повезло. Попал я в тропики. И хватили мы лиха с акулами во время промысла тунцов!

Первую акулу я увидел в Гвинейском заливе. Мы только что пришли туда, был полдень, вахтенный штурман уже созвал команду в салон на обед, а я замешкался. Стоял на полубаке и, свесившись через леера, глядел в прозрачную синюю воду.

— Коля, погляди влево,— услышал я тут голос вахтенного штурмана — с биноклем в руках он маячил на крыле мостика.— Акула!

— Где? А, вижу!

Наискосок, пересекая курс траулера, резал воду черный треугольный плавник. Громадная рыбина прошла метрах в трех от форштевня траулера, и я увидел длинное и толстое светло-синее сверху и белое с боков острорылое тело. Это была голубая акула, и, хотя потом я видел много всяких акул, эта первая встреча с хищницей океана осталась в памяти на всю жизнь.

...Акулы появились возле нашего траулера, лишь только судно легло в дрейф. До темноты провозились на палубе: готовили снасть для ловли тунцов, ярус к выметке. Стаскивали и составляли рядом ящики с коваными, величиной почти в палец крючками. Каждый из крючков прикреплен к металлическому, свитому из многих крепчайших стальных проволочек поводку, чтобы хищная рыбина не откусила крючок. Отдельно штабелем уложены поплавки, похожие на пластины сыра, а в сторонке — бамбуковые вешки с красными флагжками на вершинках.

Ночь. Все кругом будто тушью залито. Россыпь звезд над головой и четкое их отражение в спокойной, темной воде.

Странное ощущение. Где вода сливается с небом — не видно. И это легкое покачивание. Как будто мы не на траулере, а на космическом корабле. Летим среди невероятного скопища звезд. Мы уже вне солнечной системы, потому что не видно ни земли, ни луны... Нет, мы все же в океане: голубая тень скользнула внизу. Всплеск. Тонкий свист. Дельфин подплыл полюбоваться на траулер.

Тухнет свет в одном, в другом иллюминаторе. Завтра подъем еще до восхода солнца. И мне пора, не высплюсь. Но как уйти? Будет ли еще когда в жизни такая ночь?

Тяжелые шаги. Черная угловатая фигура движется по ботдеку. Таким, наверно, черным, угловатым и тяжелым был Командор, идущий к Дон Жуану. Но это не Командор — боцман, ищет кого-то, грохочет своими сапожищами, тишину разрушает.

— А, вот ты где! Весь пароход обшарил, думал: ухнулся в океан.— Голос у боцмана хрипловатый, какой-то шершавый.— А ну марш в каюту!

— Садись рядом... банан перезрелый,— говорю я.— Погляди, какая ночь.

— И то верно,— понизив голос, отвечает боцман.— Бегаешь, бегаешь, а на такую красу и взглянуть некогда. Подвинься.— Помолчав немного, окинув взглядом весь этот прекрасный ночной мир, боцман озабоченно говорит: — Итак, ты на крючках. Самое опасное место на ярусе. Если не успел наживку насадить, не сдерживай поводок — отпустай. А то крючок вонзится в руку и сам улетишь за борт заместо наживки. Однако иди все же спать.

— Иду, иду.

Вовка Нагаев, мой напарник по каюте, уже спит. Лезу в свою верхнюю койку и зажигаю над головой лампочку. Надо хоть немного почитать астрономию да решить одну-две задачки на определение места судна в океане по звездам. Вон они, в ритме плавной, с борта на борт, качке то всплывают вверх, к краю открытого иллюминатора, то все дружно скатываются вниз... Так, на чем я вчера остановился? Неужели когда-нибудь наступит момент, что я изучу морские науки, сдам зачеты, экзамены и поднимусь в ходовую рубку штурманом?

Глаза слипаются. Книга валится из рук. И вдруг что-то холодное, трепещущее и скользкое падает на мою голую грудь.

— Змея! Змея! — ору я и открываю глаза. Фу, летучая рыбка. Впорхнула на свет прямо в иллюминатор.

Швыряю ее назад, в родную стихию. Потянувшись, захлопываю иллюминатор и выключаю свет. Пищат пружины койки. Что-то бормочет во сне Вовка Нагаев. Ему хоть из ружья дуплетом над ухом пали, не проснется.

— По-одъем! На ярус, лежебоки!

Тонот сапожищ по коридору, удары кулаком в двери. Кажется, лишь глаза сомкнул — и уже подъем. Соскакиваю с койки. Трясу Вовку за плечо, тот отмахивается, пытается закутаться с головой в простыню. Стаскиваю его на пол, трясу, дергаю за мягкие, похожие на пельмени уши. Вовка мычит, отбрыкивается и, кутаясь в простыню, уползает под столик. Беда с ним! Вот так каждое утро. Пока моюсь, Вовка засыпает под столом, храпит даже. Ничего не остается делать, как вылить ему на голову кружку воды.

Холодюга. Африка называется! Вся палуба, лебедка, каждая железка покрыта крупной и холодной росой. Небо на востоке чуть розовеет. Где ты, солнце, отчего мешкаешь? Вылезай же побыстрее, обограй!

— Начали! — командует боцман и швыряет за борт концевую вешку. Быстро, ребятушки!

Шр-рр-р... Ш-рр-рр. Шурша, гибкой и влажной серо-зеленой змеей уползает за борт из ящика и исчезает в волне «хребтина» — крепчайшая веревка, к которой крепятся поводцы с крючками, поплавки и вешки. Подхватив холодную, из морозилки, сардину, я насаживаю ее на крючок и бросаю за борт.

Кажется, траулер идет слишком быстро. Еле успеваю насаживать наживку. Чувствую, как поводец натягивается струной, крючок рвется из рук. Отпускаю один крючок без наживки, потом еще один.

— Эй, в рубке! — орет Михалыч. — Убавьте ход!

— Нормально идем, — возражает вахтенный штурман, — три узла. Дам меньше — до ночи ярус не поставите.

— Три! А не все ли пять? — И, повернувшись, мне: — Осторожнее, Коля, осторожнее... Внимательнее работайте, ребятушки... Да не держи ты крючок! Отпуская пустым!

И все же скорость слишком велика. Мы уже несколько раз делали короткие тренировочные заметы, и там я успевал оснастить все крючки. Поводец натягивается, левой рукой я удерживаю его, зажав основание крючка в ладони, правой насаживаю рыбину. Промороженная, она не поддается жалу крючка.

— Боцман! Рыбу оттаять не могли? «Ребятушки»!

Рывок. Не успеваю отпустить крючок, и он вонзается в ладонь. Поводец тянет за борт, чувствуя, как сухим треском крючок распарывает кожу и рвет мякоть руки. Боцман перехватывает поводец, тянет на себя, взмахивает ножом...

Через полчаса, с забинтованной рукой, я становлюсь на свое место. Дергающая боль в ладони, но что поделаешь, поставить вместо себя некого — в палубной команде, особенно на работе с ярусом, каждый выполняет свое.

Всходит солнце. Носятся над палубой чайки, пытаются схватить наживку, падающую в воду. Несколько дельфинов приплывают и кружат возле яруса, изучают, что это за штуковина, и я боюсь — не схватил бы какой из них рыбину. Но дельфины умные. Обнаружив, что сардинки насажены на крючки, они разворачиваются и упывают.

Становится тепло. Боль в руке немного утихает. А вернее, просто притерпелся. Работаю внимательно, вновь допустить оплошность нельзя.

Полдень. Жара! Пот льется по лицу, щиплет уголки глаз. Рот высох, губы шершавые. Но некогда вытереть лицо, глотнуть воды: выметка яруса идет безостановочно. Падают в воду вешки, шлепаются поплавки, уходят поводец за поводцом.

Болит спина, ломит шею, кровь тяжко колотится в висках. Слезятся глаза, кажется, что под веки песок насыпан. Невозможно как сияет в воде солнце, пляшет в мелких волнах, рассыпается на остро сверкающие осколочки.

— Коля, долго еще? — слышу я страдающий голос Вовки Нагаева. — Сил нет.

— Терпи, Вовка. Совсем пустяк осталось.

Какая жара! Африка! Неужели утром было прохладно?.. Ну и солнце. Мне кажется, что лучи стальными штырями пробивают мою легкую кепчинку и впиваются в череп, мозг. Сейчас он расплавится, разжижится и потечет из ушей, рта. Гонят они траулер, гонят!.. Ага, остался послед-

ний ящик. Значит, двадцать миль яруса выметано, осталось еще пять. К обеду окончим. Вот только бы выдержать до обеда, выстоять! У других-то работа попроще: поплавок крепят к хребтине через двадцать поводцов, вешку — еще реже, а поводцы к хребтине крепят четверо. Вот что: и на крючки надо ставить не одного, а двоих. Надежнее и быстрее будет. И вообще, всех матросов обучить всем специальностям для работы на ярусе.

За борт летит концевая вешка. Все?

На палубе, возле полубака, хлещет тугая струя душа. Мы топчемся под ним, толкаемся, хохочем. Как тащит громадный чайник, полный прохладного изюмного кваса. Ах, какое это удовольствие — кружка кваса после такой работы! Сидим на палубе под тентом. Отдыхаем, глядим в океан. Спина и шея уже не болят, а лишь слегка ноют. Ничего, пять-шесть ярусов поставим — пообыкнем и не будем замечать этих нагрузок. Лишь бы рука не разболелась.

Зыбь раскачивает траулер. Ровной чередой уходят за горизонт вешки яруса. Мучительно клонит в сон. Я уже забронировал себе местечко в тени под спасательной шлюпкой. Сейчас мы пообедаем и действительно часа два поспим.

— Отгоняй акулу, отгоняй! Куда ты! Кыш!

— Вот еще одна! Глядите, глядите! Тунца харчит.

— Спина трещит. Коля, не удержжу.

Бросаюсь к портланзу (отверстию в фальшборте) и хватаясь за скользкое древко багра. Рядом пыхтит, тянет тунца из воды мой сонливый приятель Вовка Нагаев. А внизу, в полутора метрах от наших ног, кипит вода и на багре бьется сине-серебристая рыбина весом килограммов на сорок. И акулы! Серые, стремительные тела мелькают в воде. Вот одна из акул бросается к тунцу, рывок и... тащить становится легче.

Выдергиваем тунца из воды, и он тяжко падает на палубу. Скользя по ней раскисшими от воды сандалетами, мы отступаем, смотрим: это уже не рыбина! Половина! Мощные челюсти превратили тунца в кровавый обрубок.

Гудит машина ярусоподъемника. Возле борта судна пляшут вешки и поплавки. Все идет в обратном порядке:

судно медленно движется вдоль яруса, машина выволакивает хребтину, а с ней и всю оснастку. Отсоединяем вешки, поплавки, складываем их в сторонке, отцепляем поводцы и, скрутив их, укладываем в ящики, а если попалась рыба — спешим к борту судна с баграми.

Акулы. Сколько же тут их? Учуяли поживу, сплылись отовсюду. Вначале их было три, потом стало с десяток, а теперь возле борта траулера кружат, снуют, то уходят в глубину, то всплывают к самой поверхности десятки огромных рыбин. Тут и похожие на короткие, толстые бревна акулы-быки; острорылые акулы мако, подвижные, стремительные черноперые акулы. У них светлая окраска и черные кончики брюшных плавников. Чуть в отдалении кружат длинные, веретенообразные голубые акулы и группами, по три-четыре, носятся верткие, кровожадные акулы-собаки.

Пир горой! Акулы пожирают наш улов. То и дело мы выдергиваем из воды лишь одну — еще живую тунцовую голову или обглоданный рыбий скелет. Акулы разрывают рыб на наших глазах. И сами попадаются на крючки. Обрезали один поводец, другой: акулу из воды выволочь на палубу трудно. Обрезали третий поводец, и боцман разорался: мол так мы вообще без яруса останемся. Впереди пять месяцев работы, и если на каждом ярусе терять по пять-шесть поводцов...

— Выволакивай акул на палубу!

До чего же они живучи! Володя Нагаев топчется возле одной из акул, взмахивает тяжеленной кувалдой. Удар! Как по резиновой подушке. Акула взвивается свечой, лупит шершавым, как терка, хвостом по ящикам, фальшборту.

— Тунец! — хрипит багровый от духоты боцман. — Колька, банан зеленый... Подхватывай багром, подхватывай... Не зевай, ребятушки!

Подхватишь тут! Прыгаю через акулу. Кося безумным кошачьим глазом, акула извивается, резко и гибко взмахивает хвостом. Ух! Жахнула бы по ногам — считай, что всю оставшуюся жизнь на костилях скакать будешь.

— Тащите ее к полубаку, — командует Михалыч и, выхватив у Вовки поводец, толкает его: — Иди помоги взять туница!

Сам тащил акулу и крепит поводец к железной скобе.

Акула изгибается, грызет стальную проволоку, а боцман, утирая на ходу лицо ладонями, спешит помочь нам.

Тяжелый день. Когда же он пойдет на убыль? Работаем молча, уже нет сил на выкрики, разговоры. Лишь плеск воды, суматошные волны чаек, шлепанье сандалий, тяжкие удары падающих на палубу рыбых тел. И бешеные всплески попавшихся на крючки акул да тихие, яростные охи и ахи матросов.

Но вот и конец ярусу. Вместе с Володей мы поднимаем из воды концевую вешку на палубу, укладываем ее вдоль фальшборта. Володька, усмехаясь — ничего работа, а? — смотрит на меня, стягивает с рук липкие перчатки, бросает их на палубу и сам опускается в розовую лужицу. Кок спешит с изюмным квасом, сует нам кружки. Кто-то из штурманов раскуривает сигарету и пускает ее по кругу. Капитан с деловым видом пинает ногой тунцовье туши, хмурится, улыбается, хлопает нас рукой по мокрым спинам: молодцы!

— Вовка, а ты что?...

Сидя на палубе, Нагасв разглядывает левую ногу. Когда волокли акулу, та лишь слегка задела его хвостом. И кожу от коленки до щиколотки будто рашипилем содрали. Старпом идет с фланком зеленки, присев, льет на ногу Володи, тот кривится. Один из парней ладони сжег поводцом, другой поскользнулся и упал, ударился об острый угол лючины, у третьего еще что-то. Тихие вздохи. Усталые смешки. Мы будто из боя, из схватки. Да ведь так оно и есть: океан ничего не отдает даром.

— Мужики! Первый раунд за нами,— говорит боцман.— А ну, ребятушки, быстренько тунчиков в трюм. Колька, Вовка, вздымайте лючины.

Первый раунд за нами. А сколько еще впереди? Почти полтораста. Полтораста промысловых дней, полтораста схваток с океаном. К концу рейса кожа наша, прожаренная солнцем и просоленная водой, задубеет, а на руках и ногах появятся шрамы, которыми мы потом будем гордиться, как гордится шрамами солдат, участник многих отчаянных схваток.

С длинным острым ножом я направляюсь к полубаку, где лежат акулы. Да вот и боцман идет помогать. Распялив вместительную, с тремя сотнями острейших зубов пасть, мы вырезаем глубоко увязший в гортани рыбины крючок.

У одной акулы, второй, третьей... До чего же мерзкие рыбины — рыбы моей детской мечты акулы! «Как? — воскликнул Гленарван.— У акулы в желудке оказалась бутылка?...» — «Самая настоящая, сэр. Только можно сказать, что она попала в брюхо акулы не прямо из винного погреба...» — «Том, достаньте-ка эту бутылку... Найденные в море бутылки часто содержат важные документы». Так. А не найдем ли и мы что-нибудь?

Михалыч, вспори-ка акуле брюхо, слышишь? Иногда в желудке хищниц попадают разные предметы, — говорю я.— Бутылки, к примеру, с записками. Морские бинокли, болты, консервные банки, часы. В Англии, в Музее естественной истории, собрана целая коллекция предметов, извлеченных из акульих брюх. Все понял?

— Часы, говоришь? Это дело. Найти бы хорошие карманные! — смеется боцман.— Ну и кожища! Нож не берет.

— Вот ту не трогай. Я с нее шкуру снимать буду.

Палуба пустеет. Она тщательно вымыта. На золотистых досках розово сияют маленькие теплые лужицы, и от них поднимается парок. Грузно опускается к горизонту солнце. Нижний его край садится на пылающую кромку, и оно слегка сплющивается, похоже сейчас на красную дыню. А Володя налаживает кинопроектор: фильм показывать будет. Здесь же, на палубе. В салоне душно.

«Пес Барбос и необыкновенный кросс» — называется кинофильм. По белому скату ходовой рубки несутся незадачливые браконьеры. Хохот на весь океан. Будто и не было утомительнейшего дня. Время от времени из океана вылетают летучие рыбы и врезаются в рубку. Падают на головы матросов и парней из машинной команды.

А я пластаю акулу. Пообещал привезти в краеведческий музей пяток шкур акул разных видов. Потом, во время отпуска, чучела набью.

Боцман рядом сопит, помогает мне стягивать с акулы шкуру, аккуратно подрезает, отслаивает ее от плотных, беловатых мышц. Попыхивает трубкой и зло ворчит:

— Видел я многих людей, но таких, как ты... Кто тебе скажет спасибо? Ну, банан...

— Кто-нибудь и спасибо скажет, а у кого-нибудь при виде акулы шевельнется что-то в душе, в океан потянет, — устало возражаю я.— Работай, работай.

Катятся день за днем. Рука зажила, только шрам через всю ладонь остался.

Лов тунцов шел хорошо, но акулы досаждали по-прежнему.

Увы! Не обнаружили мы с боцманом Михалычем ни морского бинокля, ни карманных часов...

Нашли, правда, авторучку, заправленную чернилами, я ею месяц писал. Какой-то растяпа, вероятно, уронил с судна, акула и подхватила; да газету на немецком языке. Края были оторваны, но середина уцелела, и я прочитал и перевел на русский, что некая фрау Мюллер (Гамбург, Адальбертштрассе № 97) потеряла свою любимую собачку, порода черный пудель, по кличке Жужу, и обещает тому, кто найдет собачку, вознаграждение в сумме ста сорока марок. А в желудке голубой акулы мы обнаружили маленькую женскую туфельку тридцать шестого размера. Видно, шел по водам Атлантики пассажирский лайнер, молодая женщина стояла у его борта, качала ножкой над водой, а туфелька и соскочила.

Вот, пожалуй, и все. А жаль. Так хотелось привезти на берег и подарить музею бутылку с запиской, извлеченной из брюха акулы. Но вот однажды...

Рейс подходил к концу. Выбирали последний ярус. Тунцы, акулы... Незадачливый марлин попался — рыбина весом центнера в три, с толстым и коротким бивнем, в который превратилась верхняя челюсть. Шкура одного из марлинов уже хранилась в трюме, и я с сожалением подумал, что тот был помельче. Корифена клюнула, а потом луну-рыбу поймали. Была она такой огромной — ну точно диван-кровать, — что вряд ли бы мы вытащили ее на палубу, да и к чему? Мясо у луны-рыбы несъедобное, а для музея мы заморозили рыбу-луна помельче. Пока решалась ее судьба, рыба-луна спокойно кружила на поводце возле борта траулера, поглядывала на нас добрыми круглыми глазами, а вокруг нее шныряли акулы и даже тыкались рыбами в упругие золотистые бока, но не трогали. Акулы как будто знали, что мясо рыбы-луны ядовито, вот и опасались: куснешь эту толстуху — и перевернешься вверх брюхом!

— Иди гуляй,— сказал боцман. Перегнувшись через фальшборт, он кусачками перехватил стальной поводец, и рыбина медленно погрузилась в фиолетовую глубину.

Вновь заурчал двигатель машины, поползла из воды хребтина. Концевая вешка показалась.

— Все-о! — возвестил боцман. — Конец работам! На океан, на память.

Он стянул с ладоней дырявые, много раз чиненные перчатки и кинул их в воду. Тотчас акула-собака метнулась и проглотила одну из перчаток, а в другую вцепились две акулы. Они дергали ткань, заглатывали, а мы, свесившись над фальшбортом, хохотали.

— Поздр-равляю всех с окончанием яр-русных р-работ! — пророкотало судовое радио голосом капитана. — После уборки палубы пр-риглашаю всех в салон, на пр-раздничный ужин!

— Ур-ра! Да здравствует наш капитан! — заорали мы.

Ребятушки, быстренько-быстренько, — засуетился боцман. — Все убрать, поводцы скойлать, «хребтинку» на сушку, палубку прополоскать. Коля, банан... быстренько своих акулок потроши!

Надоело, — сказал я. — Эй, Вовка, помоги акуленций в трюм смыть.

— Э-э, а как же «найденные в море бутылки содержат важные документы»? — обеспокоился Михалыч. — Нет уж, надо до конца.

— Давай нож. Вовка, где мой нож?

Увы, пустые хлопоты! Исчезла в трюме одна туша, вторая, третья. Все акулы вскрыты — ничего нет.

— Коля, а эту что же? Последнюю? — спросил боцман.

— Да ну ее! Потащили в трюм.

На палубе уже все было прибрано. Вовка Нагаев стоял с брандспойтом в руках, ждал, когда я расправлюсь с акулой, чтобы скатить палубу водой.

— Подожди, Коля. Ей-богу, у этой последней в брюхе что-то лежит, — заволновался боцман и потискал акулу. Вот, пощупай.

— Ладно. Держи тут.

Лезвие вдруг уперлось во что-то твердое. Я нажал сильнее, и на палубу вывалилась... бутылка! Обросшая ракушками морских раков-балинусов, она своим видом сразу наводила на мысль, что проплавала многие месяцы в океане, прежде чем оказалась в брюхе акулы. Я взял ее в руки, матросы окружили меня, заглядывают через плечи.

Э, да в ней что-то есть! Записка?! Какая удача, вот ведь повезло, а я чуть не выбросил эту акулу за борт!

— Ребята, я ведь говорил... Такая находка! Такая удача, ребята!

— Говорил, говорил! — засмеялся боцман.— Но и я говорил, что ты упрямый... Да вытаскивай побыстрее записку.

В мгновение на палубе собралась вся команда. Нетерпеливо отрываю красный сургуч, выбиваю пробку, и в ладонь мне вываливается свернутая бумажка. Осторожно разворачиваю ее. Текст написан по-английски. Чернила от воды растеклись. Однако о чем же сообщается в записке? Читаю, перевожу:

— Так... гм... «никогда не надо терять надежд»... Они не теряют надежды! — говорю я громко.— Так... Тут ничего не понять. Гм, вот здесь кусочек фразы: «...и тогда будешь вознагражден...» Гм... «ба...» Что? «Банан ты зеленый». Что? Какой банан?

— Зеленый! — выкрикивает боцман.

— Мужики, я не пойму.— Что это вы хохочете?

— Это мы...— давится от смеха Володя. Слезы катятся по его лицу.— Помнишь, в Гвинее ездили на остров Касса купаться? Вот там мы и нашли эту бутылку! На берегу! А боцман и говорит: «Помочь надо человеку...»

— А писал текст я,— признается капитан.— Еле-еле отыскал в словаре «банан зеленый».

— Она мне... руку чуть не оттяпала,— стонет боцман.— Отослали мы тебя с палубы, помнишь?.. А тут и акулу выволокли! Я ей в глотку бутылку толкаю, а она выплевывает. Я ей толкаю, а она... О-ох, ребятушки, не могу больше.

Хохочу вместе со всеми. Что за чудо эта остроумная морская шутка! Ну, боцман, спасибо тебе за все. И за твою рыбакскую науку, и за эту записку из брюха акулы...

Матросы расходятся. Моем с Володей палубу. Теплый парок поднимается от нее, так приятно шлепать по лужам голыми ступнями. Капитан, включив судовую трансляцию, поздравляет нас с окончанием научно-поискового режима, с тем, что мы освоили ярусный лов тунцов в этих океанских широтах, и с тем, что уже целый час траулер идет курсом на север, домой.

Солнце садится. Громадный, какой увидишь лишь в тропиках, ярко-красный, распухающий на глазах шар.

Чайки, лениво взмахивая крыльями, летят за кормой, переговариваются озабоченными голосами: отчего траулер не ложится на ночь в дрейф? Куда это он?

Боцман ходит по сырой палубе, смотрит, хорошо ли мы ее помыли.

— Дай-ка руку,— говорит он мне.— Испробую силенку твою, дружок.

Я протягиваю ему руку. Он стискивает мне ладонь, но я не охаю, сам сжимаю что есть силы грубую лапищу боцмана.

— Ах ты, гм... А ведь созрел! — весело ворчит Михаилыч.— Неплохого матроса я из тебя сделал.

То были самые лучшие слова, какие я услышал от него в этом долгом, таком нелегком для меня рейсе.

ПЕСНИ МОРСКИХ СКИТАНИЙ

Утро было солнечным и теплым. Вкусно пахло лопнувшими почками на тополях и первыми, клейкими еще листьями, будто зеленым туманом окутавшими кроны деревьев. Ярко-синее, без единой тучки небо радовало взгляд.

Невдалеке послышался густой, низкий гудок, а спустя минуту ему ответил другой, более высокий и звонкий. Это перекликались в морском порту теплоходы. Прислушавшись к их голосам, я ускорил шаги.

Итак, новый рейс. Ухожу в море ранней весной, а вернусь поздней осенью, когда созреют плоды, а листья пожелтеют и посыплются на асфальт, покрывая его рыжим ковром. И птицы уже откочуют на юг. С криками летают они сейчас над деревьями, устраивая свои

гнезда, а потом рождаются птенцы. Вырастут, научатся летать и помчаться в далекие теплые страны...

Так размышляя, шел я по совершенно пустынной еще из-за утренней рани улице и вдруг увидел человека, стоящего на мостице и глядящего в черную быструю воду. Заслышав мои шаги, человек встрепенулся и, выпив платок, трубно сморкнулся. Он будто поджидал меня: еще издали улыбнулся, как знакомому, и помахал возле уха рукой, словно отгоняя назойливую осу. Лицо у человека было серым и помятным и чем-то напоминало ком исписанной неразборчивым почерком бумаги. На этом лице очень удобно разместился большой и слегка сизый, похожий на картофелину раннего сорта нос и тускло светились голубые, увязшие в набрякших веках глаза.

— Вы-то мне и нужны! — воскликнул сизоносый мужчина, когда я подошел ближе. — Гром меня разрази, если это не так!

— В чем дело? — спросил я, опуская на каменные плиты моста чемодан.

— Ведь вы моряк, не так ли? — проникновенно произнес сизоносый, положив мне тяжелую ладонь на плечо. — И вы спешите на свой прекрасный корабль. Ну же, подтвердите, что так оно и есть.

— Ближе к делу, отец.

— Вот именно: ближе к делу!.. — сказал мужчина и встряхнул меня за плечо. — Так вот, приятель: тут находится то... — Сизоносый толкнул ногой небольшую корзинку, покрытую цветастым платком, и непринужденно перешел на «ты». — Находится то, что скрасит твои суровые морские будни, что будет тебе каждый день напоминать о любимой суще.

— Очень тороплюсь, — сказал я, тем не менее заинтересованный словами сизоносого. — Что в вашей корзине?

— О! Что в моей корзине! — воскликнул мужчина и, нагнувшись, сунул в нее руку.

Пошарив там, он распрямился, и я увидел на его большой ладони пушистый комочек с розовым носом и ярко-зелеными глазами. Следя за выражением моего лица, мужчина протянул руку над водой и слегка разжал пальцы.

— Осторожнее, — сказал я, с опаской поглядев на черную воду.

— Рубль,— сипло произнес мужчина и наклонил ладонь.— Или...

— Держите,— сказал я, доставая деньги из кармана.

— Старуха послала топить, а я не могу,— вздохнув, сообщил мужчина, принимая серебряную монету.— Я бы вам его и так отдал, но подумал: «Зачем моряку в море деньги?»

Я взял котенка и сунул его за отворот куртки. Повозившись немного, котенок устроился удобно и замурлыкал одну из самых первых своих песен. Наверно, в ней рассказывалось про теплый ящик, мягкую подстилку, про маму-кошку, лизавшую его именно в тот момент, когда очень хотелось спать, и темную раскачивающуюся корзинку, в которой он только что был. Песня была длинной, почти на полчаса. Ее хватило как раз на то время, пока я добрался в порт и разыскал свой траулер.

Котенка называли Пуршем. Дело в том, что он был рыжим и слегка полосатым. Конечно, нужно было иметь богатую фантазию, чтобы по этим признакам найти отдаленное сходство со знаменитым дрессированным тигром. Мне, например, хотелось котенка назвать просто Васькой, но вмешался Коля Пончиков, Пончик, как мы его звали на траулере.

— Ты погляди на эти лапищи! — воскликнул он, хватая толстыми пальцами маленькие, с розовыми подушечками лапки котенка.— Нет, ты не усмехайся, а погляди! Через месяц котишко будет оставлять на палубе следы величиной в мою ладонь!

Играя, котенок пытался укусить Колины пальцы.

— А зубищи? — восторженно проговорил Пончик.— Ты погляди, какие у него клыки! Итак...

— Назовем его Пуршем,— согласился я.

Котенок рос быстро.

Через два месяца, как раз к тому времени, когда мы закончили наши работы в Бискайском заливе и отправились в тропики, это уже был довольно крупный, подвижный и веселый зверек.

Проснувшись в своей картонной коробке, в которую был положен кусок войлока, он прыгал ко мне на койку и начинал играть. Мне хотелось спать. Я уговаривал Пурша отстать от меня, но, взглянув на часы, обнаруживал, что пора подниматься на вахту: Пурш чувствовал время лучше,

чем я. Быстро ополоснув лицо, я выходил из каюты и поднимался в ходовую рубку, а Пурш направлялся на палубу охотиться на летучих рыб.

Увидев летучих рыб впервые, котенок долго не мог прийти в себя от изумления. Еще бы! Когда-то, в самый первый мой рейс в тропики, летучие рыбы поразили и меня настолько, что, вернувшись домой, я готов был о них рассказывать буквально каждому встречному.

Представьте себе раннее тихое утро. Вода как зеркало. Синяя-пресиняя, глаза даже ломит, она простирается вокруг судна на сотни миль в любом направлении. Не оторвать взгляд от этой синевы!.. Ближе к судну синева светлая, а дальше, к горизонту, вода приобретает более густой цвет, будто в океане растворили несметное количество синьки. Солнце только что взошло. Тишина-то какая! Только чайки, парящие над кормой судна, перекликаются сонными еще голосами да стеклянно звенит вспарываемая острым форштевнем траулера вода.

И вдруг поверхность океана вскипает, и из воды с легким шорохом выскользывают рыбы. Несколько мгновений, быстро вибрируя задним хвостовым плавничком по воде, оставляя на ней извилистые следы, они скользят над самой поверхностью океана, а потом, широко раскинув ярко сияющие грудные плавнички, рыбы взлетают, как маленькие планеры, одновременно поднявшиеся с аэродрома. Лучи солнца играют в напряженно раскинутых плавничках-крыльях, и их плоскости загораются то зеленым, то ярко-красным пламенем. Быстро обгоняя траулер, метров пятьдесят—шестьдесят рыбы летят над водой, отражаясь в ней серебристыми брюшками, а потом одна за другой ныряют в океан. Этот полет, длящийся почти минуту, похож на соревнование: а кто дальше? Вот упала в воду одна рыбка, потом сразу три, затем все они шмыгнули в океан, и лишь одна рыба все летит и летит, устанавливая, наверно, новый рекорд.

Выйдя на палубу и порывшись в ящике с песком, Пурш начинает следить за рыбами. Глаза его сверкают, усы выставлены вперед, а по телу порой пробегает волна: котенок вздрогивает от охотничьей страсти и порой как-то смешно цыкает. Рыбы взлетают то справа, то слева от судна, и Пурш мечется по сырой палубе, дожидаясь, когда какая-либо из рыб-летучек совершил ошибку.

Вот!.. Непонятно почему, но две рыбы вдруг поворачивают к траулеру. Одна, ударившись в фальшборт, падает в океан, а другая, перемахнув планшир, на палубу. Подпрыгнув, рыба бьется, и во все стороны разлетается чешуя. Пурш бросается к рыбе. Это его добыча, и, ворча, оглядываясь, он тащит ее под траловую лебедку.

Случалось, летучими рыбами интересовался не только котенок. Как-то мы долгое время не ловили тунцов и очень соскучились по рыбным блюдам. А летучек было много, они градом сыпались на палубу. Щурясь со сна, гулко зевая, пришла с камбуза наша повариха Анна Петровна и начала собирать рыб, а Пурш, возбужденно вскрикивая, хватал то одну, то другую рыбину... Набрав с полведра, Анна Петровна села на крышку горловины носового трюма и принялась ждать. Бам — упала рыбка на палубу, бам-бам — еще две. Потом целая стайка рыб, сбившись с курса, оказались на траулере, а одна летучка угодила точно в ведро.

Решив, что для завтрака улова вполне достаточно, Анна Петровна отправилась на камбуз, а Пурш принялся ждать свою рыбу. Когда их было много, он не догадался припрятать хоть одну про запас.

Ждал он долго и напрасно: рыбы больше не падали на палубу. И, будто поняв, в какое глупое положение он попал, котенок, разочарованно мяукнув, отправился к Анне Петровне выпрашивать потроха.

...На своей вахте я рано утром встречаю солнце и вечером провожаю его на покой. Пурш очень любил эти моменты. Устроившись на машинном телеграфе, жмуря глаза и тихонечко напевая про себя, он терпеливо ждал, когда солнце окунется в океан.

Распухая на глазах и тускнея, солнце медленно сползало к океану. Казалось, вот сейчас его пылающий край коснется воды и к небу с ревом и свистом взметнутся белые столбы кипящего пара. Взглянув на меня, Пурш многозначительно щурил глаза, как бы желая сказать: «А все же это здорово, правда? Сколько раз мы уже видели все это, а все равно здорово!»

Потом он мыл лапой свою круглую физиономию и устраивался в углу рубки вздремнуть. Там он и дожидался окончания моей вахты.

А потом мы шли с ним на корму. Так было приятно сидеть на скамейке, подставляя лицо свежему ночному ветерку, и, вспоминая зеленые поля и леса родной суши, любоваться ночным океаном.

Ночь в тропиках — тоже прекрасное зрелище. Ритмично рокочет двигатель судна, и траулер, слегка раскачиваясь на зыби, неторопливо бежит по океану, а вокруг него в воде вспыхивают, колеблются и раскачиваются ярко-голубые огни. Это мелкие морские организмы — ночесветки — загораются вот таким голубым светом, пугаясь траулера. А под кормой пожар! Голубое пламя бушует в воде, и полоса его, кажется, тянется до самого горизонта... А вот какие-то серебряные иглы прошли воду. Сотни, тысячи раскаленных добела игл. Это косячок рыб спешит куда-то.

Порывшись в овощном шкафчике, я достаю из него подгнившую картофелину и кидаю за борт. Коснувшись воды, она расплескивает серебряные брызги и, сама вдруг превратившись в серебряный слиток, начинает медленно погружаться в воду.

Черное, все усыпанное крупными, подрагивающими от лютого, космического холода звездами небо как бы раскачивается над нашими головами. Вот все звезды и созвездия покатились в одну сторону... Остановились, вновь покатались, но теперь в другую сторону. Красиво!.. Оп, сорвалась одна и, чиркнув крутой дугой, упала. Проследив за ней взглядом, Пурш прислушался. Может, он думал, что звезды, как и летучие рыбы, время от времени падают на палубы траулеров?.. Нет. Все тихо. Вздохнув, котенок стал разглядывать луну.

— Ты еще маленький котенок, и откуда тебе знать, что на суше, ну там, где мы живем, месяц совсем не такой, — говорю я ему, погладив по лобастой головенке. — Видишь, тут он плывет, как лодочка, а дома висит, словно зацепился верхним рожком за гвоздь, вбитый в небо. Однако не пора ли нам спать?

Пурш неохотно поднимается и идет за мной. Подхватив котенка на руки, я спускаюсь по трапу вниз, в каюту, и еще на руках Пурш слегка хрюпловатым, ломающимся, как у мальчишки, голосом заводит новую песню.

Текли дни один за другим, все больше и больше черных крестиков появилось в самодельном календаре, укреплен-

ном на переборке моей каюты. По существующим в море традициям моторист Федя Долгов сделал Пуршу раздвижной медный ошейник, на котором было выбито имя кота и название судна. К тому же кольцо имело и весьма важное значение: медь предохраняет кота от каких-то «летучих токов», которые обязательно присутствуют на каждом судне и губительно влияют на котов и кошек. Пурш не возражал против ярко сияющего кольца-ошейника и быстро к нему привык.

Труднее было привыкнуть к жаре, да не ладились отношения с судовой поварихой, толстой и неповоротливой Анной Петровной. Спасаясь от жары, котенок забирался на верхний мостик и ложился под брезентовый тент. Ветерок там свежий дул, и Пурш, повернувшись в его сторону головой, почти целый день валялся на мостице, вялый и апатичный. Потом мы остригли кота, оставив ему лишь небольшую кисточку на кончике хвоста и шерсть на голове. После стрижки Пурш, ставший похожим на пуделя, почувствовал себя лучше, к тому же Коля Пончик однажды затащил его под душ, постоянно бьющий на палубе.

Вначале котенок вырывался из крепких пальцев Коли, а потом успокоился: вода хоть и немного, но освежала перегретое тело.

Жара донимала, мучила, и котенок вскоре научился самостоятельно принимать водяные ванны, без страха входя под тугие струи.

Сложнее обстояло дело с Анной Петровной, и тут уж он был виноват сам: как-то стянул с камбуза кусок мяса... С тех пор, стоило лишь котенку появиться возле камбуза, она тотчас хваталась за веник. Став взрослее, Пурш навсегда оставил попытки обрести дружбу с поварихой.

До трехмесячного возраста Пурш и не представлял себе, что на свете существует еще что-либо, кроме траулера, океана и неба. Правда, мы за это время посетили порты двух стран, запасаясь пресной водой и продуктами, но оба раза траулер стоял на рейде, и Пурш не обращал особого внимания на далекий берег.

И вот наступил день великого познания суши. Я так торжественно называю это событие потому, что встреча с сушей просто потрясла нашего котишку. Еще бы: день за

днем одна вода! Вода со всех сторон, вода тихая, ласковая, уютно покачивающая траулер и вода ревущая, грохочущая, вкатывающаяся с громом на палубу. Вода, швыряющая судно с волны на волну, как будто это вовсе и не стальная громада, а жалкая щепка. Все это уже было привычным, и вдруг...

День был теплым и тихим. В этих широтах, а подходили мы к северо-восточному побережью Южной Америки, была зима и температура днем не поднималась выше двадцати шести градусов.

Еще с вечера мы помыли до блеска палубу и убрали промысловое снаряжение в трюм. Не понимая, что происходит, но ощущая общее возбуждение и радостное, приподнятое настроение, Пурш бродил из каюты в каюту и, подрыгивая хвостом, внимательно всматривался зелеными глазами в лица моряков: что случилось? Отчего все так громко, возбужденно переговариваются?

— Суша, старик! — сказал коту Коля Пончик. — Понимаешь? Суша!... Сейчас ты увидишь деревья, траву, цветы.

Нам предстояло пройти два десятка миль по глубокой, но узкой и извилистой реке Суринам, чтобы достичь пирсов порта Парамарибо, затерявшегося в джунглях Южной Америки.

Мы поднялись на верхний мостик. Ну вот и река. Из ее устья вытекала в океан коричневая, словно какао, вода. С криками летели птицы, порой рыбы всплескивали то справа, то слева, и по воде расходились большие круги. Далекие берега начали быстро сходиться, и теперь уже можно было увидеть ветвистые деревья, опутанные лианами; стройные пальмы с пушистыми, лохматыми, будто нерасчесанные волосы, кронами и кустарники, сплошь покрытые ярко-красными и синими цветами.

Берега сдвигались, река делала крутые повороты, и порой мы подходили к суше так близко, что казалось: вот-вот зацепим мачтами за толстенные ветки незнакомых деревьев, раскинувшихся над водой.

Сверкая глазами, с удивлением поглядывая на нас, Пурш метался по мостику и вскрикивал сдавленным голосом: ничего подобного он себе и представить не мог. Еще бы! Нам с Пончиком тоже никогда не приходилось бывать в джунглях Южной Америки, а разве не об этом мы мечтали

в детстве? Странные звуки неслись из зеленой, непроницаемой для взгляда чащобы. Какое-то движение ощущалось там, сотни пар глаз следят за нами... Вот стая зеленых попугаев с трескучими криками пролетела над палубой траулера, и Пурш, прижавшись животом к палубному настилу, подполз ко мне. Я взял его на руки и почувствовал, как бешено колотится его маленькое сердце. Странные, незнакомые запахи текут над рекой. Удушающие сладко пахнет цветами и горько-гниющими листьями.

— Крокодил! — воскликнул Коля. — Аллигатор!

Крокодил-аллигатор, как толстое, покрытое зеленью бревно, валялся на отмели. Заслышиав траулер, он шевельнулся и нехотя сполз в воду.

— И не покупаешься тут, — сказал Коля с таким разочарованием, будто именно для купания мы и направлялись в Парамарибо. — Хамкнет такой дядя и только пуговицы выплюнет. Хо, макаки!

Макаки там или нет, но несколько обезьян сидело на толстой ветви, повисшей над водой. Завидя нас, они заверещали, а одна швырнула в сторону траулера тяжелый бурый плод. Не долетев, плод упал в мутную воду и проплыл метра два, но вдруг что-то там взбулькнуло, и плод исчез. Рыбина его, наверно, какая-нибудь зубастая проглотила.

— М-да, придется обойтись без купания, — окончательно решил Коля. — А то ведь и пуговиц от тебя не останется. Как считаешь?

Гладя нервно вздрагивающего Пурша, я согласился с ним.

Вскоре наш траулер прижался бортом к деревянным сваям дощатого пирса, на котором толпились смуглые, шумливые жители Парамарибо, прибежавшие поглядеть на советское судно, впервые завернувшее в их порт, и бродили тощие, поджарые собаки. Это были бездомные, портовые псы, клянчивающие у моряков куски хлеба.

После обеда мы отправились на берег. Я то нес кота на руках, то опускал его, и Пурш, к медному кольцу которого был привязан крепкий шпагатик, бежал рядом. Перед приходом в Парамарибо мы с Колей по очереди дней десять приучали кота к такому способу передвижения.

— В парк, не так ли? — предложил Коля. — Там раз-

ные пальмы, тропические птицы и стая обезьян. Шипшандлер¹ рассказывает, что они однажды женщину утащили.

— Ах, я боюсь! — жеманно воскликнула Анна Петровна, увязавшаяся за нами, и повела могучими плечами, которым мог бы позавидовать штангист.— А вдруг они и меня утащат?

— К сожалению, там обитают лишь мартышки,— засмеялся Коля, окидывая взглядом величественную фигуру поварихи.— Вот если бы гориллы...

Городок Парамарибо оказался небольшим: мы всего с полчаса шли по его узким, обсаженным пальмами улочкам. Шли, с интересом разглядывая невысокие — двухэтажные — деревянные домики под черепичными крышами, домики, раскрашенные в яркие тона: зеленые, синие, красные,— а потом незаметно вошли в городской парк, сливающийся с подступившими к самому городу джунглями.

Тут было пустынно и дико. Узенькая, усыпанная пальмами листьями тропинка вилась между деревьями, тускло посверкивали в их зеленоватом сумраке небольшие озера, населенные множеством рыб и белыми цаплями. Шумно кричали и перелетали с дерева на дерево пестрые попугайчики. Порой над нашими головами с тугим гудением проносились фиолетовые жуки. Коля говорил, что это ядовитые навозники.

Потом мы вышли на залитую солнцем поляну. Росла тут ярко-зеленая трава и цветы, а над ними порхали пестрые бабочки с крыльями, как мне показалось, каждое величиной с ладонь.

Увидев бабочек, Пурш пришел в страшное смятение. Я отвязал шпагат от кольца-ошейника, и кот, оглядываясь в нашу сторону, неуверенно отправился в заросли травы.

— Ну где же обезьяны, где? — тормошила Колю Анна Петровна.— Обманщик вы, Коля, врун вы эдакий.

— Не прокормить им будет вас,— вздохнув, сказал Коля.— К тому ж гнездо для вас строить нужно очень уж большое. Оп! — тут же воскликнул он.— Вот так прыжок!

Это Пурш, выпрыгнув из травы, попытался поймать бабочку. Отпрянув, та затрепетала крылышками, начала кружить над котом, явно недооценивая той опасности,

¹ Шипшандлер — представитель фирмы, снабжающей судно продуктами, водой, топливом.

которая ей грозила... Оп!.. Пурш свечкой взвился из травы и схватил бабочку. Трава зашевелилась, и через несколько мгновений, выскочив из нее, Пурш подбежал ко мне и бросил на землю вяло шевелящую крыльями изумрудно-синюю красавицу. Попросив у Коли коробку из-под «Казбека», я уложил ее туда, а Пурш поспешил назад.

Наверно, охота продолжалась бы и дальше не менее удачно, но вдруг в траве что-то произошло. Мы услышали испуганный крик Пурша — может, он наткнулся на змею? — а потом увидели, как стебли закачались и Пурш с непостижимой скоростью взметнулся на толстое дуплистое дерево. В то же мгновение из черных зевов деревьев с воплями и визгом повыпрыгивали крупные длиннохвостые обезьяны. Видимо, они там спали, пережидая полуденный зной.

— Пурш! Пурш!.. — закричал я. — Пурш, иди сюда!

Очумело вертя головой, кот замер на толстом, бугристом суку, окруженный обезьянами. Выкрикивая незнакомые нам тропические ругательства, обезьяны начали дергать и щипать кота, а одна умудрилась схватить его за хвост и с торжествующим криком поволокла в дупло. Заорав ужасным голосом, Пурш изогнулся и царапнул нахалку. Вскрикнув, та разжала лапу, и Пурш полетел на землю. В ту же секунду он бросился ко мне, и я схватил его на руки. Кота тряслось, он был в шоковом состоянии.

— Ах, какие хорошенъкие обезьянки! — проворковала Анна Петровна и, подойдя к дереву, обхватила его руками, как будто хотела влезть на него. — Ах, какие вы милашки! Ну идите сюда, идите.

Закричав дружным, протестующим хором, обезьяны начали ломать сухие ветви и обсыпали ими обескураженно умолкшую повариху. Пожалуй, они боялись, что она отнимет у них самое большое, самое вместительное дупло, зияющее посередине ствола дерева. Вознегодав, Анна Петровна с такой силой стукнула кулаком по стволу, что мне показалось, будто оно качнулось. Замерев от ужаса, обезьяны смолкли...

Время нашего увольнения подходило к концу, и мы отправились домой. Осмелев, обезьяны вразнобой закричали, а повариха, потирая синюю шишку на лбу — след от удачно брошенного сучка, погрозила джунглям толстым пальцем.

Через несколько суток мы покинули Парамарибо. Мы уходили под вечер, и огненный шар солнца медленно опускался в джунгли. На траулере было тихо. Утомленные стоянкой, моряки разбрелись по своим каютам, и лишь мы с Пуршем сидели на корме и глядели в сторону удаляющегося берега. Вот сейчас... сейчас солнце коснется пылающим краем вершин деревьев и столб пламени и дыма взметнется к небу. Нет, все обошлось. Солнце скрылось, тотчас стало темнеть, и с неба послышались знакомые голоса морских птиц.

Мы долго сидели на корме траулера, прощаясь с сушей и любуясь ночным океаном, по которому порядком соскучились, и я все ждал, когда же Пурш запоет песню про джунгли, но кот молчал. Видимо, в этот момент в его мозгу происходил мучительный творческий процесс создания нового произведения. Все там переплелось: и удивление, и восторг, и страх, и радость, и печаль разлуки с таким удивительным миром, имя которому — суша.

Недели полторы нас еще что-то связывало с Парамарибо. Во многих каютах в банках и бутылках досыхали дурманно пахнущие тропические цветы, по столам и в рундуках прытко бегали мизерные желтые муравьи, занесенные на судно вместе с фруктами, а по вечерам из потаенных щелей выползали крупные, величиной с палец, рыжие и усатые насекомые, похожие на тараканов. Саша уверял нас всех, что эти насекомые очень ядовитые. И действительно, отвратительные тропические «тараканы» пребольно кусались, и укус долго и мучительно болел.

Дней десять мы вели борьбу со «зверями», и в этом нам помогал Пурш. Ночь за ночью, порядком отощав, кот нес напряженные, опасные ночные вахты. Под утро он сволакивал в каюту задышенных тварей и укладывался спать. Все мы были очень благодарны Пуршу и баловали его кусочками колбасы и сыра.

А потом Пурш поймал и принес хамелеона. Я еще спал, и Пурш положил хамелеона возле моего лица, на подушку. Кто-то осторожно пощекотал мне правую щеку, я открыл глаза и увидел уродливое и страшное существо,

напоминающее уменьшенное в тысячу раз доисторическое животное.

Похолодев, я разглядывал это «нечто», которое, переставляя короткие лапы, похожие на клешни краба, вращая глазами-телескопчиками, медленно подбиралось ко мне. Уже поняв, что это хамелеон, зверек абсолютно безобидный, я вздохнул с облегчением и протянул «чудищу» ладонь. Прикоснувшись к ней носом, хамелеон медленно поднял переднюю лапку, ухватился за палец и вскарабкался. Это был довольно крупный и тяжелый зверек, с приятной на ощупь, будто замшевой кожей. Я поднес его к лицу, и мы внимательно осмотрели друг друга. Коля что-то лепетал, пугая меня ядовитым жалом этого «гада», но зверек своим спокойным, невозмутимым характером уже понравился мне, и я скоро убедил Пончика принять его жильцом нашей каюты.

Хамелеон, которого мы прозвали Гришкой, оказался очень полезным жильцом. Неприхотливый и покладистый, он целыми днями ползал по каюте, охотясь за мухами и муравьями. Медленно-медленно переставляя лапки, он, становясь от возбуждения ярко-зеленым, подбирался к мухе или муравью. При этом один глаз его мог глядеть на муху, а другой в это время совершенно независимо вращался в разных направлениях, осматривая переборки, койки и палубу каюты. Подобравшись к мухе на необходимое расстояние, хамелеон, становясь бурым, осторожно вытягивался вперед, целясь, замирал, а потом его маленький рот раскрывался, и из него высекивал длинный и тонкий язык с клейкой нашлепкой на конце. В следующее мгновение муха или муравей, прилипшие к нашлепке, исчезали во рту Гришки, и тот, глотая добычу, становился от удовольствия розовато-сиреневым.

Пурш, считая Гришку своей собственностью, баловался с ним, как с резиновой игрушкой, не причиняя тем не менее ему никакого вреда, а потом, зажав лапами, облизывал хамелеона от кончика хвоста до головы. И тот терпеливо все сносил, даже не делая попыток увиливнуть от шершавого языка кота.

Прожил он на траулере полтора месяца, переловив почти всех мух и муравьев, и Пурш так привык к добродушному зверьку, что ревновал его к людям. Когда кто-нибудь забирал Гришку из моей каюты «на денек по-

охотиться на гадов-мурашей», кот, испытывая беспокойство, разыскивал зверька по всему судну, а найдя, хватал его и уносил к себе. Облизывая его, Пурш напевал хамелеону песни, и им обоим было хорошо. Наверно, эта странная привязанность Пурша к зверьку из джунглей продолжалась бы и дальше, но на подходе к бразильскому порту Ресифи, который нам предстояло посетить, Гришка вдруг исчез. Что произошло с ним? Сорвался ли из открытого иллюминатора в океан? Или унесла его таинственная ночная птица, подхватив с палубы?

Пурш мучительно переживал пропажу Гришки, а потом нам пришлось завернуть в Ресифи, и там произошло событие, потрясшее нашего кота не меньше, чем первое знакомство с сушей.

К тому времени, как мы пришли в Ресифи, Пуршу было уже шесть месяцев. Да, наш рейс был длинным, и из маленького, пушистого комочека Пурш превратился в крупного, поджарого и сильного кота. Он уже многое познал, многое увидел и был невозмутим, как и полагается быть настоящему много поплававшему моряку. Тем не менее порой Пурш впадал в странное беспокойство и по несколько дней не прикасался к пище. Он не знал, что томило его, какие силы и желания пробуждались в его душе. Он часто подходил ко мне, торкался лобастой головой в мою ладонь и, жмурая зеленые удивленные глаза, начинал что-то петь, но тут же смолкал, как бы прислушиваясь к самому себе: «О чём это я?...» Странная, тревожная песня жила в душе кота, но он никак не мог подобрать к ней слов, потому что не знал еще, о чём же будет эта песня.

...Шуршаще скрежетнув бортом, траулер замер у пирса, и босоногие мальчишки, весело крича, поволокли петлю швартового троса на чугунную тумбу.

Зевнув, Пурш равнодушно глядел с верхнего мостика вниз. Но вдруг вскочил и весь напрягся. Там, на пирсе, выгнув спину и внимательно глядя вверх, стояла совершенна черная, с желтыми, как две новенькие монетки, глазами тоненькая и стройная кошечка.

«Мя-а-а-а...» — неуверенно окликнул ее Пурш, прокрутив голову между леерами.

«Мя-а-а-а», — нежно отозвалась кошка и потерлась о

швартовую тумбу. Нервно подыгивая хвостом, она повертела хорошенькой головкой и сощурила плутоватые глаза.

«Мяу,— охрипшим от волнения голосом произнес Пурш и поглядел на меня.— Мяу!»

— Это портовая кошка,— сказал я ему.— Ох и опасны они для моряка, слишком долго пробывшего в океане! Берегись, Пурш.

«Мя-а-а-а...» — послышалось опять с пирса, и кошка, повалившись на каменные плиты, принялась кататься в пыли, призывая и Пурша принять участие в этом приятном занятии.

— Стой, Пурш! Куда ты? — крикнул я, но было уже поздно.

Легкой рыжей тенью, пренебрегая трапами, Пурш спрыгнул на пирс, упруго приземлился на крепкие лапы и, подойдя к кошке, потянулся к ней. Грациозно вскочив, та прикоснулась к его носу своим, жмуря глаза, что-то промурлыкала и, оглядываясь через плечо, направилась к штабелю толстых бревен, среди которых виднелись таинственные проходы.

Напрасно я звал Пурша. Кот даже не повернул головы. И это было печально.

...Пурш не появлялся ровно неделю. Ровно столько дней, сколько мыостояли в Ресифи. Настал час отхода. Мы с Колей метались по пирсу и сорванными голосами окликали кота. Порой на наш зов выбегали бездомные портовые коты и кошки, но ни черной красотки, ни Пурша не было.

Ну, вот и все. Прощай, Бразилия, прощай, Пурш.

Убрали сходни.

Под выкрики Петровича матросы выволокли на палубу сброшенные со швартовых тумб трясы и уложили их. Запыхавшев, черно-белый портовый катер поволок траулер от берега, и между бортом и пирсом появилась щель.

Прощай, Пурш! Мне будет чертовски недоставать тебя и твоих чудесных песен. Кому-то ты будешь их теперь петь?...

«Маа-а-у-уу!» — донесся вдруг отчаянный вопль.

— Пурш! Пурш! — закричал я.— Эй, на буксире! Стоп машина!

Сопровождаемый черной кошкой, Пурш с бешено

скоростью несся по сырому после обильного дождя пирсу. Он подбежал к его краю, оттолкнулся, пролетел через воду и упал на планшир. Какое-то мгновение казалось, что он сорвется, но кот удержался и, не замечая моих протянутых рук, лихо взбежал на верхний мостик.

Там он сидел до ночи. Тощий, испачканный варом, с глубокой царапиной поперек носа, с заплывшим глазом. Я попытался приласкать его, успокоить, но кот, сердито боднувшись, не принял ласки. Не мигая, он глядел в сторону удаляющегося берега и порой вскрикивал грудным, вибрирующим голосом.

Кот пришел в каюту под утро. Вспрыгнул на койку, улегся в моих ногах и задумчиво запел песню. Теперь он знал, о чем ему перед заходом в Ресифи так хотелось петь. Он пел о разлуке. И еще он пел о том, что, как бы ни были сильны его чувства, он, Пурш, никогда не предаст своих друзей. Ведь он же моряк.

Наш долгий рейс продолжался. Вдоль побережья Южной Америки мы спустились на юг и наконец достигли тех широт, которые еще со времен парусного флота известны у бывалых моряков под названием «ревущие», — такие тут постоянные сильные, «ревущие» ветры.

Было холодно, туманно, и солнце, так утомлявшее нас в тропиках, лишь изредка прорывалось своими лучами к океану сквозь плотные завесы туч, закрывших небо до горизонта. Мы уже не ставили наш океанский перемет, потому что здесь, на юге Атлантики, не водятся красивые и стремительные тунцы. Теперь мы занимались траловыми работами. Каждый день мы по несколько раз опускали в воду трал, который боцман Петрович именовал авоськой, потому что эта рыболовная снасть действительно напоминает собой громадную, сплетенную из крепчайшей сетчатой ткани хозяйственную сумку-авоську, буксируемую за траулером при помощи крепчайших стальных тросов.

Пурш мерз так же, как и мы, но вскоре привык к прохладе, к тому же мы с Колей больше не подстригали его, как в тропиках, и кот оделся в теплую, пушистую шубу.

Он еще больше вырос и не распевал теперь песни по каждому пустяку, к тому же сильно скучал, надо полагать,

и по смешному зверьку хамелеону, и по черной желтоглазой кошечке из бразильского порта Ресифи. Может, поэтому кот старался побольше быть со мной. Однако нельзя сказать, чтобы он стал равнодушным, нет. Пурш с большим интересом наблюдал и за китами, небольшие стада которых время от времени попадались нам в пути, и за дельфинами, весело сопровождавшими траулер по двое-трое суток подряд, и за морскими львами, которые встречались иногда в открытом океане. И еще Пурш с интересом посматривал на молчаливых альбатросов, плавными кругами летающих над траулером. Никогда и мне не приходилось видеть более величественных птиц, чем громадные, с крыльями размахом до трех метров, антарктические альбатросы. После вахты мы вместе с Пуршем отправлялись на корму и любовались птицами. Почти не шевеля крыльями, то стремительно взмывая ввышину, то с резким креном опускаясь до самой воды, альбатросы кружили и кружили над траулером и разглядывали судно, да и меня с котом, сидящим на моих коленях. Птицы были любопытны так же, как и мы... Происходил взаимный и приятный процесс познания: нам интересно было смотреть на птиц, птицам — наблюдать за нами.

Может быть, на этом все бы и закончилось, но в один из ветреных и туманных дней, когда, промокшие и уставшие, мы очищали палубу от выловленной рыбы и мечтали о той счастливой минуте, когда можно будет отправиться в теплые каюты, над нашими головами вдруг раздался глухой удар, послышался гортанный крик, и на палубу, суматошно размахивая крыльями, упала птица. Это был альбатрос. Неосторожно пролетая над траулером, он врезался в радиоантенну и, сломав крыло, рухнул прямо на нас.

В тот день мы с Колей не скоро оказались в каюте: с помощью боцмана делали альбатросу операцию. Альбатрос не вырывался, не хлестал нас здоровым крылом, он только странно урчал и порой вскрикивал от неосторожных движений наших грубых рук. В конце концов мы укрепили легкие дощечки-шины и, отгородив птице закуток в углу палубы, оставили ее там. Во время всей операции Пурш толкался рядом и с большим интересом присматривался

к птице, обнюхивая ее. В каюту он не пошел, а устроился на ночь возле альбатроса.

— Чудеса, да и только,— сказал Коля утром, поднявшись раньше меня и сбегав на палубу.— Пурш спит рядом с Тимошкой.

— С каким это Тимошкой? — спросил я, немного досадуя, что Коля не дал мне доспать пятнадцать минут до вахты.— О чём ты?

— Это Петрович прозвал альбатроса Тимошкой. Спят, говорит, рядышком. Ну будто всю жизнь дружили.

Быстро одевшись, я вышел на палубу.

Коля не соврал. Откинув больное крыло, альбатрос спал, привалившись левым боком к фальшборту, а рядом с ним пристроился Пурш. Заслышав мои шаги, он поднял голову и зевнул. И альбатрос встрепенулся, открыл черные, добрые глаза. Я замер. Мне стало страшно за Пурша: если птица стукнет его своим крючковатым клювом, то конец коту! Нет, Тимошка, будучи или по характеру добрым, или находясь еще в шоковом состоянии от всего происшедшего, спокойно оглядел кота, а потом снова закрыл глаза.

Теперь мне понятно, почему испокон веков моряки, оказавшиеся в Антарктике, ловили и приручали альбатросов и почему еще со времен парусного флота убивать их было запрещено под страхом жесточайших наказаний. Эти птицы легко привыкали к людям; веселые и покладистые, они доставляли морякам множество приятных минут.

С появлением Тимошки будто что-то радостное произошло на траулере: мрачные, предельно уставшие от бесконечно долгого пребывания в море моряки нашего проржавевшего, помятого волнами теплоходика вдруг ожили, заулыбались. Снова стал слышен смех, шутки; работа пошла веселее, а по окончании ее никто уже не спешил, как прежде, в каюту. Мы оставались на палубе, курили и хохотали, глядя, как Тимошка играет с Пуршем. Тут следует сказать, что наш морской кот несколько отошел на задний план, но он не обижался, не ревновал, а был так же, как и мы, рад неожиданному появлению на судне альбатроса.

Спали они вместе на палубе. Причем, когда ночи бы-

вали особенно холодными, Пурш забирался Тимошке под крыло и высывал из-под него лишь голову.

С большим нетерпением, что-то бормоча от возбуждения, Тимошка дождался первого утреннего трала, видимо считая, что мы ловим рыбу, чтобы накормить лишь его. А ел он много: килограмма три рыбы умять за один присест ему ничего не стоило. Коля выбирал рыбин получше и одну за другой отправлял в широко раскрывающийся клюв птицы. Насытившись, Тимошка отходил в сторонку и на некоторое время впадал как бы в задумчивость: покачиваясь, он погружался в глубокие размышления и слегка дремал, то закрывая, то приоткрывая глаза. В этот момент с ним можно было делать все, что хочешь: таскать за клюв, садиться верхом, раскрывать ему крылья. Тимошка только вздыхал и порой досадливо мотал головой: мол, отстаньте же вы от меня; я слегка пересел, дайте передохнуть.

Погода несколько улучшилась. Мы, покидая южные широты, уже начали подниматься к экватору, и солнце все чаще и чаще стало появляться над океаном, пробивая облачность ярко-золотыми, теплыми лучами. А к вечеру оно почти всегда хоть на десять, хоть на пять минут, но показывалось над горизонтом, и небо и океан окрашивались в тревожный, будто струящийся в воздухе ярко-алый цвет.

Это были торжественные и грустные минуты. Мы особенно остро ощущали, как же далеко занесло нас, моряков, от Родины, сколько же еще соленой воды простирается между бортом траулера и пирсом родного порта, сколько впереди штормов, ураганов, плотных туманов до того момента, как руки любимых нами людей, протянутые на встречу, встретятся с нашими огрубевшими руками!..

Что-то странное происходило и с альбатросом. Широко раскрыв крылья, будто пытаясь поймать ими ускользающее за океан солнце, он глядел на него и кричал громким голосом, в котором слышались и мольба, и страх, и надежда. Так он стоял и глядел, как быстро тускнеющий диск опускался за океан. Вот видна только половинка, вот третья; вот на кромке горизонта ярко вспыхивает лишь маленький краешек солнца, похожий на шевелящийся уголек и... Вот и все.

Опустив крылья, Тимошка тотчас отправлялся в свой угол. За ним, уже на ходу запевая песню, брел кот. В углу палубы слышалась возня: птица устраивалась на брезентовую подстилку, а Пурш, торопя альбатроса, покусывал его за жесткие перья. Потом он забирался под крыло и уже во весь голос заводил очередную песню. Склонив голову, Тимошка слушал кота. Наверно, петь песни такой большой, доброй и серьезной птице было куда как приятнее, чем маленькому, смешному хамелеону, и Пурш старался вовсю. Все там было в этих песнях, вся его жизнь: и жесткие ладони сизоносого мужчины, и летучие рыбы, и бабочка с изумрудно-синими крыльями, и противные обезьяны, и приключения в бразильском порту.

Расстались мы с Тимошкой на десятом градусе южной широты. Это была граница, дальше которой альбатросы не залетают. И Тимошка чувствовал, как далеко завезли мы его от родных мест. Он нервничал, все чаще и чаще размахивал крыльями и даже несколько раз пытался взлететь, но не мог этого сделать: альбатросы поднимаются в воздух лишь с воды или с обрывистых скал, как бы бросаясь вниз, в воздушную бездну, и лишь потом раскрывают свои громадные крылья.

Ну что ж, друг, пора тебе возвращаться в свои широты!

Мы уже окончили все наши работы. Тралы были уbraneы в трюм, палуба вымыта и вычищена, и капитан проложил курс к берегам Родины. А где же твой дом, Тимошка? На каких пустынных скалах появился ты на свет? Где, у берегов каких далеких антарктических островов ждет тебя подруга? Кто-то из команды несмело предложил увезти Тимошку с собой и отдать его в зоопарк, но остальные возмутились: такую птицу — и в зоопарк?

Перед обедом мы собирались на палубе, старший механик надел на лапу альбатросу медное колечко с его именем, и боцман, взяв птицу в жилистые руки, перегнувшись через фальшборт, отпустил в океан. Отплыв немного, Тимошка несколько раз окунулся в воду, потом взмахнул крыльями, приподнялся и, смешно шлепая по ней лапами, побежал. Он бежал очень долго, и Коля с тревогой поглядел на меня: а может, он и не сможет взлететь? Может, летать разучился?..

— Перекормил ты парнишку, — сердито сказал Петрович.

— Да я же хотел как лучше... — пробормотал Коля и крикнул: — Ну что же ты, Тимошка?!

Альбатрос оторвался от воды и, плавно взмахивая крыльями, полетел. Капитан, выглядывавший из рубки, поднял руку и потянул за рычаг тифона. Траулер прогудел раз, второй, третий. Тимошка между тем вначале отлетел от судна, а потом развернулся, сделал над палубой круг и, повернув на юг, быстро исчез из наших глаз.

В ту ночь многие не спали на траулере. Ворочался на верхней койке Коля; слышно было, как бродил по судну, покашливая в кулак, Петрович и все курил, курил свою маленькую самодельную трубку. Не спал, просто не мог найти себе места Пурш. Он то приходил в каюту и, вспрыгнув ко мне на койку, ласкался и начинал что-то петь, то замолкал, чутко прислушивался к чему-то и, спрыгнув на палубу каюты, убегал.

Вышел на палубу и я.

Ночь была странной. Океан весь светился зеленовато-голубым огнем, небольшие огни трепетали на мачтах, планширах и других металлических предметах. Я поднял руку, голубые язычки пламени вспыхнули на концах пальцев, и я ощутил легкие уколы. Пурш подошел, ткнулся мне в ноги носом. Я провел по его спине ладонью и из шерсти кота посыпались голубые потрескивающие искры. У моряков парусного флота это явление особой насыщенности воздушного пространства электричеством называлось огнями святого Эльма. Оно предвещало беду, это голубое пламя, пляшущее на реях мачт. Какую беду могли предвещать электрические огни нам? А может быть, не нам, а альбатросу Тимошке, улетающему в эти минуты все дальше и дальше на юг? Птице предстояло пролететь почти две тысячи миль... Прижимая к себе грустного кота, я от всей души желал птице благополучно совершить трудный перелет.

Вскоре мы расстались и с Пуршем.

С ним произошло что-то странное: чем меньше миль оставалось до берега, тем Пурш вел себя беспокойнее. Он почти не спал, не ел, бродил по судну и кричал тоскливым голосом, будто перекликался с птицами, зовущими его из

таинственных глубин ночного неба. Куда звали его птицы?
Остаться в океане?

В Бискайском заливе к нам подошел траулер, уже два месяца ведущий там поисковые работы: нас попросили захватить с собой письма на Родину. Был штиль, и траулеры пришвартовались друг к другу. В тот момент, когда суда начали расходиться, Пурш вдруг легко перемахнул с мостика на траулер, остающийся в океане.

— Отдайте кота! — заорал Коля. — Пурш, да ты что?..

— Не трогайте его, — сказал Петрович. — Пурш — морской кот. Ну что он будет делать на суше?..

С тех дней, о которых я рассказал, прошло пять лет.

Это были трудные и радостные пять лет. Где только не довелось побывать нам с Колей за минувшие годы! Океаны Атлантический, Индийский и Тихий; далекие острова, множество новых, незнакомых ранее иностранных портов... Чего мы только не повидали! Все это было, и все это останется в памяти навсегда.

И вот очередной рейс. Второй месяц мы цедим тралом воду, разыскивая косяки сардины. Мы уже пропеклись в лучах жаркого солнца и соскучились по дому, а впереди еще многие месяцы рейса. Об этом мы сообщаем в своих письмах домой: почту обещал забрать отправляющийся на Родину траулер «Терпуг». Ждем встречи с ним, ждем, с нетерпением поглядывая на горизонт.

— Иде-о-от! Ви-ижу-у! — послышался крик с верхнего мостика.

— Да вон же, и я вижу, — говорит мне Коля, щуря светлые, выцветшие на солнце глаза. — Во-он букашечка на горизонте шелохнулась.

Теперь и мои глаза улавливают какое-то движение на самой кромке океана.

Спешит траулер, вспарывает острым форштевнем воду. Мчат впереди несколько дельфинов, они, будто гонцы, плывут к нам, чтобы предупредить: «Эй, готовьте ваши письма! Сейчас мы их заберем!»

Все ближе траулер, все ближе. За его кормой вьется, то падая к воде, то взметаясь вверх, будто клочки бумаги, подхваченные ветром, чайки. И чайки, что прижились возле нашего траулера и сейчас, перед сном, покачиваются

в волнах, тоже взлетают и летят навстречу «Терпугу». Наверно, им хочется все-все узнать у подлетающих птиц: какими новостями живет океан и куда направляется этот траулер?

Мелькает в воздухе бросательный конец.

Боцман Петрович переправляет на «Терпуг» мешок с нашими письмами, и капитан командует, чтобы отдали швартовые.

Большой рыжий кот вдруг перепрыгивает с «Терпуга» на верхний мостик нашего траулера. Никто этого и не замечает: парни на палубах судов смеются, желают счастливого возвращения в порт и удачной работы в океане. Прощай, «Терпуг»!

Солнце садится. На судне все стихает. Большая яркая луна поднимается над океаном. Она так велика и близка, что можно ясно разглядеть отпечатки чьих-то ладоней на ее поверхности. Чьи руки лепили и мали этот холодный желтый шар?..

Неслышной тенью на корме показывается кот-перебежчик. Мы несколько минут разглядываем друг друга, и я улавливаю нечто знакомое в круглой, исеченной шрамами морде кота, в его неторопливой, полной достоинства походке, спокойном взгляде широко расставленных зеленых глаз. Вот только правое ухо надкусено.

— Это ты, дружище? — неуверенно произношу я.

Кот подходит ближе, и я вижу на его шее медное, мутно посверкивающее кольцо, испещренное надписями. Неужели это Пурш?.. Протягиваю руку, пытаюсь погладить кота, но тот самолюбиво и сердито отталкивает ладонь головой: что он, какой-нибудь розовоносый котенок-молочник, чтобы его гладить?

— Ну, тогда катись, — говорю я. — Иди, иди.

Прислушавшись к моему голосу, кот вспрыгивает на край скамейки и начинает мыть мускулистой, когтистой лапой морду. Наклонившись, я разглядываю кольцо, верчу его вокруг шеи кота и читаю надписи. Ого, на каких только судах не побывал он: РТМ «Касатка», БМРТ «Арктур», «Пингвин», «Кайра», «Мерлуга» ...Стоп, стоп. «Марлин»!.. Это название нашего траулера, самая первая надпись, появившаяся на медном кольце.

Уже уверенно я кладу ладонь на шишковатую, видимо, побитую в каком-то из штормов голову Пурша. Тот медлит, еще сопротивляется ласке, но и сомневается уже: а стоит ли от нее отказываться? Оглянувшись, не видит ли кто, как он тут раскис, кот неуклюже, неуверенно устраивается на моих коленях и слегка простуженным голосом заводит длинную песню, название которой — «Песни морских скитаний».

ОДИССЕЯ ВАЛЬКИ ШУБИНА

— Глядите-ка, птицы возвращаются с океана. Спешат, несутся будто угорелые... Эй, поваренок, высунься из рубки, взгляни, сколько птиц!

Валька Шубин, худощавый, глазастый паренек, сердито насупил выцветшие брови и, отодвинув лоцию, вышел из штурманской рубки в ходовую. Еще более грозно нахмурившись, пробурчал:

— Если снова услышу это слово «поваренок», то...— Не закончив угрозы, он поглядел в громадный голубоватый проем лобового иллюминатора и удивленно воскликнул: — Ох ты, сколько птиц!

— Взирай, милый, на это чудо природы, запечатлевай на всю жизнь в своей памяти,— добродушно пробурчал второй помощник капитана, самый «древний», как про-

него говорил Валька, моряк на танкере, Василий Васильевич Волгин, прозванный все тем же Валькой за миролюбивый, покладистый характер и пушистые отвислые усы «дядей Моржом». — Дома всех удивишь своими рассказами...

— Странно как-то они летят, — пробормотал Валька, прижимаясь носом к холодному стеклу. — Будто гонится кто-то за ними.

— Может, к сильному шторму? — сказал вахтенный матрос и постучал по стеклу анероида: — Давление-то скисает. Вниз валится стрелка.

Тысячи птиц без единого крика, группками и в одиночку, спешили со стороны океана к обрывистым скалам, окружавшим мрачную и тесную бухту Хоффпул острова Кергелен.

Над самой водой летели черные бакланы, похожие на общепопулярных царских орлов со старинных монет. Бакланы летели друг за другом, словно нанизанные, как рыба на кукиш. Кажется, схвати вот сейчас первую птицу за вытянутую палкой вперед длинную шею — и вытащишь на палубу всю эту бакланью гирлянду. Немного выше бакланов мчались остроклювые, с узкими крыльями черно-белые птицы, похожие на кайр, а может, это и были антарктические кайры. Валька хоть и неплохо разбирался в природе, но точно знать этого не мог. Кайры летели одиночками. Их полет был столь стремительным, что Валька услышал тонкий свистящий звук — это рубили воздух острые, как ножи, крылья... Валька был такой человек: ему ничего не стоило придумать что-либо, и он тотчас же начинал верить в свою выдумку, — вот честное слово, он слышит посвист птичьих крыльев!

И еще летели большие и маленькие чайки. Маленькие серебристые птички сбились в стайки, похожие издали на то опускающиеся к самой воде, то взмывающие в воздух шары, а крупные чайки летели в красной предзакатной вышине. Большое багровое солнце окрасило их, и птицы пылали, будто искры далекого пожара.

Быть шторму, — сказал Василий Васильевич, тоже постучав пальцем по стеклу анероида. Но уже не на моей вахте.

— Почитаю еще немножко лоцию, — сказал Валька, убирая бинокль.

— Иди, мальчик, почитай... пробурчал «дядя Морж».

Был Волгин холостяком и, как многие мужчины, чья жизнь лишена внимания и заботливого глаза женщины, выглядел несколько неряшливо. Брился Василий Васильевич не каждый день, галстук он хоть и надевал, но торчал он у него криво, а узел был засален до блеска. Одна из пуговиц куртки болталась на ниточке, а обшлага рукавов слегка мохнатились.

— Если я еще хоть раз услышу слово «мальчик»!.. — сердито проговорил Валька и, не закончив, оторвал болтающуюся пуговицу с куртки Волгина. Занесите-ка мне сегодня свой парадный мундир. Приведу его немного в порядок.

— Чего еще не хватало! возразил Василий Васильевич. — Уж как-нибудь я сам.

— Кажется, мы ползем. Якорь не держит грунт! — сказал тут вахтенный матрос Володя Кочемасов, тихий, всегда какой-то задумчивый парень. Вроде бы пеленг смеется.

— «Кажется», «вроде бы»... проворчал Василий Васильевич и достал бинокль. В море не может быть приближенных и неточных определений. Ветер не сменился?

— Все тот же дует. С северу-западу, — отозвался матрос с некоторой задержкой. На «колдунчика», наверное, в иллюминатор глядел, на маленький самодельный флюгер.

— «С северу», «с западу»... — передразнил его штурман.

— «В районе островов Кергелен довольно часты сильные штормы от северо-западных и юго-западных направлений! — громко прочитал Валька лоцию. — Наиболее сильными всегда бывают северо-западные штормы». Слышите, Василий Васильевич?

— Ползем! — вдруг испуганно сказал Володя. — Ей-богу, ползем!

— Капитана в рубку! — крикнул в переговорную трубу Волгин, а потом включил судовую трансляцию: — Боцману на бак!

Валька закрыл лоцию: ни старпом, ни капитан не любили, когда в штурманской рубке находились посторонние люди. Дверь капитанской каюты открылась, и в ходовую рубку быстро прошел высокий и какой-то очень громоздкий капитан Фаддей Фаддеевич. Хлопнула дверь,

капитан выглянул наружу. В рубку ворвался холодный, остро пахнущий гниющими водорослями воздух. Дверь с грохотом захлопнулась. По трапу прогремели шаги, и теперь уж стукнула дверь, ведущая в рубку из внутренних помещений судна.

— Радиограмма от губернатора острова,— послышался низкий голос начальника радиостанции, хлипкого, очкастого Николая Наумовича.— Губернатор рекомендует нам немедленно покинуть бухту. Вот: «Бухте Хофпул часты шквальные зпт ураганной силы ветры зпт представляющие опасность для судов стоящих бухте...»

— Выходить из бухты в темноте — безумие! И вообще, я вас предупреждал, Фаддей Фаддеевич: не нужно было нам забираться в эту дыру...— Этот громкий, с нервной визгливинкой голос принадлежал старпому Боронову. Он постоянно чего-то опасался и постоянно всех и всегда о чем-нибудь предупреждал.

— Будем выходить,— сказал капитан и крикнул через переговорную трубу в машинное отделение: — Как машина?

— Держим в постоянной готовности! — утробно проурчала труба.

— Боцман, поднимайте якорь. Волгин, самый малый вперед,— распорядился капитан и, быстро войдя в рубку, рывком пододвинул к себе карту.

Валька застыл у иллюминатора. Как-то так получилось, что он замешкался в рубке, а теперь было неудобно выходить через наполненный людьми ходовой мостики. Капитан покосился на него и вдруг улыбнулся:

— Ну как, Шубин? Всю лоцию изучил?

— А что тут делает камбузный матрос? — сердито спросил, входя в штурманскую, старпом. Чем-то он напоминал вбрана. Может, пристальным, по-птичьи цепким взглядом глубоко упрятанных в орбиты глаз? Или крючковатым носом? — Ну-ка марш отсюда! Сколько раз я предупреждал...

— Оставь мальчишку,— прервал его капитан.— Гляди, вот тут, у выхода, риф. Течением нас может потащить к нему...

— Я же вас предупреждал, Фаддей Фаддеевич! Разве можно рисковать судном ради пресной воды?

— Мы уже рискуем тем, что появляемся на свет божий.

Ведь можем и умереть в любой момент. От болезни, от падения с лестницы... Ну ладно. Выкарабкаемся.

— Якорь чист! — донеся усиленный динамиком голос боцмана.

— Малый вперед! — приказал капитан, отшвыривая карту.

— Идите, идите к себе, — проворчал старпом, подталкивая Вальку к двери. — И предупреждаю: без моего разрешения...

— Хорошо. Я попрошу разрешения у капитана, — сказал Валька, ставя лоцию на полку...

Войдя в ходовую рубку, он попросил:

— Фаддей Фаддеевич, разрешите, я вот тут в уголке...

— Только не путайся под ногами.

Было уже темно. Только кое-где на небе смутно светились розовые полосы, но и они быстро блекли. На пеленгаторном мостике слышался топот: матросы возились возле прожекторов. Вот они вспыхнули, и яркие желтые лучи уперлись в волны. Танкер медленно разворачивался в сторону океана. На полубаке высокий, сутулый боцман Михалыч топтался у брашиля, стояния якорь-цепь. Ветер подхватывал воду и швырял ее на боцмана. Валька поежился: б-р-р!.. Тут же он забыл и о боцмане, и о его временных невзгодах: в лучах прожекторов, как громадные ночные мотыльки, порхали птицы. Ветер отшвыривал их, похожих сейчас на комки перьев, но птицы упрямо летели на свет. Вдруг одна мелькнула мимо иллюминатора и забилась на палубе — с лета врезалась в стекло прожектора. Вот еще одна упала за борт, в воду, вот еще...

Свет над полубаком потух. Хватаясь за леера, боцман неторопливо шел по переходному мостику, тянувшемуся посередине всего судна, от полубака до кормовых надстроек. Внизу громыхнула дверь.

— Крепить все по-штормовому! — пробасил в микрофон Василий Васильевич. — В нижних каютах задраить броняшки!

В рубку вошел боцман, шумно фыркнул. Густо запахло рыбьим жиром: боцман смазывал им сапоги.

— Как там брезенты на шлюпках? Не сорвет? — спросил капитан.

— А кто его знает, сорвет — не сорвет? — отозвался боцман. — Сейчас вот погреюсь чуток и схожу взгляну.

Матрос тут есть, Шубин,— сказал старпом.— Ну-ка марш в свою каюту, поваренок, да взгляни, как там брезенты.

— Есть, товарищ старпом,— буркнул Валька, направляясь к двери. Он споткнулся: в углу лежал спасательный нагрудник. Днем была учебная водяная тревога, вот и забыл кто-то. Он ругнулся и взялся за ручку двери.

— Эй, Шубин! Захвати-ка и спасательный нагрудник! — окликнул его старпом.— Черт знает что! Какой разгильдяй его оставил тут? Я же предупреждал...

— Это коков жилет,— сказал, вздохнув, Валька.

Судовой повар Дмитрий Петрович был рассеянным и забывчивым человеком. Отправляясь перед рейсом на судно, кок забыл дома чемодан с вещами, в Лас-Пальмасе, куда заходил танкер, оставил в каком-то из магазинов коробку с купленным сервисом, а когда вспомнил о нем, то не мог сообразить, в каком магазине он его покупал... Накинув спасательный жилет на плечи — теплее будет,— Валька открыл дверь, ведущую на крыло мостика. Ветер толкнул его, прижал спиной к рубке; он побрел вдоль нее, потом мимо глухо гудящей трубы.

На одной из шлюпок брезент, закрывающий ее сверху от дождей, был укреплен хорошо, а на второй брезент полоскался. Чертыхнувшись, Валька подлез под нее и, уцепившись в жесткий край, потянул брезент вниз. Ветер вырывал ткань из рук. Внизу кипела вода. Кричали, крутясь перед прожекторами, птицы. Одной рукой Валька никак не мог натянуть брезент и закрепить его сизалевым концом. Как уже он делал не раз, Валька схватил край брезента двумя руками и, откинувшись, попытался опереться на леера спиной. В следующее мгновение он почувствовал, что падает за борт... Ограждения не было — во время учебной тревоги его завалили на палубу, а поднять забыли.

Валька погрузился в воду... Вынырнул. Мимо проползала крма. Опасаясь, что затянет под винты, Валька поплыл прочь от судна и закричал. Но кто услышит слабый человеческий крик в шуме неспокойной стихии? Окунаясь в темноту, танкер уходил прочь. Ярко горели, бросая блики на черную воду, иллюминаторы кормовых кают. Один из них был распахнут. Это кок, как всегда, забыл задраить иллюминатор своей каюты.

— Ко-о-ок! Дмитрий Петрович! — закричал Валька, потому что, как и второго помощника капитана Василия Васильевича Волгина, Валька любил нервного и рассеянного кока. С Дмитрием Петровичем они сутками толкуются на камбузе. И горе и радости — все пополам.— Дмитрий...

Волна хлестнула в раскрытый рот, Валька закашлялся, а потом суматошно, что было сил захлопал руками по воде и, задирая голову повыше, чтобы видеть танкер, поплыл за ним. Да где уж там!.. Через несколько минут Валька выдохся и, откинувшись затылком на надувной воротник, замер.

Глаза немного привыкли к темноте, и Валька разглядел невдалеке скалы, окружавшие бухту, смутный посверк звезд в разрывах низких туч, дрожащие огни уходящего танкера. К берегу надо!

Кажется, вот сюда, к крутыму обрыву, ближе всего. Надо плыть. А ну-ка, размеренно и сильно, чтобы работали мышцы всего тела... Ну и дьявольский холод! Не выше десяти градусов... Говорят, в такой воде человек может продержаться всего пятнадцать минут... Нет! Если двигаться, сопротивляться, не падать духом, можно продержаться намного дольше!

Он закашлялся и вдруг взвыл от дикого страха, охватившего его с новой, какой-то исступляющей силой. До берега еще плыть и плыть, а руки становятся тяжелыми, чужими, ноги бултыхаются в воде, будто и не живые, ну словно протезы. А что будет на берегу? Выберется он и окоченеет не в воде, а на ветру... Нет, нет, не поддаваться страху! Вот оно: не океан губит человека, а человек губит сам себя. Биться, бороться, царапаться!.. Рычать, выть, но не поддаваться. И р-ра-аз... И два-а-а... И пальцами, пальцами шевелить... О-о-о, ну и горечь!.. К-ха!.. А-а-кха!..

Откашлявшись, Валька стиснул зубы и посмотрел вперед: берег приближался. Горы выросли, ветер, похоже, стал тише. Валька поглядел влево. Обрывистый, похожий на гребень ящера мыс как бы вплывал в бухту, закрывая ее от северо-западного ветра. Это он, Валька, медленно, но все же вплывал в небольшую бухточку, каких тут немало. В разрывах туч показалась желтая, сияющая луна. Волны стали поменьше. Теперь они походили на длинную, пологую зыбь, и Валька порой оказывался на вершине волны и некоторое время плыл вместе с ней.

Что-то скользкое и мягкое коснулось ног. Валька вздрогнул, дернулся, но тут же успокоился: морская капуста. Отмель! Еще немного, и он выберется на берег... Ого, сколько ее тут! Широкие, мясистые стебли капусты лежали на поверхности воды и медленно, плавно изгибались. Плыть стало труднее. Капуста цеплялась за одежду, преграждала путь к берегу. Валька отводил в сторону противные скользкие стебли, похожие на гигантские хвосты тритонов, а навстречу ему выплывали из глубины все новые и новые листы.

Устал. Сил больше нет... Валька откинулся на спину, ноги медленно стали тонуть, но тело лежало на поверхности, а затылок — на широком надувном воротнике. Над головой звезды колыхались то в одну, то в другую сторону. Будто кто-то невидимый играл ими. Плавным, мягким движением швырял горсти звезд на запад, и они плыли, плыли по небу, а потом кто-то другой подхватывал их и отбрасывал назад.

Потом все пропало. И стало хорошо. «Засыпаю, — вяло подумал Валька. — Замерзаю, как путник, попавший в пургу»... Нет! Застонав, Валька перевернулся на живот, взмахнул чудовищно тяжелой рукой, потом другой. Боль будто током прошила мышцы рук и спины. Он стиснул зубы, они заскрипели, и стал медленно поднимать ногу. Потом вторую. Ноги были как бревна, как долго лежавшие в воде чурки... Проклятая капуста! Сколько же тебя тут!.. Лохматый лист всплыл перед самым лицом, нашлепнулся на щеки, и Валька, зарычав, схватил его зубами и рванул. Вязкая жижка наполнила рот, Валька выплюнул ее, закашлялся...

Из темноты слышались какие-то странные звуки: не то вода плескалась среди прибрежных валунов, не то кто-то сопел и чавкал. Вскоре Валька обнаружил неясное движение. Множество то ли крупных птиц, то ли каких-то животных плавало, погружаясь и выныривая из воды. Кто? Нерпы? А может, дельфины приплыли с океана и что-то разыскивают возле скал? Метрах в двух от него вода вдруг вскипела, и из глубины вынырнула чудовищная уродливая башка. Валька ахнул и замер, раскинув руки и ноги. Все же было достаточно светло, луна трудилась вовсю, и парень увидел странное и очень страшное существо, вернее, голобу морского обитателя. Морж не морж, слон не слон! Голо-

ва имела вид швартовой тумбы, с одного края которой вырос небольшой изгибающийся книзу хобот. Башка разинула пасть, и над водой проплыл хриплый, стонущий рев. И тотчас со стороны берега разнесся многоголосый рев.

«Я же попал в стадо морских слонов», — подумал Валька, немного успокаиваясь. Он читал об этих странных животных, обитающих лишь в немногих уголках земли. Они не хищные, а, если можно так выразиться, травоядные зверюги. Они мирно лопают вот эту самую морскую капусту.

Слоны сопели, шумно вздыхали и пожирали капусту с такой торопливостью и жадностью, будто долго голодали. Они всплывали то перед Валькой, то позади него, то совсем рядом. Увидев человека, звери несколько мгновений разглядывали его, сжав челюстями ленты водорослей, а потом, фыркнув, отплывали чуть в сторону и продолжали жевать капусту.

Вскоре все они остались позади. Всего какой-то десяток метров отделял Вальку от суши. Он уже отчетливо видел полосу песка, камни. Ноги вдруг коснулись дна, глубина была с метр. Тело казалось невероятно тяжелым, будто отлитым из олова. Чертыхаясь, Валька побрел к берегу, споткнулся о камень, упал и не то поплыл, не то пополз, отталкиваясь от дна руками и коленями. Наконец он выбрался на песок.

Валька открыл глаза. Как холодно! Огонька бы сейчас, костерище бы разжечь... Если бы в кармане лежала зажигалка!

Подняв обломок доски и опираясь на него, Валька побрел от берега к скалам. Жестко шелестела трава, хрустели под ногами обломки мелких раковин и сухих водорослей. Он нагнулся, ухватил охапку — водоросли были мягкими и сухими... Это спасение! Только надо еще немножко потерпеть, еще совсем чуть-чуть помучиться, а потом наступит блаженство отдыха и сна.

Тут Валька увидел груду больших камней, а между ними ямы, с сухими водорослями. Быстрее, быстрее... Так хочется спать! Топая от нетерпения, рывками и какими-то судорожными движениями он стянул с себя спасательный жилет, куртку, свитер и рубаху.

Скорее, скорее. Журчала вода. Валька кряхтел, как

старик; силенок после такого купания осталось немного. Выжимал одежду. Развешивал ее на камнях. Приседал и прыгал, размахивая руками. Так хотелось, чтобы вещи хоть чуть-чуть провялились на едва ощутимом тут, под скалами, ветерке.

Ну вот, теперь можно и одеваться. Сейчас ему будет тепло! Знает он один способ... Странники, путешественники — они должны все уметь и все знать. Опустившись на колени, Валька начал собирать мягкие сухие водоросли. Сбивая их в упругие пучки, он насовал траву под свитер — на живот, бока, на спину. Он напихал водоросли в брюки и стал толстым, как водолаз в раздутом воздухом гидрокостюме. Сон валил с ног. Валька осмотрел одну яму, потом вторую, третью. Вот хорошая: много сухой травы, водорослей. Валька подстелил спасательный жилет, лег на него и сверху нагреб на себя приятно и горько пахнущий мусор. Закрыл глаза... Одежда была сырой, но холода уже не ощущалось: водоросли грели лучше, чем овчина. И снова все стремительно понеслось... Черный океан, вода бухты, удаляющиеся огни танкера, скалы приближающегося берега. Но теперь можно было нырять в эту затягивающую тебя, как в омут, круговерт и мчаться, падать в блаженный, облегчающий и такой желанный сон. И Валька уснул.

...Танкер благополучно выбрался из бухты в поджидавший его океан и тяжело ухнулся в накатившуюся с левого борта волну. Каскады воды взметнулись над танкером, а потом с водопадным громом обрушились на палубу и закипели под переходным мостиком. Капитан приказал ложиться на волну и так идти средним ходом.

Кок в своей кормовой каюте спал беспокойно. Ему приснилось, что он «морж» и что он нырнул в прорубь, вырубленную любителями зимних купаний у заиндевелых стен Петропавловской крепости,— приснится же такое! Всего-то раз и видел подобное чудо: шел напрямик через Неву, от зоопарка к Эрмитажу, и застрял возле проруби, удивляясь чудакам, барахтавшимся в ледяной каше...

Однако ощущение холода не проходило, и кок открыл глаза. В каюте горел свет, в распахнутый иллюминатор, пузыря занавеску, врывался ветер, одеяло, под которым скорчился кок, было мокрым насквозь, а по линолеумной

палубе каюты плескалась вода. Кок вскочил и, шлепая голыми ногами по воде, поспешно закрыл иллюминатор.

Сон был нарушен. Да и какой тут сон! «Не мог завинтить иллюминатор!» — сердито подумал кок о Вальке и, одевшись, вышел из каюты на поиски швабры.

Качало все сильнее. Забыв о швабре, кок направился в камбуз посмотреть, хорошо ли закреплена посуда в рундуках. Две чашки уже разбились, и кок подумал: «Ну, поваренок, продержишь зенки, задам же я тебе!..» Мальчишка, конечно же, был совершенно не виноват в побитой посуде, но кок уже привык во всех бедах, возникающих на камбузе, винить своего помощника. Валька не обижался, отшучивался, смеялся, и от души отлегало...

Кок улыбнулся и отправился в кают-компанию — пора уже готовить завтрак, седьмой час. Намочив скатерти, чтобы посуда не скользила, кок расстелил их на столе и поднял бортовые планки: такой штурмаяга, того и гляди, не удержавшись на сырых скатертях, посуда посыпается на палубу.

Шло время. Валька не появлялся. «Пускай спит мальчишка», — вначале подумал кок, но такого еще никогда не случалось, чтобы Шубин опаздывал на свое рабочее место; к тому же качка все усиливалась, одному было трудно возиться на камбузе, и, придерживаясь руками за переборки, кок отправился в каюту поваренка.

Она была пуста, койка заправлена. Кок сел на нее, тупо уставившись в переборку, и почувствовал, как сжалось сердце. Пошарив в кармане, он достал таблетку, сунул ее под язык, а потом, с трудом поднявшись, побрел в ходовую рубку...

Через несколько минут вся команда была поднята на ноги: после тщательного обследования помещений танкера камбузного матроса Шубина обнаружить нигде не удалось.

А Валька крепко спал в теплой яме под обрывистыми скалами бухты Хоффул. Была весна, уже светало, и птицы начали свой новый хлопотливый день. С криками кружили над водой чайки, летели, срывались с уступов скал черные бакланы, а те, кто уже вернулся из бухты, сидели на камнях, сушили крылья.

Валька, наверное, спал бы очень долго, но что-то тяжелое вдруг навалилось на него. Он попытался оттолкнуть

эту тяжесть и открыл глаза. Перед ним стоял вернувшийся с ночной кормежки морской слон.

Обсыпанный песком, налипшим на мокрую кожу, слон вполз в свою яму. Ночь он провел в воде, охотясь за пищей, и теперь жаждал отдыха. В мгновение очнувшись, матрос выполз из-под слона и, ухватившись за край спасательного жилета, потащил его. Да где там!.. Сопя и похрапывая, слон уже спал; его густые жесткие усы то опадали, то топорчились, а маленькие глаза были крепко закрыты... Валька представил себе, как побагровеет от ярости боцман, узнав про потерю спасательного жилета, и потянулся что было силы, упервшись ногой в бок громадного животного.

Слон запыхтел и открыл глаза. Несколько мгновений они были пусты, ничего не выражали, но вдруг ожили, расширились в дряблых веках, и слон резко — даже трудно было ожидать такой подвижности — отпрянул и, странно изогнувшись, разинул пасть.

Валька выдернул спасательный жилет и отбежал, а слон заревел глухим, ухающим голосом. Теперь, при дневном свете, его можно было рассмотреть получше.

Наверное, в нем было тонны полторы жира, костей и могучих мышц, буграми перекатывавшихся под толстой кожей. Зверь наверняка был драчлив: всю его могучую морщинистую шею покрывали глубокие шрамы и рубцы. Ну и чудище!.. Валька поежился: такую морду трудно придумать... Матросу стало немного жутко, пасть у морского слона отвислым подбородком и толстыми губами напоминала верблюжью, но в ней виднелись большие клыки, а над пастью нависал нос, похожий на хобот... Вся морда зверя покрыта шишками и наростами, среди которых едва виднелись зеленоватые рыси глаза.

Животных было десятка три: большие, метров в пять длиной, и несколько поменьше, метра в два-три. Молодые слоны и более изящные слонихи еще играли в воде. А один слон выбирался на песок, изгиная тело, будто чудовищная гусеница. От зверей распространялся резкий, удущливый запах.

Армада морских птиц реяла в воздухе; одни летели в сторону бухты, другие возвращались к скалам, неся в клювах мелкую рыбешку. Все уступы на скалах были заняты птицами. Завидев человека, птицы не очень-то и волновались, да и какие у них могут быть опасения? Ост-

ров слишком удален, чтобы его посещали люди; кроме того, остров Кергелен заповедный, тут запрещена какая бы то ни была охота... Если бы не скверная погода, ремонтировались бы они сегодня в бухте Хоффул. Направляясь в штормливые южные широты с топливом для рыбаков, танкер и забрел на остров для ремонта. Как говорили механики, нужна была «спокойная вода». Однако что же предпринять? Ждать танкера здесь?

Валька сел на обломок бревна, застрявший между камней, и задумался. Его исчезновение с танкера обнаружат лишь утром. Кто установит, когда и где он упал в воду? По-видимому, танкер отправится в залив Морбиан. Там, на берегу бухты Опор-Остраль, находится селение Порт-о-Франс — научная французская станция.

Валька напряг память и представил себе карту острова Кергелен: долина Секстан, долина Октан, долина Утраченных иллюзий, долина Надежда... Где эти долины? Гора Командор, Черные утесы, долина Крестов. Кто похоронен в ней? Ущелье Дьявола, бухта Прощания, мыс Встречи... Сколько странных и сложных человеческих судеб за каждым из этих названий!

Валька нахмурился, огляделся. Находится он сейчас в северо-восточной части острова, а идти ему нужно на юго-запад. Однако пожевать бы чего! Как чего? Вон сколько яиц на уступах скал! Валька взял одно. Яйцо было теплым, наверное уже насиженным. Он поднес яйцо к уху и прислушался. Тук-тук-тук — едва слышно доносилось из яйца. Валька положил его на место и, подтянув потуже ремень, пошел вдоль бухты.

Над островом бушевал ветер. Низкие облака косяками плыли над скалами, порой задевая вершины. Кое-где в разрывах облаков мелькал вдруг ярко-голубой осколок неба, но это длилось мгновение: кусочек неба тотчас тонул в серой непроглядности облаков. Небо было похоже на покрытое серой ряской болото. Кинешь в него камень, мелькнет вдруг живая голубизна воды — и вновь все затягивается ряской.

Подбрав крепкую, похожую на дубинку палку, Валька быстро шел по берегу. Слоны мирно спали. На одном из них сидели две бурые крупные птицы, похожие на коршунов, и что-то выклевывали. Очищали, наверное, соню от

паразитов. Под ногами хрустели ракушки и мелкий прибрежный мусор; кое-где лежали исклеванные, усыпанные перьями тушки погибших или убитых птиц, и Валька подумал, что, по-видимому, тут, на этом острове, водятся и хищные птицы, а возможно, и хищные животные.

Впереди виднелась зеленая долина, а далее ущелье, в котором обитала колония пингвинов. Валька подошел к птицам поближе. Интересно было наблюдать за ними.

Пингвины тоже обратили внимание на человека и направились к нему. Вскоре они окружили Вальку плотной толпой, словно маленькие любопытные человечки, и отправились за ним вдоль бухты. Это походило на праздничную демонстрацию: впереди вышагивал человек, а за ним — целая колонна птиц. Причем возглавляли колонну взрослые, крупные пингвины, а позади спешили молодые. Оглянувшись, Валька засмеялся: «Ого, шествие!..» Пройтись вместе с человеком по долинке хотелось и самочкам, но вот беда: у каждой из них был неповоротливый, покрытый серо-голубым пухом птенец. Зажав малышей лапками, мамаши прыгали сразу на двух лапках, то прижимая птенца к себе, то подталкивая пингвинят: ну идите же, лентяи... Валька ускорял шаг, и, чтобы поспеть за ним, пингвинам уже приходилось бежать. Они смешно бежали, переваливаясь с боку на бок, что-то выкрикивая, может: «Погоди, человек, не спеши так!»

Вскоре птицы отстали. Сгрудившись, они смотрели ему вслед. Валька помахал птицам. Ему показалось, что и они замахали крыльями...

Радиограмма в Порт-о-Франс:

В ПЕРИОД ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ДВАДЦАТЬЮ ЧАСАМИ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ И ДО ШЕСТИ ЧАСОВ СЕГОДНЯШНЕГО С ТАНКЕРА «ФИРН» УПАЛ В ВОДУ МАТРОС ТЧК УБЕДИТЕЛЬНО ПРОСИМ ОКАЗАТЬ СОДЕЙСТВИЕ ПОИСКАХ ТЧК ВОЗМОЖНЫЙ РАЙОН ПОИСКА ДВТЧ УСТЬЕ БУХТЫ ХОФПУЛ ЭПТ ПОБЕРЕЖЬЕ АКВАТОРИЯ БУХТЫ ХОФПУЛ ТЧК КАПИТАН «ФИРНА» КОЧЕТОВ.

Радиограмма на борт танкера:

СВЯЗИ ТЯЖЕЛЫМИ ПОГОДНЫМИ УСЛОВИЯМИ НЕТ НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ ПОДНЯТЬ ВОЗДУХ ВЕРТОЛЕТ ТЧК СЛЕДУЙТЕ ЗАЛИВ МОРБИАН ЭПТ НАМЕТИМ ПЛАН ПОИСКА ТЧК ГУБЕРНАТОР ОСТРОВА МИШЕЛЬ ДЕБРЕ...

— По прогнозу к вечеру начнется дождь, а ночью температура резко упадет,— сказал Мишель Дебре, вытягив-

вия ноги к камину.— Если этот парень с танкера все же выбрался на берег, то он погибнет от холода. Мокрая одежда, усталость, голод... Как считаешь, Жан?

Толстяк Жан, один из двух живущих в поселке Порт-о-Франс пилотов вертолета, развел руками, поднял глаза к потолку и поежился: за стенами дома бушевал ветер.

— Надо быть круглым идиотом, чтобы пытаться в такую погоду поднять машину,— сказал второй пилот, плотный и смуглый Ив, запахнув меховую куртку: во время ветров легкие дома плохо держали тепло.— И машину разобьем, да и сами...— Он махнул рукой и, потянувшись к столу, взял чашечку с горячим черным кофе.— И почему мы должны рисковать собой ради какого-то дурака, решившего искупаться в океане? Да и где искать? Может, он и не на острове, а все еще в воде?

— Русские сообщили, что, несмотря на сильный шторм, они пять часов курсировали возле берега,— проворчал, поглядывая в окно, Мишель Дебре.— Был бы он еще в воде, нашли бы. Ну хорошо. Тогда готовьте вездеход. Надо пошарить вокруг бухты Хоффул.

— Пока доберешься туда...— проворчал Ив. Вместе с Жаном он обслуживал и вездеход.— Что толку, а?

— Может, все же попробовать поднять вертолет? — сказал толстяк Жан, протягивая к огню ладони.— Главное подпрыгнуть в воздух. Как считаешь, Ив?

— Вертолет — он что, кролик, чтобы прыгать? — Резким движением снизу вверх Ив застегнул куртку «молнией».— Тебя что, разморило в тепле?

— Русский танкер входит в бухту,— сказал Мишель Дебре.— Красивая посудина.

— И все же надо рискнуть,— сказал Жан.— Попшли, Ив.

Ив поднялся из кресла и направился к двери. Потом вернулся, допил кофе. Они вышли из домика губернатора и направились к вертолетной площадке, на которой вздрагивал от порывов ветра ярко-оранжевый вертолет...

По бухте ходили большие волны. Серо-зеленая вода, от одного взгляда на которую становилось зябко, свободно вкатывалась через широкую горловину из океана и, все убыстряя свой бег, крутыми валами неслась к галечному пляжу, где валялись черные короткие бревна.

— Самый малый,— сказал капитан, вынимая из ящика бинокль.— Боцману на бак!

— Есть на бак! — виновато произнес боцман и, сгорбившись, вышел из рубки.

Виноват он, старый пень, виноват! Отправил во время такого штормового ветра мальчишку на ботдек... Ну был бы еще палубный матрос, а то ведь поваренок... Засопев, боцман сплюнул и натянул шапку на лохматые брови: ему, тугодуму, надо было тащиться на ботдек, поправлять брезент, ему, опытному моряку, а не мальчишке!

Досадуя на себя, боцман с такой яростью рванул рукоятку железной двери, ведущей из коридора на палубу, что почувствовал, как заныло плечо. Дверь с грохотом распахнулась, и водяная пыль, подхваченная тугим потоком воздуха, оросила лицо боцмана...

— Бряд ли здесь можно высадиться! — сказал капитан, осматривая бухту.— Очень сильный накат.

Со всех сторон берег был стиснут скалами, а по пляжу гуляли волны. Они вкатывались на бурю гальку и разливались широкими пенными языками, которые долго катились, мчались по пляжу, омывая бревна. Капитан под крутил окуляры. Одно «бревно» шевельнулось, и капитан увидел небольшую тупорылую голову и ласты, поджатые под брюхо...

— Глубина? — спросил капитан.

— Девяносто,— сообщил Василий Васильевич, со вчерашнего вечера так и не покидавший рубку. Лицо у него было желтое, как перележавший в кладовке лимон, на подбородке выступала золотистая щетина.— Восемьдесят... Шестьдесят пять...

— Считаю необходимым вас предупредить: бухта неизвестная, близко подходить к берегу не следует... — клонясь к плечу капитана, тихо сказал старпом Воронов.— Осторожность и еще раз осторожность, Фаддей Фаддеевич.

Капитан покосился на него, он уже более внимательно прочитал лоцию и изучил карту. Глубины тут хорошие, грунт надежный, подводных опасностей нет.

— Сорок,— сказал Василий Васильевич и растер лицо руками.— Тридцать пять!

— Осторожность — сестра надежности, вот заповедь любого мореплавателя,— как бы рассуждая сам с собой, громче произнес старпом.

Капитан перевел ручку машинного телеграфа на «стоп». Нетерпеливо поглядывая на ходовую рубку, боцман держался руками за стопорную рукоятку якорной лебедки. Волны начали разворачивать танкер лагом. Старпом, покусывая губы, вытянув шею, глядел, будто гипнотизируя, капитану в лицо. Тот поморщился, отвернулся. Крикнул в микрофон:

— Майна якорь! Три смычки!...

На баке загремело. Танкер подставил левый борт волнам и резко накренился. Ветер и волны несли его к берегу, разворачивали кормой к пляжу. Вот якорь-цепь натянулась, и все, кто был в рубке, замерли, как бы прислушиваясь: не ползет ли якорь по грунту?.. Никто ничего, конечно, не услышал, но каждый почувствовал: нет, не ползет, держит крепко...

А Валька Шубин шел в это время по узкой, стиснутой обрывистыми скалами долине. Мягкая сырья земля под его ногами слегка пружинила; вся долина была покрыта ярко-зеленой шелковистой травой.

Со стороны бухты, в том же направлении, куда отправился и матрос, летели крупные серебристые чайки. Они не шевелили крыльями: их нес ветер, как маленькие планеры. Пролетая над человеком, птицы вертели головами, разглядывали путешественника оранжевыми глазами и перекликались грудными, курлыкающими голосами.

— Эй, куда вы? — крикнул Валька птицам.

Его душу сжимала тревога и какая-то виноватость перед боцманом да и вообще перед всей командой танкера: растяпа, ну разве не поучал его боцман да и других ребят с танкера: «Категорически без страховки запрещается заходить к шлюпке со стороны открытого борта...» Доставил теперь всем забот... Потом, когда он уже миновал колонию пингвинов, настроение улучшилось: все будет хорошо. Главное, он жив... И скоро на танкере это узнают! Ну, шарахнут ему выговорешник, только и всего! Но зато он на острове, ого, какую он лекцию закатит, когда вернется на танкер... Так вперед же, черт побери, вперед! Подобрав крепкую палку, Валька снова крикнул птицам:

— Птицы-и-и! И я с вами-и-и!..

Он споткнулся, а потом испуганно охнулся: из-под самых ног выскоцил небольшой зверек и покатился, то пропадая,

то появляясь в траве. Тут же еще несколько серых шаров выкатилось, а потом вдруг все остановились, превратившись в невысокие столбики. Валька облегченно передохнул: зайцы... Он с интересом разглядывал зверьков, а те, шевеля волосистыми носами и вздергивая торчком уши, следили за ним.

«Не зайцы, а кролики,— подумал Валька, вспомнив лоцию.— Ну да, на острове обитает большое количество диких кроликов...»

Он опять пошел и вдруг услышал собачий лай. Что такое? Не показалось ли ему?

Остановился. Справа вздымалась уступчатая, вся будто продырявленная пещерами скала. Щурясь от ветра, Валька напряг глаза: да это же собака! Ну да, рыжий лохматый пес. Стоит на самом краешке скалы и лает. Но откуда тут могут быть собаки?.. Ого, а это еще что?.. Еще одна собака. Она выскоцила из самой большой пещеры, осмотрелась и ринулась вниз со скалы, ловко прыгая с уступа на уступ. Еще!.. Еще собака... И еще!.. Одна за другой пять или шесть рыжих собак будто посыпались из пещеры. А пес на вершине скалы все лаял и лаял, и лай этот был злым и предсторегающим...

Валька осмотрелся: куда бы спрятаться? Некуда. Вокруг голое ровное место. А пока он добежит до скал с противоположной стороны долины, собаки догонят его. Завязав потому спасательный жилет, Валька взял палку в обе руки.

Вот они!.. Одна из собак, совершая большие прыжки, показалась из-за груды камней. Во все стороны от нее заскакали кролики. Вторая собака показалась, третья. Они мчались молча, порой высоко подпрыгивая, чтобы лучше рассмотреть человека.

— Стойте! Назад!..— закричал Валька, поднимая палку.

Шесть крупных собак приближались к матросу, как бы охватывая его полукругом. «Не отбиться. Порвут!..» — подумал Валька и побежал.

Залаяв все сразу, псы ринулись вдогонку. Наверное, никогда еще в жизни Валька не бежал с такой скоростью. Шумел ветер. Хватая широко разинутым ртом воздух, в какие-то мгновения Вальке казалось, что собакам его не догнать: голоса их смолкли.

Замедлив бег, Валька оглянулся. Псы настигали его. Просто они перестали лаять, но были уже так близко, что Валька услышал их жаркое дыхание. Закричав, он метнулся к камню, виднеющемуся впереди, и вдруг увидел, что и навстречу ему несутся несколько крупных черных псов...

От порывов ветра вертолет прикрывали гофрированные стены склада. И все же машина дрожала. Ив захлопнул дверку и, поправив шлем, поглядел на толстяка Жана, который в меховой куртке и меховых брюках был похож на азиатского медведя панду. И лицо у него было такое же спокойное и добродушное, как у сытого и хорошо выспавшегося медведя. Ну и нервы! Гранитный человек!.. Ив улыбнулся, он давно дружил с Жаном и любил этого спокойного, несколько медлительного толстяка. Поднял вверх большой палец руки: взлетаем?..

Жан кивнул и, поудобнее устроившись в кресле, приводил оборотов. Корпус ярко-оранжевого вертолета за jakiбрировал, по бетонной площадке заскользили быстрые тени. Ив отвел глаза от приборов, взглянул в боковое окошко. Заслоняя лицо от песка, поднятого с земли ветром и работающими винтами машины, Мишель Дебре и еще несколько человек из поселка Порт-о-Франс следили за ними. У одного из провожающих, врача поселения Леграна, была в руках тяжелая сумка с красным крестом на боку, возле стенки склада стояли носилки.

Нахмутившись, Ив слегка потянул ручку управления на себя. Вертолет оторвался от площадки, легко взмыл над складом, но вдруг резко накренился. Взревел двигатель. Лопасти с бешеною скоростью крутились над фюзеляжем, но не могли «зацепиться» за воздух: порыв ветра выдул воздушную подушку, на которой как бы держится машина во время полета... Земля понеслась навстречу. Раздался грохот и скрежет: вращающиеся лопасти рубили камни и сами разлетались на сверкающие, искореженные пластины металла...

Одна из собак подпрыгнула, ударив Вальку передними лапами в спину, и, зарычав, вцепилась в край спасательного жилета. Заорав, Валька перехватил палку двумя руками и что было силы ткнул коротким концом в морду

пса. Животное разжало зубы, а Валька остановился и, крича что-то, взмахнул над головой палкой...

В следующее мгновение произошло странное: будто забыв о человеке, рыжие и черные псы бросились друг на друга. Вскочив на камень, Валька всхлипывал от страха. Рыча, взвизгивая, подывая, черные и рыжие собаки бились, кажется, не на жизнь, а на смерть.

Пронзительный, отчаянный визг... Хриплые стоны. Черный пес перегрызal глотку рыжему. Вой, захлебывающийся лай и лай, вырывающийся из покрытой розовой пеной пасти другого пса, лай, как мольба, как просьба о пощаде. Спрыгнув с камня, оглядываясь, сжимая до боли палку в руках, Валька бросился прочь.

Вскоре стоны и визги стали стихать. Валька увидел, что несколько рыжих собак возвращаются к своей пещере, а черные псы, усталые, рысью следуют за ним. А там, у камня, остались лежать две рыжие собаки и, подывая, ползал черный пес. Видимо, у него был поврежден позвоночник, и он не мог встать на задние лапы.

Прихрамывая, зализывая на бегу раны, они трусили по натоптанной тропинке, а затем скрылись среди груды камней. Лишь песик, похожий на терьера, продолжал приближаться к человеку. Валька ждал. Пес подбежал еще на несколько шагов, остановился, посмотрел в Валькино лицо желтыми веселыми глазами и мотнул коротким хвостом. На его шее виднелся ошейник.

— Что? Ты... свой?..

Валька сказал «свой» и засмеялся: свой — значит живущий с человеком, а не дикарь, как эти черные да рыжие. Он присел: почмокал, посвистел.

— Ну-ка иди сюда...

Песик подбежал и ткнулся сырым, горячим носом в ладони человека. Валька потрепал его по жесткой, как нейлоновая швабра, башке и, прочитав на бляхе, прикрепленной к ошейнику, кличку Рекс, сказал:

— Так ты, наверное, беглец, а? Удрал из Порт-о-Франса? Ах ты хороший!.. Ну, пойдем со мной.

Издали послышался лай. Рекс оглянулся. Одна из черных собак, прыгнув на громадный валун, звала его: назад, вернись!..

Валька свистнул, и Рекс, как бы указывая дорогу, побежал впереди него. «По-видимому, этой долиной

владеют две стаи собак», — размышлял Валька. Он шел все быстрее и время от времени оглядывался: не преследуют ли их четвероногие? Нет. Видимо, зализывают раны... Ну да. И границы территорий охраняются сторожевыми псовами. Вот у того-то камня и проходит граница двух суверенных собачьих территорий.

— Эй, Рекс! Я путник, оказавшийся в беде! — крикнул Валька своему провожатому. — Скажи всем своим. Ты по-нял, а?

Рекс оглянулся, мотнул хвостом и, подождав человека, толкнулся в его колени носом. Валька наклонился, чтобы погладить его, но Рекс выскользнул из-под ладони.

Засмеявшись, Валька пошел быстрее. Долина круто заворачивала влево, и ветер совсем стих, он остался позади, за хребтами... Впереди сверкнула вода, и Валька догадался, что он вышел на северную кромку острова. Залаяв, Рекс побежал, и Валька побежал тоже. Вскоре он оказался на берегу обширной и глубокой бухты. О глубине ее говорил густо-синий цвет воды. Вправо виднелся океан, на мысу возвышалась ярко-белая башня маяка, а влево — пирс и покрытые зелеными крышами из гофрированного железа постройки. По-видимому, небольшой заводик и жилые дома. Рекс ринулся вперед, и вскоре лай его гулко разнесся среди домов...

Жан выбрался из-под обломков вертолета сам, а Ива пришлось вытаскивать. Лицо у него было будто выпленное из теста, висок рассечен.

— Нога... — прохрипел он. — Я чувствовал, как она... как она ломалась! У бедра и... выше.

— Дебре, запросите танкер, есть ли на борту судна хирург? — сказал Легран, помогая укладывать пилота на носилки. — Я ведь терапевт... Жан, а как вы?

— Я? Кажется, цел! — немного удивленно и радостно воскликнул второй пилот и с сожалением поглядел на Ива. — У, черт, как же это нас угораздило?

— Марсель, быстренько свяжите меня с русскими, — окликнул Мишель Дебре одного из мужчин. — Сейчас я приду к вам в радиорубку.

От домиков шли и бежали люди. Ветер дул все с той же силой и нес по земле, как поземку, крупный песок, секуще ударяющий в лица...

...Поселок будто вымер: ни души!

Оглядываясь, готовый вот-вот увидеть людей и обдумывая, как же им объяснить, каким образом он очутился тут, Валька шел по каменистой дороге. Хотя что объяснять? Наверняка Николай Наумович, начальник радиостанции танкера, уже давным-давно связался по радио с поселком и тут уже обо всем знают. Итак, «здравствуйте» по-французски «бонжур». «Бонжур, мосье», — скажет он.

Но отчего все же тут так пустынно?.. Стекла в домах были выбиты, у ближайшего из домишек дверь висела на одной петле. Уже понимая, что поселок покинут людьми, Валька поднялся на крыльце дома, зачем-то пошаркал ногами, очищая ботинки от грязи, и осторожно открыл заскрипевшую дверь.

В лицо пахнуло затхлостью давно покинутого жилья.

Закряхтела вторая дверь, ведущая из прихожей в комнату. Слева от входа стояла железная печь, у окна — сколоченный из толстых досок стол и два очень тяжелых на вид табурета. У стены — построенная из таких же широких досок-плах кровать. На стене красовался поблекший от времени портрет желтоволосой девушки, явно вырезанный из журнала, на полке — пустые банки и котелок из по зеленевшей меди.

За каких-то полчаса он обошел все домишкы мертвого поселка и побывал в длинном и темном здании склада. Стояли тут на кильблоках несколько деревянных моторных ботов и лежали перевернутые вверх килями две спасательные шлюпки. Пустынно и гулко было в цехах небольшого заводика по разделке китов. Валька догадался, что в поселке когда-то жили китобои... Узкий и длинный, сколоченный из досок слип корытом тянулся до самой воды. Сюда пароходики-китобойцы подтаскивали туши убитых животных и по слипу китов волокли к проему в торцовой стене заводика. Паровыми, ржавыми теперь пилами туши расчленяли, жир отправляли в гигантские котлы, а мясо и кости сбрасывали в воду.

Остановившись на краю слипа, Валька поглядел в воду бухты. Все дно ее было будто белыми стволами деревьев устлано. Это покоились кости тысяч животных, убитых когда-то людьми...

... — Несчастье там у них, — сказал Николай Наумович, входя в рубку. Поправив очки, он протянул листок радиограммы: — Вертолет грохнулся на землю, и у одного из пилотов сложный, в нескольких местах, перелом правой ноги. Просят помощи хирурга. И еще сообщают, что в район бухты Хоффпул они отправили вездеход.

— Вызовите судового врача, — распорядился капитан, пробежав уже переведенный на русский язык текст радиограммы. — Боцман, готовьте шлюпку. Быстро, быстро!

— Вы с ума сошли, Фаддей Фаддеевич! — воскликнул старпом Воронов. — В такой накат идти на берег? Да шлюпку же перевернет! Я вас предупреждаю, Фаддей Фаддеевич, что всю ответственность вы берете на себя. Да и кто решится?

— «Кто, кто»!.. — буркнул боцман. Он уже несколько часов торчал в рубке, привалившись к переборке. — «Кто» да «кто». Я пойду. И Жорка со мной пойдет. И Вовка Кочемасов. Когда-то я на Камчатке на рыбокомбинатах вкалывал. И не в такую волну на берег выбрасывались.

— И я пойду, — сказал Василий Васильевич и добавил: — Ну конечно, я. Вы, Фаддей Фаддеевич, не можете, вам надлежит оставаться на судне. Третий помощник слишком неопытен, а старпом... Гм... В общем, мне нужно идти.

— Хорошо, — сказал капитан. — Ну где же Ковалев?

— Тут он. Вот он я...

Капитан поглядел в молодое, старательно выбритое и слегка побледневшее в этот момент от волнения лицо судового врача-хирурга.

— Плавать умеете?

— Нет, Фаддей Фаддеевич, — тяжело вздохнул Ковалев. — Понимаете, как-то не довелось научиться. Из Сибири я, из таежных, понимаете, мест...

— Боцман! Быть рядом с хирургом, — распорядился капитан и щелкнул зажигалкой.

— Но человек же не умеет плавать! — крикнул старпом.

— Но я же надену спасательный жилет! — тоже крикнул Ковалев, и лицо его покрылось розовыми пятнами. — И вообще, почему мы теряем время? Это мой долг.

— Отправляйтесь, Василий Васильевич, — сказал капитан и, подойдя к хирургу, потуже обвязал тесьмой спасательный жилет. — Желаю удачи.

Топоча сапогами, все повалили из ходовой рубки на ботдек. Загромыхала лебедка. Стрелы вынесли шлюпку за борт. Запели тросы. Шлюпка шлепнулась днищем о волну и высоко подпрыгнула. Капитан поглядел с крыла мостика, как люди спускались по штормтрапу и спрыгивали в нее. Боцман подхватывал парней, что-то говорил им. У двигателя склонился механик; Василий Васильевич стоял на корме. «Черти, быстрее же поднимайте гаки!» — ругнулся про себя капитан. Железные захваты-крюки раскачивались над головами людей. Ну вот! Чуть не шарахнуло хирурга... Боцман поймал железяку, отпихнул ее. Шлюпка отвалила от борта судна и, проваливаясь между волнами, пошла к берегу.

— Пожевать бы чего, а, Рекс? — сказал Валька.

Живот подтянуло под самые ребра. Хоть бы ягодку какую! Хотя какие могут быть ягодки? Весна. Вот кролика бы! Зверьки то и дело вышмыгивали из многочисленных нор, и Валька швырнул палку, пытаясь подбить одного из них.

— Рекс, возьми кроля, возьми! — несколько раз просил Валька, но собака не понимала, чего хотел человек, а может, считала шустрых зверьков несерезной добычей.

Поселок китобоев остался позади, и уже не видно его было, если поглядеть назад, но дорожка, выложенная неровными каменными плитами, не кончалась, и Валька подумал, что, может быть, она выведет его в бухту Морбиан. Но тут его внимание привлекло нечто странное, показавшееся впереди: лес не лес, а искривленные, отшлифованные ветрами и дождями стволы стояли в долине у подножия скал. Ни веточки на стволах, ни сучочка. Валька прибавил шагу. Не лес это был, а кладбище китобоев, не стволы — белые ребра китов, вкопанные в землю вместо крестов... Сколько же моряков приняла в свои недра эта земля! «Джим Кабот» — было грубо вырублено на одном из костяных стволов, «Генрих Уотсон» — на другом. «Ганс Мюллер» — на третьем... А это? «Иван Козлов», к/п «Ольга»... Валька остановился, погладил ладонью холодную, с зеленым налетом китовую кость.

...Гром наката нарастал. Василий Васильевич с тревогой всматривался в берег: в бухте — и такая волна... Ветер не стихал. Шлюпка то взметалась на вершину волн и некоторое время мчалась вместе с ней, то проваливалась между двумя водяными холмами, и все скрывалось из виду: берег, танкер... Вот она вновь взлетела на волну. Боцман, сидящий на носу шлюпки, закричал что-то и резко махнул рукой влево. Василий Васильевич круто положил руль на правый борт, и шлюпка проскочила мимо скалы, высунувшей из воды свою скользкую, обросшую бурыми водорослями макушку. Ч-черт... пронесло...

У-а-а-а-ах-хх!.. Ударилась волна о берег и раскатилась, рассыпалась пенными языками. Оставалось еще два-три десятка метров, каких-то несколько минут... Главное — уловить момент и скорость, попасть на гребень волны и уже вместе с ней катиться на пляж! Если не угонишься за волной, уйдет она вперед, поднырнув под киль шлюпки, плохи тогда дела: следующая волна выгнется горбом, обрушится прямо на шлюпку.

Ну вот она, волна! В пене, плеске воды и реве ветра шлюпка понеслась к берегу и вдруг вся содрогнулась от удара. Кажется, с самого неба в накренившуюся шлюпку рухнули десятки тонн резко пахнущей глубинами воды...

Все смешалось: где верх, где низ? Ноги ударились о грунт. Чувствуя, как воздух разрывает легкие, Василий Васильевич вынырнул и, отплевываясь, кашляя, огляделся. Кто-то из ребят уже брел по пояс в воде, выбираясь на пляж, кто-то полз... Рядом показалась голова боцмана.

— Кха-а-а!.. — откашлялся он и крикнул: — Где... кха-а-а... док?..

— А-а-а-ай-а!.. — донеслось из-за гребня очередной волны.

Боцман развернулся и поплыл ей навстречу, нырнул в зеленую толщу воды и пропал из глаз...

Устланная каменными плитами дорожка кончилась. Валька миновал кладбище китобоев. Идти стало тяжело: долина была покрыта мелкими буграми, в основаниях которых находились кроличьи норы. Валька то прыгал с бугра на бугор, то проваливался в глубокие ямы. Устал! Ноги дрожали. Валька все чаще спотыкался и подолгу

сидел на какой-нибудь из кочек, и так не хотелось вставать... Лечь бы лицом в приятно пахнущую траву и заснуть... Но почва между кочками была водянистой, да и ночь приближалась. Время от времени до Валькиного слуха доносился собачий лай. Заснешь тут!.. Заслышав голоса собак, Рекс поднимал уши торчком, как бы отвечал на лай и порой даже бросался к скалам, в сторону собачьих голосов, но потом возвращался к человеку.

Усталость валила с ног. Сколько он уже отмахал с утра? На судне-то хоть и на ногах целыми днями, но все же не та нагрузка. Ох, выбраться бы побыстрее к людям! И — на танкер к товарищам, друзьям.

Как-то там Дмитрий Петрович? Валька представил себе вечно озабоченное лицо повара и улыбнулся. Кок был невероятно ворчлив, он был готов ворчать на Вальку неделями, если тот заявится на камбуз в недостаточно чистом халате или пересолит картошку. Кок был забывчивым человеком; казалось, он способен забыть собственное имя, но только за пределами камбуза. Зато на камбузе память его работала четко, и здесь он был богом. Еще бы! Ведь несколько лет назад Дмитрий Петрович работал шеф-поваром самого большого в городе ресторана «Океан». Так бы и доныне работал, но что-то случилось в его личной жизни, и уговорил его капитан танкера Фаддей Фаддеевич пойти с ним в рейс. В море отогрелась душа Дмитрия Петровича, появился интерес к своему ремеслу, так нужному людям. Вот уже третий год, как не покидает повар танкера.

Валька улыбнулся, вспомнив, как повар учил его чистить картошку. «Разве так чистят этот благородный продукт? — накричал он как-то на Шубина. — Ты что мне ее строгаешь? Кожурку снимать надо, раздевать надо картошечку, а ты? Гляди». Кок схватил большущую картофелину, прижал к ее боку лезвие ножа и закрутил ее в руках. И всю шкурку снял одним движением. Валька ахнул: цирк!.. Теперь и он умеет так. Пришел после первого рейса домой, маме показал и отцу. Мама ахнула, а отец, сняв очки, внимательно оглядел картофелину и вздохнул: «Здорово, Валюха, но разве для этого на твоих плечах растет голова?» Отец хотел бы видеть Вальку крупным физиком, ученым-атомщиком. Не получился физик, получился камбузный матрос!

Шубин нахмурился, вспомнив, как отец плакал в ван-

ной комнате, плакал, узнав, что, забрав документы из приемной комиссии университета, его сын поступил на поварские курсы. «Я этого не понимаю! — выкрикивал он.— Не понимаю!» А Валька ходил взад-вперед по коридору и объяснял: «Папа, ты же знаешь, я всегда мечтал о море. И не люблю физику! Папа, я счастлив, что сделал решительный шаг: решил, кем мне быть в этой жизни, решил по совести, от сердца, а не по расчету! Папочка, потом я буду учиться и стану капитаном, но на это нужно время, а мне хочется побыстрее в море!..» Да... Вот такие были сложные обстоятельства...

Вновь послышались голоса собак, и песик ответил им. Тяжелые капли упали с низкого неба. Дождь? Этого еще недоставало. Ночь впереди, где он проведет ее? Валька споткнулся, огляделся. Горы как бы сдвинулись, холодный сырой ветер невидимым потоком катился навстречу. Б-ррр... В каюту бы сейчас, к Василию Васильевичу... Был Василий Васильевич в прошлом капитаном, да состарился и сам попросился на вахту третьего помощника, вахту, которую моряки шутя называют пенсионерской. Великий знаток был Василий Васильевич морских легенд и песен! Придет к нему Валька в гости. Волгин достает из рундука гитару и начинает петь: «Если девушка вам изменила, не изменит вам океан. Не теряйся в часы опасности, выше голову, капитан!» Случалось, и сам капитан Фаддей Фаддеевич заглянет в каюту, устроится в углу, окутается дымом сигареты. Когда-то Фаддей ходил в учениках у Волгина, учился у него премудростям морского дела. Приходил на океанские вечеринки и строгий боцман Михаилыч. Буркнет Вальке: «Подвинься, поварешка», скрестит на широкой мускулистой груди свои железные ручищи, задумается, слушая песни Волгина. Кого из моряков ни спросишь про боцмана, все его знают! Лет уже ему за пятьдесят, а крепок, силен, с утра и до ночи на ногах.

Физика... Атомщики... Валентин усмехнулся. Нет-нет, он поступил правильно. Он поступил решительно, по-мужски. Учиться надо лишь тому делу, которое по-настоящему любишь. Камбуз — лишь переходный период, главное он сделал: вошел в жизнь, о которой мечтал. Он стал моряком и будет им всегда!..

...— Уже дышит! Только! Толик, ты меня слышишь?

— Давите ему на живот, еще давите!

— Кто тебя просил привязывать к ремню саквояж с инструментом, кто?..— Боцман держал хирурга, положив его животом себе на колено.— В нем же, в этом саквояже, пуд железа!

— Да отпусти ты меня, Михалыч... Утонул бы мой саквояж, что бы я делал?..

Покачиваясь, Ковалев встал на ослабевшие, будто ватные ноги и, тут же наклонившись, выплюнул еще одну, последнюю наверное, струю горькой воды. Голова кружилась, все тело сотрясала мелкая, противная дрожь, и зубы колотились друг о друга. Ковалев стиснул челюсти и осмотрелся. Шлюпка валялась на пляже, один борт ее был слегка помят. Ревели какие-то диковинные звери. Боцман, Василий Васильевич и матросы, такие же мокрые, как и он, толпились вокруг него. Тут же стояло несколько незнакомых людей в красных нейлоновых куртках и брюках. Один из них, бородатый парень в свитере и потрепанных джинсах, поймав взгляд Ковалева, протянул ему руку и, старательно выговаривая русские слова, сказал:

— Губернатор острова Кергелен Мишель Дебре. Как вы себя чувствуете?

— Где больной? — отчего-то злясь, выкрикнул Ковалев.— Идемте же быстрее! Что мы тут делаем?

— Тебя, обормота, спасали! — рассердился боцман.— А потом откачивали.

— Прости, Михалыч...— пробормотал Ковалев и ухватился за его плечо. Голова закружилась, и тошнота опять подступила к горлу.— Ну ладно, пойдемте в поселок.

Через полчаса, переодетый в сухое белье, выпив чашку крепчайшего горячего кофе, Ковалев вошел в комнату одного из домов поселка Порт-о-Франс. Мосье Легран, который должен был ему ассистировать, раскладывал на столе хирургические инструменты. Пилот открыл глаза, посмотрел в лицо русского. Тот положил ему на холодный, потный лоб жесткую ладонь и, улыбнувшись, сказал:

— Все будет хорошо, старина. Запляшешь, как школьник...

Дождь пошел. Вначале редкий, порывами, покапал, покапал и вроде бы кончился, но потом хлынуло. «Ну,

Валька, все ты испытаешь в этом своем путешествии. Ничего, все надо познать, все!» — так говорил его ворчливый, добрый кок Дмитрий Петрович, бинтуя Вальке обваренную руку и дуя на нее, чтобы унять боль. Б-р-р-р! Ну и холодина! На камбуз бы сейчас, к пышущей жаром электроплите, какао бы горяченького сейчас плеснуть в себя стаканчик...

— Эй, Рекс, куда мы идем?

Валька натолкнулся на остановившегося Рекса. Подавшись всем телом вперед, пес пытался уловить какие-то звуки, а может, запахи? Зарычал, бросился вперед. Остановился, поглядел на Вальку, снова ринулся вперед, будто звал человека, торопил: быстрее, беги же, беги за мной!

Плескалась и чавкала под ногами вода. Грунт в долине был жидкий, вязкий. Ноги проваливались в раскисшую землю по щиколотку, а тут еще эти чертовы бугры да норы...

— Постой!.. — позвал Валька пса.— Куда ты?

«Ba-bay!..» — отозвался Рекс и, вынырнув из стены дождя, куснул его за колено и вновь зашелепал лапами, как бы растворяясь в потоках воды, льющихся с неба.

Потом ливень прекратился. Из вечернего сумрака простиупили фиолетовые очертания стиснувших долину гор. Шумно дыша, Валька опустился на мокрую, резиново осевшую под ним кочку и почувствовал, как его охватывает отчаяние. Ночь!..

Но что это? Показалось, будто кто-то позвал Рекса. Валька поднялся, прислушался. Пес стоял рядом и тоже смотрел в пространство... «Pe-ee-екс!» — донес порыв ветра. Пес поглядел на Вальку, взвизгнув, опять куснул его за ногу и понесся на зов. Остановился как вкопанный, поглядел на Вальку: ну что же ты?

— Сейчас, сейчас,— пробормотал Валька, еще не веря: что, неужели?.. Я сейчас... Ого-го-о!

Валька побежал вслед за Рексом навстречу голосу. Там вдруг огонек вспыхнул, маленький, подрагивающий светлячок, и Валька, хрюпло дыша открытым ртом, бежал, бежал что было сил...

— Итак, наш вездеход уже к утру будет вот тут, в бухте Северных Ветров,— сказал Мишель Дебре Василию Васильевичу и прочертил пальцем по карте.— Тут имеется домик орнитологов. В долине Альбатросов, которая вы-

ходит к бухте, находится большая колония странствующих альбатросов. Странствовать-то они странствуют, бывает, во время странствий облетают вокруг Земли, но к весне возвращаются на Кергелен...

Мишель хлебнул из чашечки черного кофе и другую чашечку пододвинул Василию Васильевичу. И тот тоже хлебнул. Очень хотелось есть, но об ужине губернатор пока не заикался, а попросить было неудобно.

— Так вот, домик обитаем: живет там один орнитолог, изучает повадки альбатросов... Итак, дальше вездеход, минуя долину Альбатросов, пойдет в сторону поселка китобоев, а оттуда через другую долину — Рыжих Псов...

— Рыжих Псов? — переспросил Василий Васильевич, потянув в себя горький кофе.— Что еще за псы?

— О, это интереснейшая тема: псы острова Кергелен! — воскликнул губернатор.— Видите ли, лет двести назад, когда на острове появились норвежские китобои, они, как практические люди, привезли с собой кроликов и баранов: травы на острове много, сильных холодов не бывает, отчего бы не расплодиться зверюшкам?.. Ну, кролики и расплодились. Да так, что съели всю траву. Мор среди зверья начался, чуть все не вымерли... «Что бы предпринять?» — задумались норвежцы и придумали: привезли на остров с десяток крупных собак. Псы тоже быстро расплодились: ловили кроликов, баранов. И в конце концов на острове образовалось своеобразное, искусственно возникшее биологическое равновесие. Теперь тут живет совершенно определенное количество кроликов, баранов и собак. Псы уничтожают «лишних» кроликов и баранов. Травы хватает всем, и опасности перенаселения острова травоядными животными не возникает...

— Говорят, что французы умеют очень вкусно приготовлять кроликов... — задумчиво произнес Василий Васильевич.— Или это только так говорят?

— Но вот что любопытно! — воскликнул тут Мишель Дебре.— Вы можете задать вопрос: а что же собаки? Не может ли возникнуть перенаселение острова собаками?

— Да-да... Не может?

— Вот именно: не может! Тут много любопытного... Ну, во-первых, весь остров как бы разделен на семь районов, семь маленьких собачьих государств, семь суверенных территорий, и каждой владеет одна стая. Мы обратили

внимание: порой между стаями разгораются самые настоящие сражения. Битвы, после которых на поле боя остаются десятки убитых собак. Так вот, эти схватки возникают как раз тогда, когда в той или иной стае появляется значительно больше особей, чем должно быть, чтобы не разрушилось то биологическое равновесие, которое возникло на острове. Понимаете?

— Да-да. Конечно, понимаю. Однако вернемся к нашему вездеходу...

— Простите, заболтался. Видите ли, я биолог... Вот живу на острове, пишу научный труд о собаках Кергелена... Итак, вездеход пройдет по долине Рыжих Псов в бухту Хоффпул. Ребята осмотрят там все ее уголки. И уж если к утру мы не найдем вашего парня, то отправимся вот сюда. На юг острова.

В дверь постучали. В кабинет Мишеля Дебре вошел Анатолий Ковалев. В прихожей толпились матросы, видневшиеся бронзовая лысина боцмана. Василий Васильевич потянул носом воздух: пахло жарким. Да-да, где-то жарили кролика! Или барана!

— Все в порядке... — сказал Ковалев, потирая ладони.— Даю гарантию: ваш отчаянный пилот будет прыгать... гм, как кролик!

— Мосье русские моряки! Приглашаю всех к обеду,— поднявшись из-за стола, произнес губернатор.— Мосье штурман интересовался, умеем ли мы, французы, приготовлять жаркое из кроликов. Надеюсь, что через полчаса вы по достоинству оцените французскую кухню...

Валька побежал медленнее, потом побрел. Рекс носился возле него, яростно лаял и бросался на него, ласково кусал за ноги: не стой же, иди, заблудимся в темноте!

— Ре-екс! — доносил ветер крики человека.

— Не могу, — прохрипел Валька, — устал.

Он все же пошел быстрее и вдруг увидел, что навстречу ему бегут какие-то крупные птицы. Шумно хлопая крыльями, птицы бежали по земле, высоко подпрыгивая, подлетали и вновь опускались на землю. Одна из птиц ударила его клювом в ногу, а потом с такой силой хлестнула жесткими крыльями, что Валька чуть не упал. Взвизгнув, Рекс метнулся в одну сторону, в другую, за ним гналась одна из

птиц. Увертываясь от птицы, отбиваясь палкой, Валька, плохо соображая, что происходит, шел навстречу огню. Кажется, он приближался. Или это только казалось? Что-то белело на одной из кочек. Валька присмотрелся. Лежали там четыре крупных яйца. «Это альбатросы,— подумал он.— Я попал в колонию альбатросов».

— Эге-гей!

Подняв над головой фонарь, держа в другой руке карабин, к нему шла молодая женщина. Валька был так измучен, что даже не удивился.

— Привет,— пробормотал он.— Меня звать Валька, а вас?

Старший повар Дмитрий Петрович постучал своим жестким кулаком в дверь каюты начальника радиостанции и открыл ее. Владимир Наумович, взглянув на кока, покачал головой: нет, пока о Вальке никаких вестей нет.

Дмитрий Петрович молча вышел, спустился в свою каюту, запер ее на ключ и, распахнув иллюминатор, подставил лицо холодному, пахнущему землей ветру. Что с Валькой? Где он?.. Дмитрий Петрович сморщился и почувствовал, как по щекам покатились слезы.

А в это время незнакомая француженка, весело покривляясь, как на ребенка, стаскивала с Вальки тельняшку. На полу уже валялись рубаха и брюки.

— Позвольте, позвольте...— вяло сопротивлялся «путешественник».— Не могу же я... оставаться без ничего. Ну что же вы делаете? Позвольте же!..

Теперь Валька остался в одних длинных, чуть не до колен, мокрых футбольных трусах. До чего же он, наверное, потешно в них выглядел! Засмеявшись, женщина шлепнула его ладошкой по щеке и протянула что-то легкое, кружевное. Валька быстро переоделся. Женщина повернулась и захочотала. Ей было так смешно, что она обхватила себя руками и села на стул.

— Позвольте, в чем дело? — спросил Валька и осмотрел себя. Проклятые трусы сlinяли, весь живот и ноги чуть ли не до колен были синими. Валька тоже засмеялся.— О, это краска!

Успокоившись и что-то строго проговорив, женщина

потрогала его лоб и приказала ему помыться в тазу. Она поливала из кувшина, а Валька, фыркая, с удовольствием плескался горячей водой.

— Мон ном э Мари,— сказала женщина, ткнув себя в грудь пальцем.

— Мон ном э Валентин,— назвал себя Шубин.— Валька.

— О, Валика? — засмеялась Мари.— Сэ бъен.

— Да-да, это хорошо,— засмеялся и Шубин.— Мерси за все. Лимите... да? Дружба.

— Ламитье,— поправила его Мари.— Дружба. Ла пе!

— Мир? Да-да, же компран.

Потом, одетый в теплый махровый халат, он сидел за столом и ел. Как он ел! Мари пододвигала ему то тарелку с разогретым консервированным мясом, то масло, то хлеб, а Валька, благодарно урча: «Мерси, мадам, мерси!» — наворачивал за обе щеки.

— Дружба... ламитье! — выкрикивал Валька.— Мы за этот... за ла пе!

— Ла пэ, ла пэ,— смеялась Мари.— Мир, мир!

Она отвела его в соседнюю комнату, Шубин закрыл глаза и повалился на подушку.

Проснулся он в шесть утра с мыслью: на вахту пора! Всходило солнце, розово светилось окно. Несколько мгновений Валька разглядывал потолок, стену, на которой висел портрет улыбающегося круглицы мужчины в летней куртке, затем, наконец-то поняв, где он, поднялся. На спинке стула висела его сухая и выглаженная одежда. Какая же она молодец, эта незнакомая женщина Мари! Как бы отблагодарить ее за такое внимание? Шубин быстро оделся и на цыпочках пошел в соседнюю комнату, заглянул в кухню, прихожую, вышел из дома. Ни Мари, ни Рекса!

Возле дома лежали толстые чурбаны и топор. Валька взял в руки топор и начал колоть дрова. Он торопился. Хотелось наколоть как можно больше дров, пока не вернулась Мари. Десятка три кругляков он расколол за какой-нибудь час, а потом аккуратно сложил и вернулся в дом.

А, вот что еще, как же он сразу не подумал? Шубин заметался по маленькой кухне. Вот мука, яичный порошок, масло. Чиркнул спичкой, зажег горелку газовой плиты.

Сейчас он сделает блинчики, он такие блинчики умеет делать! Вскоре вкусно запахло. Блинчики получились золотистые и такие тоненькие, что хоть газету через них читай. И еще он угостит Мари кофе по-кубински, с пенкой. Вряд ли Мари умеет такой варить.

Послышались шаги, дверь распахнулась, и в кухню вошла хозяйка дома.

— Бонжур,— весело проговорил Валька.— Сэ бъен. Вот блинчики, ешь. Это хорошо!

— Бонжур,— лукаво поглядывая на него, пропела Мари, и взгляд ее остановился на горке блинов. Глаза Мари округлились. Она взяла один блин и попробовала его. Потом второй, третий.— Блинщик? — спросила Мари и пододвинула Вальке тарелку, в которой осталось штуки три.— О, блинщик!

— Блинчики,— повторил Шубин и подвинул тарелку ей.

Потом пили кофе, и Мари объяснила, почему и для чего она живет в этом доме. Орнитолог она. Изучает альбатросов.

Одевшись, они вышли из дома. Зевая и потягиваясь, Рекс побрел следом и, жмуря золотистые глаза, внимательно осмотрелся. Прикидывал, наверно, не сбежать ли опять.

Из долины слышались гортанные и певучие, будто кто-то трубил на трубах, голоса птиц. Мари потянула Вальку за рукав, и они отправились в долину. Сколько же тут собралось альбатросов! Не обращая внимания на людей, птицы будто танцевали возле своих гнезд. Раскинув громадные, метров, пожалуй, до трех в размахе, крылья, птицы задирали вверх головы и, приподнимаясь на перепончатых, как у гусей, лапах, кричали звучными голосами.

Валька как зачарованный слушал весенние песни птиц и глядел на горы, а потом — на бухту, всю синюю-синую, в золотистой насечке отражающихся в ее поверхности солнечных лучей. Валька дышал вкусно пахнущим воздухом, который теплыми струями поднимался от нагретой солнцем земли, и чувствовал себя необыкновенно счастливым человеком.

Сколько замечательных людей живет на этой нашей прекрасной Земле. И Василий Васильевич, и Дмитрий Пет-

рович, и капитан, и вообще все-все!.. И Мари. Валька поглядел в ее лицо заблестевшими глазами. Спасибо тебе за все, спасибо... И тебе спасибо, Рекс! Вот кого можно было расцеловать в этот момент, и Валька, опустившись на колени, схватил пса за башку и, потянув к себе, прижал к своему горящему лицу.

Какой-то новый звук послышался. Трактор? В дальнем краю долины показалась красная жужелица. Бездеход!

Непогода унялась, ветер совсем стих. Жарко, по-весеннему светило солнце, хоть куртку сбрасывай. Шумной толпой обитатели поселка Порт-о-Франс шли по гремящей гальке к спасательной шлюпке, возле которой возились боцман и его матросы: курчавый Жорик и молчаливый Вовка Кочемасов. Чуть в стороне стоял, разглядывая морского слона, Василий Васильевич.

Слева от Вальки, далеко выбрасывая ноги, ну точно цапля на болоте, шагал губернатор острова Мишель Дебре, а справа — Мари. Она держала Вальку под руку.

— На морского слона мы нечаянно напоролись, — сказал Василий Васильевич, когда вся толпа обитателей дальнего полупустынного островка собралась возле шлюпки: — Ишь как расположовали бегемота.

На боку у зверя зияла рана. Люди молча смотрели на морское животное. Наверное, слон потерял много крови, оттого и был неподвижен. Толя Ковалев подошел к нему и, присев на корточки, осторожно притронулся к ране, с которой была содрана кожа. Зверь вздрогнул.

— Следите, чтобы он меня не сожрал, — сказал Ковалев и раскрыл саквояж. — Попробую заштопать ему дырку.

Зверь вздрагивал и ревел, но Анатолий обработал рану и зашил ее. Убрав инструменты в саквояж, он распрямился и похлопал слона по тугому боку:

— Живи, дружище!..

Вечером танкер покинул остров.

За время вынужденной стоянки в бухте Морбиан механики произвели необходимый ремонт, и вот теперь они навсегда покидали этот далекий, затерянный в южных антарктических широтах кусочек земли.

Холодный, зноющий ветер гулял над бухтой, но Валька торчал на пеленгаторном мостике и, щурясь, глядел, как постепенно тускнели огоньки поселка Порт-о-Франс. Нетужели все это было? Было, было! И будет теперь всегда жить в его, Валькиной, душе: эти удивительные приключения на острове Кергелен и образы людей, работающих тут.

— Валька! Ну где ты пропал? — послышался голос кока.— Обегал весь танкер, думал, что опять ты в воду сиганул. Идем. Сюрприз я подготовил к ужину.

— Иду, иду, — засмеялся Валька, догадываясь по вкусному запаху, исходящему от белого колпака и халата Дмитрия Петровича, что приготовлен какой-то удивительный торт.

— Судовое время девятнадцать часов... — пророкотал по танкеру голос Василия Васильевича.— Все на борту судна... Команде ужинать.

Прежде чем отправиться в салон, Валька зашел в ходовую рубку. В ее полусумраке, наполненном привычными звуками и запахами, виднелась массивная фигура Фаддея Фаддеевича, чуть сутулая — старрома и мешковатая — Василия Васильевича. Уютно журжал моторчик гирокомпаса, пощелкивал эхолот.

— Товарищ второй помощник капитана! — позвал Валька.— Можно вас на минуточку?

— Чего тебе? — прошипел Василий Васильевич, опасливо косясь на капитана.— Прешься в рубку в такой момент!..

— Занеси мне после вахты свою куртку,— прошептал ему на ухо Валька.— Пуговицу пришью, подчиню кое-где, ну и погложу.

Засопев, как морж, высунувшийся из полыни, Василий Васильевич взял Вальку за плечи и вытолкал на крыло мостика.

— Назад! — рявкнул вдруг капитан.— Не выпускать Шубина одного! Он еще не рассказал нам о своих приключениях на Кергелене.

Как-то до смешного радостно похрюкивая, Василий Васильевич схватил Вальку за руку и, захлопнув за его спиной дверь, потащил через всю рубку к другой двери, ведущей прямо во внутренние помещения танкера.

ЛОВЛЯ РЫБЫ С НАБЕРЕЖНОЙ МАЛЕКОН

Раннее утро. Солнце только что взошло, и его лучи окраини стены и потолок моей комнаты в теплые, розовые тона. Пора вставать! Распахиваю окно, и в комнату врывается свежий, с острым, морским запахом, ветер. Глазам открывается бескрайняя ширь синей воды и небо без единой тучки. Хороший опять будет сегодня денек!

— Эрика! Ну где же ты?

Я выглядываю из окна. На балкон соседнего дома, этажом ниже, выходит молодая женщина, а за ней выбегает черная, в белых пятнах, кошка. Женщина откладывает на спину длинные волосы и начинает их расчесывать плавными движениями смуглых рук.

— Эрика, ты долго еще будешь спать? — вновь говорит она.— Погляди, как красиво.

Солнце поднимается выше, и его лучи становятся горя-

чими. Океан, а вернее, один из его краешков — Мексиканский залив, на побережье которого раскинулась Гавана, с утра тих и приветлив. Внизу тускло сверкающей дугой изгибается набережная Малекон. Лениво пенится небольшой прибой. Вода прозрачная. Видны коралловые рифы и косячки рыб. Танкер проходит мимо белого маяка крепости Морро, а навстречу ему спешит в открытый океан траулер. Это «Паллада». Мне и надписи читать не нужно, я знаю, что именно сегодня, рано утром, траулер должен отправиться в долгий промысловый рейс. Три дня назад мы, русские моряки из подменной команды, окончили на нем ремонт и переселились в отель «Девиль». Теперь мы будем поджидать здесь очередное рыбакское судно, которому потребуется наша помощь.

— Эрика! Погляди, какой красивый пароход,— зовет женщина.

Соня она порядочная, эта Эрика... Хотя, в общем-то, рань, спать да спать... Пойду-ка я на Малекон, хорошо бродить по набережной, пока солнце еще не раскалило воздух и каблуки не вязнут в асфальте. Посижу на парапете, свесив ноги над водой, поговорю с Франсиско, который наверняка и сегодня придет ловить рыбу. Все рыбаки знают, что напротив отеля «Девиль» как раз самое добывчивое место.

Выхожу из отеля, осматриваюсь. Да вот же и Франсиско! Заметив меня, загоревший до черноты двенадцатилетний мальчуган приветливо машет рукой. На голове у него шляпа-сомбреро, вылинявшая рубаха стянута на животе узлом, зеленые шорты посверкивают кругляшками присохшей чешуи.

— Буенас тардес,— говорю я, пожимая его узкую и крепкую руку.— Кома еста?..

— Добри утра! — отвечает Франсиско и щелчком пальцев, как ковбой, откидывает сомбреро на затылок.— Все о'кэй, амиго!

— Ну сегодня-то ты поймаешь Большую Рыбу?

— Поймаю. Я тебе говорил, что видел ее своими собственными глазами? Ну вот как тебя! Гляди, она вот такая! — Франсиско разводит руки.— Она вся зеленовато-синяя и в белых точечках. Она такая блестящая, будто покрыта не чешуей, а новенькими серебряными монетами! Поймаю ли я ее? Конечно!

Мы садимся на гранитный парапет. Справа от нас мрачно уставился в воду пожилой мужчина в морской фуражке с громадным козырьком. Слева сидит мулат с такой ядовитой сигарой в крепких зубах, что даже ветер, дующий со стороны океана, не в силах развеять ее резкий, удушающий запах.

— Хеллоу, Боб, хеллоу, капитан,— говорит Франсиско.— Вот и я!

— Удачи тебе,— улыбается ему мулат.

— Здорово, малыш,— ворчит капитан, грузно шевельнувшись.— Надеюсь, ты сегодня помолчишь? Про твою Большую Рыбу уже знает вся Гавана.

Насвистывая, мальчик открывает небольшой чемодан. Я с любопытством заглядываю в него, хотя уже много раз видел, что там лежит. А лежат там толстые капроновые лески, каждая из которых может выдержать даже трехметровую акулу, свинцовые грузила, железные и медные поводки и блестящие изогнутые крючки.

С видимым удовольствием, что-то бормоча себе под нос и щуря черные, в длинных ресницах глаза, Франсиско берет то один крючок, то другой, ощупывает их жала, качает головой, причмокивает языком и опять начинает тихонько свистеть. Я любуюсь мальчиком. Мне нравится его уверенность, рыболовная страсть и вера в успех.

Познакомились мы с ним месяца два назад, когда наша команда жила в этом отеле. Франсиско изучает русский язык, потому что после школы хочет поехать в Россию «учиться на капитана»; я осваиваю испанский. Порой мы смеемся, потому что не так произносим слова, но тем не менее понимаем друг друга отлично.

— Я нырнул и увидел ее,— понизив голос, рассказывает мне Франсиско.— Нырнул, подплыл к рифу иглянулся. Она плыла прямо на меня. Нет, вы не можете себе представить, какая это большая и красивая рыба. Во-от такая! Честное мое слово! У нее желтые глаза. Во-от такие!.. Ну, помоги мне, дева святая Мария... Это не молитва, нет,— тут же говорит он мне,— такие слова произносят все рыбаки. Помоги мне, дева...

Плюнув через левое плечо — каждый мальчишка с Малекона знает, что это должно принести удачу,— Франсиско раскручивает над головой лесу и ловко швыряет ее. Тяжелый груз уволакивает лесу в воду. Далеко полетела

приманка! Покосившись вначале на капитана, а потом на окутанного синим облаком дыма Боба, мальчик устраивается поудобнее и кидает в воду монетку. Это чтобы океан был добр к нему, к Франсиско, чтобы океан отдал ему большую красивую рыбку. Наверное, тут, у Малекона, все дно усыпано серебряными монетками: вдоль набережной сидят рыболовы, и каждый хочет поймать именно Большую Рыбу. Об этом я и говорю мальчику.

— Ага. Много тут монет набросано,— подтверждает Франсиско.— Однажды поймали большую-большую и очень тяжелую рыбину. И что же? Рыбак взял ее за хвост, тряхнул, и на асфальт посыпались монеты! — Мальчик подергал лесу.— Ну, ловись же рыба... Так вот: вдруг бежит человек и кричит: «Зачем вы поймали эту рыбку? Это моя, ученая рыбка! Она плавала и собирала мне монеты! О, я разорен! О...»

— Малыш. Если ты будешь так много болтать,— ворчит капитан,— то не поймаешь даже лягушонка, не только Большую Рыбу.

— Ты неправ, капитан,— вступает в разговор мулат.— Прости меня, но и я слышал про ручную рыбку, которая глотала монеты.

— Боб, мы с тобой проплавали на одном корыте двадцать лет,— тяжело вздохнув, говорит капитан.— Двадцать лет ты верил любой брехне... О-оп!

Замолкнув, капитан резко подсекает и тянет лесу. Вода всплескивает. На камни падает ярко-оранжевый, в синих крапинках группер. Сняв его с крючка и убрав, капитан продолжает:

— Рыба, жующая монеты, это брехня, Боб.

— Ну хорошо, капитан,— соглашается Боб.— Ради бога, умолкни. Сколько помню тебя, сопиши, как испортившийся сифон.

— Она...tronула! — сдавленно произносит вдруг Франсиско.— Я почувствовал пальцами... Вот еще... Ну ловись же, Большая Рыба, ловись! — Он замер.— Кажется, клюет.

Солнце печет кожу. Легкий ветер несет с воды соленую едкую пыль. Франсиско надвигает сомбреро на самый нос, весь напрягается. Он тихонько посвистывает, подманивая рыбку,— так его учил отец, рыбак с траулера «Тунец». Леса вдруг натягивается струной, Франсиско дергает что есть силы и, что-то выкрикивая, начинает тянуть лесу из воды.

Неужели попалась Большая Рыба?.. Старый моряк сдвигает фуражку с лица, и я вижу его синий, будто баклажан, нос и голубые выцветшие глаза. Боб тоже оживляется. Он машет перед лицом руками, как бы выгребаясь из облака дыма, потом выдергивает сигару изо рта, яростно вжимает ее горящим концом в камень, но та продолжает дымить еще пуще.

— Большая Рыба! — восклицает мальчик.— Я поймал ее!

Тугая леса ходит из стороны в сторону, режет ладони и пальцы. Франсиско стонет, охает. Я хочу ему помочь, но он отталкивает мои руки локтем — настоящий рыбак должен сам поймать свою рыбу. Пожалуй, мальчик прав, пускай он сам вытащит ее.

Вот что-то мелькнуло в глубине и засверкало, будто кто-то шевельнул под водой серебряным подносом. Это — рыба. Большая Рыба! Уж и не знаю, как ее вытащит мальчик.

— Не тяни ее слишком быстро, малыш,— обеспокоенно говорит капитан.— Пускай она утомится.

— Дай ей глотнуть воздуха! — советует мулат.— Как она глотнет, тут ей и крышка.

— Плавнее, Франсиско, плавнее... — бормочу я, загораясь охотничьим азартом.— Дай помогу, дай! Да не дергай ты так резко!

Рыба выпрыгивает из воды, и мы видим ее от кончика рыла до хвоста — серебристую, всю покрытую крупной чешуей. Всплеск воды, яростный рывок. Франсиско вскрикивает, из его сжатых ладоней течет кровь. Еще прыжок, еще. Теперь мы видим голову рыбы с выдающейся вперед, как у бульдога, нижней челюстью.

— Тарпун! — гудит капитан.— Тигр Мексиканского залива!

— Держись, малыш!.. — умоляет мальчика Боб.

— Дай мне! Тебе не справиться! — прошу я, пытаясь вырвать из липких ладоней мальчика лесу.— Я буду тащить, а ты руководи!

— Нет, я сам! Я принесу ее домой... О-оо! — выкрикивает мальчик и тянет снасть.— Пускай все видят: рыбак я или нет?

Рывок! Еще, еще... Кажется, что у Большой Рыбы сил совсем не убавилось, тарпун очень силен, он и не собирает-

ся сдаваться какому-то мальчишке. А Франсиско устал. Он шумно дышит, струйки пота сбегают по лицу. Я просто не могу глядеть на его ладони, изрезанные лесой... Но что это? Леса вдруг слабеет. Испуганно вскрикнув, мальчик судорожными рывками тянет снасть из воды, он еще на что-то надеется, но уже и так все ясно. Ушла рыба.

Несколько минут мы молча разглядываем железный поводок, перекусенный мощными зубами рыбы, потом печально смотрим в синюю воду, кипящую у каменного основания набережной. Мулат дымит сигарой, он совсем скрылся в клубах дыма. Капитан надвигает фуражку на глаза, а потом сматывает лесу и говорит:

— Ты совершил серьезную ошибку, малыш. Ты сказал: «Я поймал рыбу», а рыба еще была в океане. Ты понял, малыш?.. Ну ладно. Эй, Боб, пойдем-ка выпьем по чашечке кофе.

— Капитан, прости меня, но ты неправ,— возражает мулат. Он сматывает лесу, аккуратно кладет на парапет. — Так вот, мальчик все делал правильно... Что же, идем...

— Я так давно знаю тебя, Боб. Мы двадцать лет бороздили моря и океаны на одной и той же лохани «Святой Антоний» и... — Не окончив, капитан тяжело слезает с парапета. — Ты идешь или нет?

— Иду, капитан. Кто же откажется выпить кофе в такую жару? — говорит Боб... И улыбается мальчику: — Ничего, малыш, все еще впереди!

Шумно вздохнув, Франсиско зажмуривается. По его лицу скатываются слезы. Достав из кармана носовой платок, я разрываю его и начинаю перевязывать исполосованные ладони мальчика. Ткань намокает. Наверно, это очень больно, но Франсиско мужественно терпит, ждет, когда я обмотаю ладони материей. Он спокоен, как настоящий мужчина. Вздохнув, сдерживая в голосе дрожь, говорит:

— Это ничего. Мы еще поймаем Большую Рыбу. Зато у меня ладони будут теперь такими же, как и у отца. Все в шрамах от рыбных снастей! Я рассказывал, что он работает на траулере?

...А через три дня мы действительно поймали рыбу. Мы ее поймали потому, что тащили вдвоем, и еще потому, что теперь у нас на руках были перчатки, а поводок мальчик сделал из стальной струны от контрабаса. Правда, эта вторая рыба была намного меньше той, что ушла, не «тигр»,

а «тигренок», но и намного больше тех оранжевых групперов, которых ловил щетинистый капитан. Да, это была почти Большая Рыба, и, когда мальчик шел по Малекону и нес ее, положив на плечо, все прохожие оборачивались, а одна девочка даже пошла с ним рядом. Она шла с ним так долго, что Франсиско предложил ей тоже немного понести рыбу, и девочка ее несла, а потом мальчик сказал, как его зовут, и поведал девочке историю про жадную рыбку, которая питалась только монетами, разбросанными в воде возле Малекона. А девочка назвала свое имя. Зовут ее Эрика, и живет она в красивом высотном здании вместе с мамой и кошкой Анной.

Вскоре мы опять встретились с Франсиско на набережной. Нетерпеливо поглядывая то в одну сторону Малекона, то в другую, понизив голос, мальчик сообщает мне, что привлек Эрику ловить вместе с ним другую Большую Рыбу, и она согласилась, да вот что-то не идет. Мне хочется сделать приятное мальчику, и я говорю:

— Она живет рядом с отелем «Девиль». Знаешь, она встает рано-рано и, расчесывая длинные волосы, любуется восходящим солнцем.

— Франсиско-о! — слышим мы звонкий девчоночный голос. Размахивая сумкой, через Малекон перебегает девочка. Волосы у нее распущены. Они красиво колышутся над худенькими плечами. Подбежав, Эрика говорит: — Я ужасная соня. Мама зовет меня по утрам: «Эрика, вставай, погляди, какое красивое солнце!» А мне никак не проснуться. Я не опоздала, нет?

— Чуть-чуть бы — и опоздала, — сурово говорит мальчик. — Думаешь, Большая Рыба будет ждать?

Девочка садится рядом с мальчиком на теплый каменный парапет и опускает ноги над водой. Сильный ветер дует сегодня со стороны океана, и у основания набережной, сопя и всплескиваясь, шевелятся большие волны.

— А еще у нас есть черная кошка с белыми пятнами, — говорит девочка, с опаской поглядывая вниз. — А нас не смоет?

— Только уж если вместе с набережной!

Одна из волн вспыхивает и окатывает ребят. Девочка испуганно и восторженно ахает, а мальчик делает вид, что ничего не произошло. Он — рыбак. Полный выдержки и спокойствия.

ШЛЮПКА УШЛА В СЕВЕРНОМ НАПРАВЛЕНИИ

— Остров на горизонте! — говорит штурман.— Маврикий!

Серебристый бугорок вылезает из океана. Птицы летят нам навстречу. Удивительные, красивые птицы, обитающие лишь в этих широтах,— с красными грудками и длинными, вытянутыми, будто шпаги, хвостами. Летят над самой водой, быстро-быстро махая крыльями.

Мне уже доводилось бывать на знаменитом Серебряном острове, лежащем в теплых зеленых водах юго-западной части Индийского океана. Серебряным его назвали лет триста назад. Об острове ходили легенды, будто он весь напичкан серебром. И действительно, его обрывистые скалы сияют в лучах солнца, будто отлитые из благородного металла. Очень известный у мореплавателей и опас-

ный остров! Два столетия он был прибежищем пиратов. Тут, в его узких, окруженных коралловыми рифами бухтах, таились быстрые корабли джентльменов удачи. Не случайно они выбирали этот каменный кусочек земли в океане. Мимо него, обогнув Африку с юга, направлялись в далекую Индию груженные различными товарами английские корабли. А другие корабли шли с несметными богатствами из Индии в Европу — и все мимо Маврикия. До сих пор на острове находят клады, сохраненные в укромных местах морскими разбойниками, и в прибрежных водах — обломки разграбленных и потопленных фрегатов и каравелл.

Все ближе, ближе остров. Танкеры и сухогрузы на рейде, сияющая солнечными бликами гладь воды акватории порта Луи, обрывистые синеватые горы, шапки пальм, красная рябь черепичных крыш.

В клюзе гремит якорь-цепь, тяжелый лапчатый якорь бухается в воду. Она прозрачна, и видно, как якорь падает на грунт и поднимает мутное облачко.

Прибыли портовые власти.

— Может, пока суд да дело, мой помощник сгоняет на берег за почтой? — говорит капитан шипшандлеру. — Дадите свой катер?

— Пускай отправляется, — соглашается тот. Он отлично говорит по-русски. Учился в Москве. — В порту стоит моя машина. Сейчас напишу шоферу.

Я на катере. Бежит навстречу вода. Оглядываю знакомый пейзаж: пальмовый мысик справа, золотой пляж налево, впереди шпиль церкви Кассис-Чёрч, торчащий над черепичными крышами порта Луи у подножья горы Лапус. Пахнет землей, травой, нагретыми на солнце камнями... Больше двух месяцев после захода на Канарские острова мы провели в открытом океане, и сейчас я с волнением ловлю земные запахи.

Промчавшись мимо судов, стоящих на рейде и приварованных к бочкам в узкой горловине гавани порта Луи, катер подходит к деревянному пирсу набережной. Смуглые лица, пестрая одежда, говор, крики, свистки и гудки подваливающих к пирсу катеров. Как все непривычно после океана! Выхожу на тесную, забитую автомобилями, велосипедами и людьми припортовую площадь, разыскиваю красный автомобиль шипшандлера.

Широкое шоссе вьется по холмам. Горы. Охваченные пламенем красных цветов драконовые деревья у дороги, домики с маленькими окнами, зеленый океан плантаций тростника и энекеля, из волокон которого изготавливаются крепчайшие сизалевые канаты.

Когда-то на этом острове росли дремучие леса. Тут были красные, черные, эбеновые деревья. Теперь лесов на острове Маврикия нет: вырублены, проданы в Европу. Ныне на Маврикии зеленеют плантации сахарного тростника: остров — один из крупнейших в мире поставщиков сахара-сырца, патоки и винного спирта.

Ну вот и город Куарепипе. Проскакиваем его чистенькие улочки с двухэтажными домами, мчим мимо роскошных особняков и останавливаемся перед массивными железными воротами. В глубине тропического сада дом советского посольства...

Вечереет. Дневной зной спал, становится прохладнее, и воздух, с гулом врывающийся в раскрытые окна автомобиля, уже не жжет лицо. Быстрее, быстрее домой! Знаю, как меня ждут на танкере, всем не терпится получить весточку из дома. Вот они, два бумажных мешка с письмами!

Поворот, подъем... Показывается Порт-Луи. Океан, гавань, суда. Наш танкер на рейде. Машина ныряет в шум и гам узеньких улиц, и вскоре я стою на пирсе. Стою со своими мешками, оглядываюсь; катера шипшандлера нет, и вообще нет никаких катеров. Правда, метрах в пяти от пирса покачивается в волнах узкая, как пирога, шлюпка с белой надписью «Санта Маргарита». На корме сидит седой, высушенный временем мужчина в ветхой, изношенной одежде, а посреди шлюпки, широко расставив ноги, стоит с кожей шоколадного цвета курчавый мальчиконка в джинсах. Скрестив руки на груди, он внимательно глядит на меня и, улыбнувшись, кричит:

— Хеллоу! Вам на пароход?

— Мне на танкер. Но он стоит далеко. На рейде.— Я с сомнением осматриваю хрупкую посудину и гребца.

— Сэр! Это прекрасная лодка! — восклицает мальчик и для наглядности топает ногой. Посудина угрожающе кренится... — На этой шлюпке я могу перевезти вас хоть на ту сторону океана.

Еще раз осматриваюсь: катеров-такси не видно. Маль-

чик трогает за плечо Седого — так я прозвал про себя мужчину в шлюпке,— тот оживляется и начинает работать единственным кормовым веслом. Шлюпка ударяется о пирс, мальчуган выскакивает из нее и, подхватив мешки, тащит их в свое узкое хлипкое корыто. «Утопят они меня»,— мелькает мысль, но мальчуган уже тянет за руку, и я, шагнув в шлюпку, сажусь на мешки.

Отталкиваемся от пирса. Между верхом борта и водой с ладонь... Устраиваюсь поудобнее. Мальчик становится рядом со стариком и тоже берется за отшлифованное до блеска древко весла. Улыбается мне и говорит:

- Только не шевелитесь, хорошо?
- Дышать можно?
- Йэс! — разрешает мальчик.

Проносится белый катер, волна подбрасывает шлюпку. Мальчик перестает смеяться, вдвоем со стариком они направляют посудину наискосок волне. Слышу, как хрустит старый остов, и ругаю себя: с ума сошел! Лучше проторчать на пирсе часа три, чем путешествовать на этой развалине! Пускай-ка они поворачивают назад.

— Послушайте, моряки,— начинаю я и внимательно смотрю в лицо старику, вижу, что глаза у него закрыты. Веки плотно стиснуты, и по их краю багровеют рубцы, будто веки спеклись.

— У него нет глаз,— говорит мальчик, поймав мой взгляд.— Он слепой.

- Слепой?

— Соленая вода выела ему глаза. Видите ли, мой отец подводный охотник. С самого детства...

- Так это твой отец, а не...

— Отец. Очень старый, да? — вздыхает мальчик.— Но тут уж ничего не поделаешь. Так вот, с самого детства он добывал у кораллового рифа красивые раковины, кораллы и бриллиантовых рыбок. Видели таких? В воде они красиво переливаются. Он ловил их для аквариумов, сэр. А сейчас их ловлю я. Десять рупий штука, это очень дешево, я слышал, что в Америке эти рыбки стоят по сто долларов.

— Ты сказал, что вода выела твоему отцу глаза. Я такого не слышал. Ты ничего не придумал?

— Да, это так. Он все время нырял с открытыми глазами и на большую глубину. Там, на глубине, глаза сплющи-

ваются — так на них давит вода. И вот вначале он стал плохо видеть и чуть не попал в пасть акуле. Она плыла ему навстречу, а отец не заметил ее... — Мальчик перехватил. Мы разговаривали с ним на невероятном языке, в котором к основной массе английских слов примешаны испанские, немецкие, французские. Тем не менее мы понимали друг друга, хотя за точность перевода я не ручаюсь. — А потом глаза вдруг вытекли, вытекли из глазниц... Послушайте, может, вы купите у нас бриллиантовых рыбок?

Освещенный красным предзакатным солнцем, Седой старателльно гребет. Мы уже довольно долго ползем по бухте, а он еще ни разу не перехватил, не разжал пальцев, вцепившихся в рукоять весла. Мальчик вспотел, он то и дело утирает пот с лица, а на лбу и впалых щеках старика — ни росинки. Кажется, что ни капли влаги уже нет в этом усохшем теле. Сколько ему? Лет шестьдесят? Все отдано океану: долгие годы жизни, глаза.

Фырча старым мотором, нас догоняет пузатый, залатанный досками катер, груженный мешками. Они прикрыты сверху серым вылинявшим брезентом. На корме, возле чадящего двигателя, сидит пожилой мужчина в драной соломенной шляпе и невероятно грязной полосатой пижаме. Видимо, мотор часто барахлит, и после возни с ним шкипер вытирает масленые руки о пижаму.

— Хеллоу, литтл Дик! — окликает он мальчика. — Заработаешь сегодня, а?

Тот не отвечает. Налегает на весло.

Узкая акватория внутренней гавани порта Луи раздвигается. Вон мое судно. Плыть еще и плыть. Крупная зыбь, вкатывающаяся в горловину гавани, легко подбрасывает «Святую Маргариту» на своих горбинах, и мальчик, заметив на моем лице беспокойство, торопливо говорит:

— Вы не бойтесь, сэр! Мы много раз отвозили моряков на рейд — и всегда благополучно. Вот отец подтвердил бы, но он совершенно ничего не слышит.

— Не слышит?!

— Когда он ослеп, то все равно продолжал нырять. Он на ощупь отыскивал кораллы и раковины. А однажды он нырнул слишком глубоко, и у него лопнули барабанные перепонки.

— Как же вы живете?

— Да вот так и живем: океан кормит! Отец мне сказал,

что я и родился в океане, сэр, в раковине тридакны!.. — Мальчик смеется, сплевывает в воду. — Отец рассказывал: вынул он из океана громадную тридакну, а внутри нее лежу я!.. Это все враки, сэр, но я чувствую себя в воде как рыба. Я могу нырнуть на глубину в сто футов и проплыть под водой четыре минуты. Однажды... — Мальчик сморкается и, поглядев через мою голову, далеко ли еще до танкера, продолжает: — Однажды один европеец, я не знаю, кто он такой, узнал, что я ныряльщик, и говорит: «Просиди под водой пять минут — и получишь двадцать долларов!» И я нырнул прямо у пирса, ухватился за сваю и очень долго сидел под водой. Уже какие-то красные круги поплыли перед глазами, я уже чувствовал, что вот-вот задохнусь, но мне так хотелось получить двадцать долларов!.. И я захлебнулся. Какой-то моряк — он слышал наш уговор с толстяком — кинулся в воду и вытащил меня. Потом часа два я плёлся илом, сэр. Оказывается, я уже лежал на дне, когда моряк нашел меня... — Мальчик засмеялся, потом посупровел: — А тот толстяк не хотел отдать деньги! Говорит, что я пробыл под водой всего три минуты. Ну, тогда моряк схватил его за шиворот и так тряхнул, что тот сразу отдал деньги!..

Мальчик улыбается, сильнее налегает на весло, и шлюпка быстрее скользит по воде. Помочь бы ему, но я боюсь шевельнуться. Да и никогда ранее не приходилось мне грести вот таким способом: крутить веслом, укрепленным на корме в железном захвате, крутить из стороны в сторону.

— Сейчас будем на месте, сэр, — явно желая развлечь меня рассказами до самого танкера, произносит мальчик. — А пока я вам вот что скажу: вы что-нибудь слышали про корабль «Питер-Бот»?

— Этот корабль вез золото и серебро. Во время урагана он налетел на риф и затонул. Так, кажется?

— Все верно, сэр. Это произошло в тысяча шестьсот пятнадцатом году... Так вот, наш дом находится как раз напротив того рифа, где погиб «Питер-Бот». Многие искали сокровища, но не нашли. И вот... — Мальчик оглядывается и, понизив голос, сообщает: — Скажу только вам, сэр: я знаю великую тайну.

— Вот как?... — «Ахты лгунишк! — думаю я. — Ставлю сто долларов против одного, что сейчас ты сообщишь мне,

где находятся сокровища погибшего корабля. Интересно, сколько уже моряков, которых тебе приходилось возить на своей утлой посудине, знают эту тайну?» — Ну, выкладывай.

— Вы напрасно улыбаетесь, сэр. Когда «Питер-Бот» сел на риф, моряки с корабля попытались вывезти часть золота на берег. Шлюпка разбилась, и все утонули! И два сундука с золотом упали среди рифов...

— Ты начитался приключенческих книжек. Не так ли, малыш?

— Чтоб сгинула наша «Святая Маргарита»! — воскликает мальчик и топает ногой. — Чтоб она сгорела, если я вру! Дед еще совсем молодым узнал об этом от одного ныряльщика. А тому тайну доверил працадед! Вот! Дед поселился возле того рифа и все искал, искал... А теперь и я... Честное слово, я не вру. Приезжайте на пляж Фликан-Фляк, там мы живем с отцом, и я вам кое-что покажу.

— Осторожнее, катер!

— И я уже кое-что нашел, сэр! Я нашел бутылки с ромом с того корабля. Они все обросли ракушками, а ром чуть солоноват. Уж так и быть, продам вам одну, всего за двадцать рупий.

— Спасибо. Обязательно побываю у тебя.

— Только приходите вначале один. Мы поплывем к рифу, и я вам покажу, где среди кораллов лежат те бутылки...

— Не устал еще?

— Ну что вы, сэр! Мы работаем с отцом, как машины!

Зыбь становится крупнее. Кричат, отыскивая в воде корм, чайки. Акула-молот проплывает невдалеке от лодки, и нам хорошо видна ее плоская, будто расплащенная в лепеху голова с большими, воловыми глазами и длинное серое тело.

Мальчик устал. Смолкнув, он торопливо дышит. Лицо Седого неподвижно. Вспаханное морщинами, похожее на губку, оно, наверное, уже потеряло способность улыбаться, морщиться, хмуриться. Сквозь прорехи в рубашке виднеется темное тело.

Вахтенный матрос сбегает по трапу к самой воде, принимает от меня мешки с почтой, а потом придерживает шлюпку, пока я вылезаю из нее.

— Пойдем поужинаем,— говорю я своему новому знакомому.— Забирай своего отца.

— Сэр, если вы думаете, что я все соврал, то нам не надо никакого ужина и оплаты за проезд,— с достоинством говорит мальчик.— Лучше я вернусь в порт.

— Мы приедем к вам в гости и еще поговорим. Хорошо? — Я протягиваю мальчику руку.— Ну же, не упрямься!

— Хорошо. Я угощу вас супом из устриц и кальмаров,— говорит мальчик.— Только вы обязательно привезжайте к нам.

Он помогает отцу выбраться из шлюпки, мы поднимаемся по трапу, и я веду их к себе в каюту помыть руки перед ужином.

Стихает на судне. Представители властей, оформив необходимые документы, отправляются на берег. Спущен карантинный флаг. Теперь можно увольнять команду в город и заниматься торговыми операциями. К сожалению, придется еще некоторое время поторчать на рейде: топливный пирс, а он в порту один-единственный, занят либерийским танкером. Наш черед за ним. Жаль терять время, но что поделаешь: все в руках фирмы «Шелл», которая будет наполнять емкости нашего судна топливом.

Не хотелось отпускать мальчика, и мы долго бродили с ним по судну: побывали в машинном отделении, во всех салонах, в ходовой, штурманской и радиорубке. Пожалуй, мы уже сдружились, он вел себя сдержанно, с достоинством. Мальчик Дик, и отец у него тоже Дик. Знакомые рыбаки так и зовут их: Литтл Дик — маленький Дик и Биг Дик — большой Дик. Маленький!.. Ну какой же он маленький, когда ему уже двенадцать лет?

Потом мы устроились в моей каюте. На диване, вжавшись в угол, спал Большой Дик, и я рассказывал мальчику про наше далекое путешествие с Черного моря, и про ураган возле мыса Игольного, где мы почти трое суток держались носом на ветер, и про мою Родину, где такие мальчики, как Дик, учатся в школе, а не зарабатывают себе на хлеб тяжким каждодневным трудом. Я рассказал Дику про пионерский лагерь «Артек», говорил еще и о том, что, живи он, Дик, в нашей стране, государство взяло бы и его, и Большого Дика на попечение: в детских домах моей страны ребятишек и одевают, и обувают, и кормят, и еще

бесплатно обучаются разным специальностям, водят в кинотеатры и цирки.

— Я слышал о вашей стране, сэр,— сказал мальчик.— Это все как сказка. Но я верю вам, верю! И знаете что? Когда я впервые услышал об этой удивительной стране, я решил туда отправиться на своей лодке.

— Да ты что? Это слишком далеко! — воскликнул я.

— И все равно я решил туда отправиться, сэр,— убежденно произнес Дик.— У меня уже есть парус. Сейчас с Большим Диком мы делаем мачту. Мы возьмем с собой пресную воду, галеты и рыболовные снасти. И поплывем. От острова к острову, все на север, все на север!

— Не фантазируй,— строго сказал я ему.

— Нам пора.— Дик потряс за плечо отца.

Стоя у иллюминатора, я долго глядел, как лодка, окунаясь в фиолетовые сумерки, ползла по рейду в сторону порта. Мы подарили мальчику тельняшку, а большому Дику — рубаху и легкие летние брюки. Все. Уж не видно их лодки. Можно разобрать почту.

Письма! Радостна для моряка весточка, полученная им в океане с далекой Родины! Вались на койку, верчу в руках и разглядываю толстые и тонкие конверты. Шуршит бумага. Читаю письма вначале торопливо, а потом медленно перечитываю. Дома все в порядке. Там ждут, когда закончится наш рейс. Не скоро еще закончится! Забункеровавшись на Маврикий, мы отправимся в южные широты. Где-то там промышляет Камчатская рыболовная флотилия. Снабдим их топливом, вновь вернемся на Маврикий, а уж потом через Сингапур возвратимся на Родину.

Небо абсолютно чистое, но шипшандлер мистер Томас, который встречает нас у проходной порта, озабоченно говорит:

— Быстро в автобус! Будет ливень! Автобус стоит на припортовой площади. Идите, я сейчас.

Помахав портфелем, мистер Томас забегает в небольшое здание таможни. Какой ливень? Солнце светит вовсю. Только над горой Ла-Пус кружится белесая, лохматая тучка.

Неторопливо идем по дощатому пирсу, осматриваем пришвартованные к нему катера и старинную пушку, которая стоит у дома капитана порта.

Небо вдруг темнеет, и на каменные плиты площади обрушивается теплый ливень. С хохотом бросаемся под толстенное кряжистое дерево, растущее у края площади, возле почтамта. Его корона такая густая, что ни одна капля не может пробиться через листву к земле. Только удивительно: никого под деревом, кроме нас, нет, хотя рядом, на ступеньках почтамта, теснится большая шумная толпа маврикийцев. Странно еще и то, что некоторые из них машут нам руками: мол, идите сюда, ну что вы торчите под деревом? Мы улыбаемся в ответ, отрицательно качаем головами: да нет же, нам и тут хорошо!

Матросы закуривают. В кроне дерева перекликаются незнакомыми для нас голосами птицы. С толстых, покрытых морщинистой корой ветвей свешиваются плоды, похожие на крупные дыни. Мы принюхиваемся к приятному, терпкому запаху, исходящему от дерева. Может, это пахнут плоды? Они, наверно, очень вкусные, и, возможно, маврикийцы опасаются, что мы начнем их рвать.

Дождь так же мгновенно прекращается. Порыв ветра проносится над крышами домов, лужами и нашим прекрасным убежищем. Вдруг одна «дыня» отрывается и падает на камни. Мы высакиваем из-под кроны. Б-бам! Б-бам!.. Туго, сочно ударяются и разбиваются вдребезги тяжеленные плоды. Светит солнце. Небо чистое, ни тучки. Жарко дыша двигателем, автобус выбирается из теснине площади и втискивается в узкое русло улички. Едем на экскурсию. Вначале в парк Виктории, потом в местный музей, а затем на побережье, к рифу Флик-ан-Фляк, где-то там и живет мой новый маврикийский знакомый Дик.

В парке влажно и душно. Рубахи прилипают к телу. Мы бродим по каменистым дорожкам парка, где, как утверждают проспекты, собраны абсолютно все растения и деревья тропиков. Любуемся пальмами, диковинными цветами и листьями-плотиками водяного растения виктория-регия. На такой лист, размером с таз для варки варенья, может встать ребенок, и лист удержит его. В мелких озерках снуют толстые рыбыны, а по зеленым подстриженным лужайкам парка неторопливо ползают громадные «слоновые» — так они называются — черепахи. Я уже кое-что читал про них и рассказываю товарищам:

— Лет триста назад черепах на острове было множество. Однажды у острова бросил якорь английский корабль.

Моряки увидели черепах, поймали несколько и кинули в трюм, чтобы показать дома эту диковинку. Корабль вышел в рейс. Он пробыл в море еще несколько месяцев. А про черепах забыли. Когда корабль пришел в порт и его стали разгружать, грузчики вдруг с криками выскочили из трюма: там какие-то чудовища! Удивительно — черепахи были живы-здоровы! А ведь их не кормили, не поили... В следующий рейс капитан корабля, лишь судно оказалось на острове Маврикий, приказал наловить несколько десятков черепах. Во время рейса их съели. Мясо у черепах оказалось жестковатым, но вкусным.

С тех пор любой корабль из тех, что оказывались у берегов острова, обязательно увозил с десяток черепах. К началу нашего века на острове сохранилось всего несколько животных. Теперь они находятся под охраной государства. Тут их разводят и продают в разные зоопарки мира.

— На берег бы океана! — предложил кто-то из парней.

— На полчасика заглянем в местный музей, — говорю я. — Посмотрим там птицу додо.

А вот птиц додо люди все же съели. Бескрылых, величиной с индюка птиц додо на острове было множество, они были малоподвижны, очень доверчивы и ленивы. Моряки били их палками и тащили на корабль. Вот она, эта птица додо, вернее, единственное в мире чучело этой птицы, сохранившееся в музее острова Маврикий!

Стоим возле витрины, разглядываем толстую, будто на-дущую воздухом птицу. Тут же небольшой портрет некоего моряка по фамилии Свеннсон. «Я съел последнюю в мире птицу додо!» — вот что написано под портретом самодовольного моряка. Есть чем гордиться!

Музей интересен: такая тут богатейшая коллекция раковин моллюсков! Но морякам не терпится на воздух, на побережье океана, и мы спешим к автобусу.

Через час езды, колыхаясь по разбитой проселочной дороге в клубах легкой желтой пыли, автобус вкатывается под кроны пальм. Слева горы, справа ослепительно белый — невозможно глядеть, не щуря глаза, — песок изогнувшегося дугой пляжа, а далее — ширь океана. Метрах в пятидесяти от берега кипит широкая полоса воды — риф. Перед рифом вода ярко-зеленая, дальше — темно-синяя: там начинаются глубины.

Автобус уходит. Парни сдирают с себя сырье от пота рубахи, шорты, джинсы. Всем не терпится ринуться в воду, но ядерживаю их.

— Океан — не пруд и не речушка с пескарями, — говорю я. — И если хотите вернуться домой на своих ногах, а не на костылях из красного дерева, то слушайте внимательно. Во-первых, без обуви лезть в воду нельзя. В песке могут быть осколки раковин, сами раковины с очень острыми шипами, морские змеи, зарывшиеся в песок, ядовитые рыбы и прочая тропическая живность. Не заплывайте в заросли кораллов. Это как лабиринт: туда вплывешь, а обратно не выплынешь. Следите, нет ли акул и барракуд! Не хватайте руками рыб: каждая из них может быть защищена ядовитыми шипами.

Моряки, как дети, несутся к воде.

А где же хижина Дика? Осматриваюсь. Куда пойти его искать — налево или направо? Захватив маску, трубку для ныряния и ласты, иду вдоль берега. Не терпится броситься в воду и поплыть к рифу, но я хочу найти мальчика. Наверняка он знает, где самые интересные места у рифа, где обитают моллюски с красивыми раковинами. Вот бы найти ципрею или хотя бы небольшую тридакну. Но я же не предупредил ребят, что тут, у коралловых рифов острова Маврикий, обитают гигантские моллюски тридакны! Раскрыв свои створки, каждая из которых величиной с большое блюдо, тридакны процеживают через нежные жабры воду, отлавливая мельчайших обитателей океана. Стоит наступить ногой в такую ракушку, как створки, будто гигантские челюсти, смыкаются... Хотя вряд ли возле этого пляжа обитают подобные моллюски. Всех уж, наверно, выловили. Ведь гигантская тридакна — желанное украшение любого зоологического музея.

— Хелло-оу-уу!.. Сэр, вы приехали? — слышу я звонкий от радости голос.

Оборачиваюсь. Бежит ко мне по берегу мальчишка, размахивая руками. Ну конечно, это Дик. Подпрыгивая, он подбегает и протягивает руку.

— Я не думал, что вы приедете так рано. Пойдемте ко мне, я покажу вам наш дворец.

— А на риф ты меня сводишь?

— Конечно! — Он поворачивается лицом к океану, оглядывается по сторонам и говорит, понизив голос: —

Сэр, вот тут, за рифом, он лежит. Да-да, вот тут и покоится знаменитый «Питер-Бот»...

— Но его же наверняка искали многие экспедиции, малыш.

— Конечно, искали! И нашли!.. Обломки «Питер-Бота» и пушку с него можно увидеть в музее. И говорят, когда его нашли, то из разбитых трюмов подняли много сундуков с золотом.

— Что ж теперь?

— А то... — Мальчик останавливается, смотрит мне в лицо, сощурив глаза, размышая, сказать мне что-то очень важное или промолчать, и, приподнявшись на носки, громко шепчет: — А то, сэр, что когда «Питер-Бот» выскочил на риф, он затонул не сразу. И пираты стали вывозить сундуки с золотом на шлюпке. Были сильные волны, сэр, и шлюпка перевернулась. Понимаете? Я уже это вам говорил, но вы невнимательны, сэр, она перевернулась!.. Вот что знаю я и мой отец... Ну, а теперь и вы. Прошло много лет, сэр, над сундуком вырос коралловый лес.

Мальчик смотрит в океан, вздыхает. «Фантазер», — думаю я, а сам уже представляю себе тяжелые, окованные медными полосами сундуки, обросшие кораллами... Попробуй-ка найди! Мальчик трогает меня за руку и говорит:

— Вы, конечно, всему этому не верите, сэр, порой и я тоже. Но я вам кое-что покажу. Идемте же.

Среди пальм показывается домишко, поставленный на сваи. Он сколочен из старых досок, а крыша сложена из широких, сухих пальмовых листьев. На площадке перед дверью на обрубке бревна сидит Большой Дик. Возле него грудой навалены мелкие и крупные раковины тридакны, витые тритоны, золотистые, в коричневых крапинках, раковины каури. На стене дома висят белые ветки кораллов. От них исходит терпкий, морской запах. Ближе к воде виднеется шлюпка «Санта Маргарита». На ее левом борту свежая заплата из отшлифованной доски.

Опускаю на плечо Большого Дика руку. Тот кивает: «Здравствуйте».

Дик зовет меня в дом. У одной стены — стол, два плетенных стула, две кровати. Керосиновая лампа свисает с потолка, на полках лежат раковины, наверно уже подготовленные к продаже. Из-за одной раковины вдруг выглядывает чья-то плоская голова. Я невольно отшатнулся: змея?

Мальчик смеется, подставляет стул, шарит на полке и простирает мне руку. В ней, сжатая пальцами за шею, упруго шевелится крупная, сантиметров в двенадцать, толстая, с коротким хвостом, ящерица.

— Это Гук,— говорит мальчик.— Домашняя ящерица.

— Домашняя?

— Ну да. Они живут почти в каждом доме. Ползают по стенам и потолку. Ловят разных насекомых. Иди, Гук, трудись!

Дик будто прилепляет ящерицу к стене, особое устройство на лапках позволяет ей ходить даже вниз головой, а сам с таинственным видом ищет что-то среди раковин, доносит тряпочку, разворачивает и протягивает мне сжатый кулак. Я с опаской поглядываю на него. Какой еще сюрприз приготовил? Несколько мгновений не разжимая пальцев, Дик глядит мне в лицо. Потом пальцы раскрываются. На ладони матово сияет тяжелая на вид золотая монета.

— Это настоящее золото,— говорит Дик.— Попробуйте на зуб. Я нашел ее среди рифов. Вы понимаете? За эту монету я куплю запасной парус и мачту, я уже договорился. И поплыем мы в вашу страну!

— Дик, послушай меня внимательно,— обеспокоенно говорю я.— От острова Маврикия до моей страны многие тысячи миль. И потом, в первый же штурм твоя ветхая «Маргарита», хоть она и святая...

— Я уже все решил. А когда я что-нибудь решил, уж не отступлюсь! — сурово говорит Дик.— Я устал, сэр, от такой жизни. Что ни день, то одно и то же: где добыть еду? Я хочу учиться в школе, но...— Дик отворачивается, завертывает монету в тряпицу, прячет ее на полке. Соскакивает со стула. Он опять весел.— И потом, я люблю путешествовать! Вот мы и будем плыть, плыть, плыть! Пойдемте, покажу вам свое хозяйство, а потом мы отправимся на риф.

Возле дома растет несколько кокосовых пальм. Дик хлопает ладонью по стволу то одну, то другую и рассказывает:

— Эти пальмы дают орехи и вкусное кокосовое молоко. И листья — для крыши. А там растут бананы. Жаль, что они еще зеленые. Их можно есть сырыми и жареными, из них можно варить суп, а из молодых побегов делать салаты. А вот та пальма — сахарная. Видите, из нее в бутыль стекает сок? За день два литра набегает сладкого-сладкого

сока. Да вы попробуйте! Вкусно?.. Конечно, конфеты вкуснее, но все же... Идемте.

До чего же сегодня жаркий, душный день!

В кронах пальм порхают, перекликаются звучными голосами ярко-красные птицы. Их возле дома Дика много, как воробьев. Захватив маску с треснутым и замазанным варом стеклом, трубку (ластов у него нет), Дик ведет меня к океану. Он с завистью трогает мягкую резину моих ластов, ощупывает великолепную дыхательную трубку. «Да, с таким снаряжением ему было бы легче вести свои поиски... — думаю я. — Однако побыстрей бы в воду, невозможно как жарко».

— Плыvите все время за мной, — говорит мальчик, когда мы входим в воду. — Только я знаю, как пройти через риф к глубинам.

— Только не слишком быстро, — прошу я, — а то отстану и заблужусь!

Ныряю. Вода теплая и необыкновенно прозрачная. Кажется, что можно разглядеть любую песчинку, лежащую на дне, и кораллы. Отдельными ветками и большими кустами они растут на песке. А это что?.. Змея?.. Испуганно шарахаюсь в сторону, всплываю и, лежа на поверхности воды, гляжу вниз: на песке едва приметно извивается толстая и длинная, вся в бурых полосах, метровая змея. Оглянувшись, мальчик возвращается, смотрит на змею, ныряет и хватает ее. Мне кажется, что сейчас она резко обернется и вонзит ядовитые зубы в руку Дика, но змея не оказывает никакого сопротивления, вяло болтается, как грязная, толстая веревка. Мальчик протягивает ее мне: вместо головы у «змеи» пучок тонких, будто нити, усиков. А, это же голотурия, безобидный подводный обитатель, сосущий этими жгутиками-нитями всякую мелкую придонную живность.

— Поплыли дальше! — зовет меня мальчик.

Кораллов становится больше, кусты их поднимаются выше, это уже не кусты, а небольшие деревья, дотянувшиеся вершинками до самой поверхности воды. Сколько тут всевозможных рыб! Мелкие пестрые рыбы-бабочки и громадные, до метра, рыбищи стаями кружат возле кораллов. Я слышу несущийся со всех сторон звонкий хруст, а приглядевшись, понимаю, в чем дело: рыбы грызут отростки кораллов. Если присмотреться, то каменные тела коралло-

вых деревьев как бы покрыты прозрачными трепещущими лепестками, это и есть животные: коралловые полипы. У них тончайшие жабры, через которые они фильтруют воду, добывая себе пищу.

— Осторожно! — машет рукой мне мальчик.

Он показывает пальцем вниз, и я вижу несколько пестрых, красивых рыб. Шоколадно-голубые пятна, прозрачные грудные плавники похожи на легкие кисточки ковыля. Это крылатки. В легких ковыльных крыльях-плавничках крылатки скрыты ядовитые шипы. Человек, уколотившийся о шипы крылатки, умирает мгновенно. Поэтому у этой рыбы в океане нет врагов. Любая рыба, будь она хоть в десять раз крупнее, уступает ей дорогу.

Все дремучее коралловый лес, проходы в нем все уже. Мы отплыли далеко от берега и углубились метров на восемьдесят в заросли кораллов. Не запутается ли мальчик в этом лабиринте? Будто поняв мое беспокойство, Дик машет рукой — плывите смелее, со мной не пропадете! И я плыву следом по узким коридорам-просекам в коралловом лесу, любуясь удивительными картинами подводного царства. Чем дальше в коралловые лабиринты, тем обильнее жизнь, тем больше всевозможных рыб. Вот из-за поворота неторопливо, будто в полусне, выплывают черно-фиолетовые помакантусы, которых за их красоту еще называют ангелами. Широкие, как черные тарелки, плывущие торчком, помакантусы оглядывают нас желтыми глазами и вдруг становятся... зелеными. Они меняют свой цвет! Теперь это не черные, траурные рыбы, а драгоценные камни, переливающиеся зеленым цветом. Дик плывет рядом со мной, заглядывает мне в лицо, глаза его за стеклом маски весело щурятся: видел ли я когда-нибудь такое? Нет, никогда не видел! А помакантусы опять становятся черными. Шевеля толстыми губами, будто неслышно спрашивая: «Эй, Дик, кого ты сюда привел?», они плотной, дружной стаей проплывают мимо и исчезают за нашими спинами.

На белом песке лежит большая глыба. Вся она покрыта веерами мягких оранжевых кораллов — горгонией, среди которых желтовато светятся глубокие извины кораллов-мозговиков. Вокруг глыбы, будто бабочки над цветущим лугом, порхают мелкие, величиной с мизинец, ярко-синие рыбки. Они резво поворачиваются, и чешуя их вспыхивает

пронзительным синим пламенем. Дик становится на глыбу, подзывает меня. Стягивает маску и говорит:

— Бриллиантовые рыбки. Тут я их ловлю. Все это — мое владение. Я король кораллового рифа! — Он смеется.— Да-да, не улыбайтесь. И знаете, почему все это принадлежит именно мне?

— Почему же?

— А вы поглядите вокруг!

Осмотриваюсь. До берега с полкилометра. И добрую половину этого простора занимает риф. Он беловато просматривается через воду. Когда волна прокатывается через него, из воды выскальзывают острые, как ножи, отростки кораллов. И в сторону моря метров на сто простирался риф. Я все понял и с уважением поглядел на моего отважного приятеля, нищего мальчугана, короля кораллового рифа: он завел меня в самую середину! Не выберешься теперь отсюда, разве можно разобраться в подводном лабиринте? А по верху рифа не пройти. Волны швырнут тебя на острые штыки-отростки, и через несколько часов ты станешь вкусным блюдом рыб и крабов. Я невольно побежался: а ну как и он заблудился?

— Вы все поняли? — торжествуя, спрашивает мальчик.— Лишь один я да отец знаем этот лабиринт. Тут мое государство, оно кормит меня, спасает от нужды... И вы еще многое не видели. Поплыли!

— Слушаюсь!

Я натягиваю на лицо маску, и мы плывем дальше. Проходы порой расширяются, и мы оказываемся на живописных подводных лужайках. Одна из них была сплошь покрыта мелкими и крупными моллюсками, известными у собирателей раковин как кассисы. Раковины этих моллюсков очень живописны: светло-оранжевые, с узкой зубовидной щелью-отверстием, в которое моллюск высывается. Встречались нам и другие моллюски, с не менее красивыми раковинами. То были «пауки». Раковины у них покрыты многочисленными длинными отростками. Глаза разбегаются! Сколько же их тут?

Дик высовывает голову из воды и говорит:

— Если я не нахожу раковин в других местах побережья, плыву сюда. Знали бы вы, сколько раз меня выселяли другие ныряльщики! — Мальчик смеется.— Они подглядывают с берега в бинокль. Плывут за мной...

Однажды трое заблудились в коралловом лесу. Бултыхаются, кричат: «Дик! Выведи к берегу. Спаси! Мы больше не поплыем за тобой следом!»

— Выведешь меня?

— ...Вывел я их. Спас. Да и вы не бойтесь, я тут с закрытыми глазами могу плавать.

— С закрытыми?

— Конечно! Знаете, я боюсь: а вдруг и с моими глазами случится то же, что и с глазами отца? Что тогда делать? Вот и тренируюсь. Закрою глаза и плыву, плыву... И выбираюсь назад.

Он ныряет. Поднимает одного моллюска, другого. Показвывает мне: «Нравится?» Я киваю: «Да, очень нравится». И Дик кладет одну из раковин в свою сумку. Плывем дальше. Минуем совсем узкий проход и видим длинную полянку, испещренную полосами и множеством чьих-то следов. Кто живет тут? Дик манит меня: «Ныряйте за мной», плывет над самым дном: «Глядите!» В основаниях коралловых деревьев темнеют отверстия. Из многих торчат какие-то тонкие длинные хлыстики. Шевелящиеся хлыстики. Э, так ведь это усы! Мальчик опускается на дно, хватается за основание мощного кораллового дерева, стучит по нему рукояткой ножа, и из норы вдруг высекивает крупный рак-лангуст. Дик ловко ловит его и сует в сумку. Потом он поймал еще одного лангуста. Вынырнул, отдохнул.

— Тут живет несколько сотен лангустов, — говорит он. — Когда становится совсем туго, я добываю десяток-полтора для ресторана «Морской конек». А сегодня мы с отцом угостим лангустами вас.

А какие тут морские звезды! Я и не видывал таких. Шиповатые, золотисто-желтые, будто выпленные из воска, они группами лежат на песке, как бы копируя звездное небо. Ну да, вот же созвездие Лебедь, а чуть подальше — Южный Крест! Созвездие морского дна...

Однако где же Дик? Я осматриваюсь. Пропал мальчик! Быстро плыву вперед, но вскоре достигаю кораллового леса, стоящего стеной, и плыву вдоль него, отыскивая прогалинку, в которой исчез Дик. А, вот она! Вплываю в узкий проход, поворот, еще один и... тупик. Поворачиваю назад, вот еще один проход. Скорее же! Может, он и не заметил, как я отстал? Заблужусь так, что и Дик не разыщет. Что было силы спешу по другой просеке, но вскоре

опять вижу, что попал в тупик. Становится страшно. Выныриваю. Оглядываюсь. Пенные волны с жестким, злым шипением прокатываются через риф. Острые белые отростки, как ножи, высовываются из воды: «Попался? Тут ты и останешься навсегда...»

— Ди-и-ик! — кричу я. И вздрагиваю, дергаюсь что есть силы, почувствовав, как кто-то притронулся к моей правой ноге.— Дик, ты?

— Да я же за вами все время плыл! — Мальчик хохочет.— Вы поворачиваетесь, а я шмыг в кораллы. Испугались?

— Испугался,— честно признаюсь я.— О, король, не оставляй меня одного!

— Плывите за мной, и я покажу еще кое-что в моем королевстве.

Теперь я уже не верчу головой вправо и влево, не замираю над какой-нибудь красивой ракушкой. Плычу следом за Диком, стараясь не отстать от него ни на метр. Что он еще хочет показать? Чем удивить? Проход расширяется, впереди виднеется не поляна, а обширное подводное поле, над которым кружат косячки рыб. Вот будто отлитые из серебра и на вид тяжелые, как серебряные болванки, стрелятельно проплывают с десяток макрелей. Я догадываюсь, что мы находимся у самого края рифа. Где-то вблизи начинаются океанские глубины, потому что эти рыбы избегают мелководий.

Дик зовет меня, ложится на воду, широко раскинув руки и ноги, я рядом с ним. Отдышились. Солнце припекает. До берега далеко, и мне опять становится немного не по себе: все же это океан, а не озеро. Дик говорит:

— Сейчас я позову Брума. Вы не пугайтесь.

— Брума? Кто это?

— Брум — это большой морской окунь. Случается, они вырастают в длину до двух метров. Но мой приятель Брум молодой и совсем небольшой, чуть больше метра.

— У этих окуней на спине целый частокол колючек, да?

— Десяток костяных кинжалов! Если кто его осмелится тронуть, окунь бросается на врага и бьет этими кинжалами. Глядите.

Дик ныряет, цепляется за обломок рифа и рукояткой ножа быстро и дробно колотит по нему. Дам-дам-дам! — звонко разносится подводный сигнал. Дам-дам-дам!.. Дик

всплывает. Волны раскачивают нас, подносят к краю рифа. Ну что же? Где он, подводный приятель Дика? Мальчик протягивает руку в сторону океана, и я вижу, как к нам приближается большущая толстенная рыбина.

Дик ныряет, я следую за ним. Ну и чудовище! Совсем вблизи вижу массивное черно-буровое, покрытое крупной чешуей тело, громадную губастую башку с большими глазами и на спине веер костяных колючек, стянутых кожистой перепонкой. Вода увеличивает, и рыбина кажется мне гигантской, а Дик, плывущий рядом с окунем, совсем маленьким и таким беззащитным. А ну как этот окунь развернется да кинется на мальчугана? Но окунь и не думал бросаться на мальчика. Он будто застывает в полуметре от дна, а Дик трогает его, гладит по башке, спине, и окунь, словно от удовольствия, шевелит широкими грудными плавниками. Дик легонько шлепнул окуня по крутому боку и хватается за спинной плавник. Окунь вдруг стремительно поплыл и потянул за собой мальчика. Я спешу следом, но где там! Он же утянет Дика в океан! Мальчик и окунь исчезают из глаз, но вскоре я вновь вижу их. Дик хлопает окуня по боку — плыви! — а сам выныривает возле меня. Лицо его возбуждено. Он быстро говорит:

— Как здорово он меня тащил! Если бы я захотел, он бы притащил меня прямо в Порт-Луи. Вот было бы здорово! — Он передохнул. — Но я боюсь. Увидят Брума подводные охотники и начнут за ним охоту.

— А как ты с ним подружился?

— Да очень просто! Года два назад я впервые увидел его тут. Подплыл. Он глядит на меня. А я ему мертвую рыбку протянул. Он и взял. Вот и стал я каждый раз ему что-нибудь приносить. Красавец, да?

— Дик, я уже немного устал.

— Только «Питер-Бот» вам покажу, и возвращаемся.

Становится все глубже. Мы уже возле края рифа. Дик показывает вниз рукой, и я вижу какой-то бугристый холмик, тянувшийся по дну в сторону океана. Мы плывем над этим холмиком, глубина увеличивается, и вдруг открывается провал. Дик ныряет, я следом. Вода давит на барабанные перепонки, в ушах звенит. Делаю несколько глотательных движений, выравнивая давление, и опускаюсь на каменистый грунт возле «холмика». Мальчик держится за него руками. Присматриваюсь. Так ведь это якорная цепь, вся

покрытая наростами кораллов и ракушечника, как бы на-мертво приросшая к камням! Выныриваем. Вновь уходим под воду и плывем над цепью. Дик легко, как рыба, устремляется за ней в синеватую пропасть, на дне которой угадываются черные груды обломков. Напрягаю зрение. Догадываюсь, что там, в фиолетовой звенящей глубине, и по-коится заросший кораллами и горгониями пиратский корабль «Питер-Бот».

Выныриваем. Долго лежим на поверхности воды. Дик вновь ныряет, его фигурка как бы растворяется в фиолетовой глубине. Ныряю за ним. Вижу, что мальчик уже плывет над самой палубой, что-то трогает там, и с палубы поднимается мутное облачко. Какая же там глубина? Метров двадцать? Не попытаться ли и мне донырнуть до «Питер-Бота»? Погружаюсь все глубже, глубже, глубже... Бешено бьется сердце, дыхания не хватает, но, будто позабыв об опасности, я все плыву и плыву вниз: ведь Дик может, почему же я не могу? И вдруг вижу, как снизу прямо на меня несется Дик, вижу его испуганные, вытаращенные глаза, он хватает меня за руку и тянет за собой. Задыхаюсь. Сейчас раскрою рот, и весь океан вольется в мои легкие! Мне кажется, что до поверхности океана далеко, как до неба... Свинцовый полог мерно колышется в такой безумной выси, что мной овладевает ужас: не доплыть!.. Вот сейчас я раскрою рот, вот сейчас...

Метрах в трех от поверхности я все же раскрываю рот, глотаю воду, выныриваю, кашляю, опрокидываюсь на спину. Дик плывет рядом, поддерживает меня за шею. Подняв маску, заглядывает мне в лицо. Кричит:

— Зачем вы пошли в глубину? Это я могу, а не вы!

— Да-да, прости! — выкрикиваю, выкашливаю я слова вместе с горько-соленой водой. — Какое-то... кха-а... затмение нашло... будто и я, как рыба, как ты... могу...

— Такое и со мной бывает, — громко говорит Дик. — Вот, кажется, могу раскрыть под водой рот и задышу, как рыба... Ну что, к берегу?

Возвращаемся. Кружим по коралловым лабиринтам. Мальчик уверенно плывет впереди меня, легко находит лишь ему известную дорогу. На одной из полянок Дик показывает мне несколько тридакн. Становится мельче, теплее. Мы уже выбрались из кораллового леса, подо мной глубина метра полтора. Мальчик плывет впереди, а я чуть

поодаль. И вдруг вижу еще одну тридакну. Она намного мельче тех, что таятся в глубине. Моллюск лежит в пещере — углублении кораллового обломка. Видно, забравшись туда еще маленькой, тридакнаросла,росла и вот выросла до таких размеров, что теперь ей уже не выбраться из пещеры. Трепещет слизистое нутро моллюска, зияет своей розовой мякотью. «Интересно, вытащу ли ладонь, если створки сомкнутся?» — думаю вдруг я. Протягиваю руку и сую пальцы внутрь раковины. Створки мгновенно сжимаются, я вскрикиваю от боли. Соленая вода рвется в горло, кашляю, тяну руку, но раковина плотно сидит в коралле. Волоку его вместе с раковиной, вдыхаю воздух, погружаюсь. Дергаю руку — не тут-то было!.. Подхватив обломок коралла, ташу его на более мелкое место, опускаю на дно и, нелепо изогнувшись, кое-как высунув голову из воды и выплюнув трубку, зову мальчика.

Он спешит ко мне. Ныряет. Выдергивает из ножен длинный узкий нож, просовывает его в щель между створками, нажимает, перерезая мышцы моллюска, и я освобождаю руку. Плычу к берегу, ругаю себя, смеюсь над собой: экспериментатор!.. Потираю посиневшую ладонь. Теперь я верю, что если человек попадет ногой в распахнутые створки гигантской тридакны, он может считать себя обреченным.

...Возле «дворца» Дика в черном котле, поставленном на камни, кипит уха, сваренная из доброго десятка видов экзотических рыб, моллюсков, которые могли бы стать великолепной коллекцией для любого музея. Большой Дик помешивает в котле деревянной ложкой. Мальчик требует, чтобы я привел всех моряков, и убегает к соседям за посудой, а я отправляюсь за ребятами.

Вскоре мы собираемся у хижины, расстилаем на сухой пожухлой траве чистый брезентик. Подпекшиеся на солнце парни рассаживаются кругом и шелестят бумагой, распаковывают свертки с хлебом, консервами, колбасой иваренной картошкой. Сияющий, добрый и ласковый ко всем нам Дик разливает пахнущую морем и перцем уху в жестяные миски.

— Когда вы приедете завтра? — спрашивает меня Дик, провожая нас к автобусу.— Завтра я покажу, где можно найти раковины-жемчужницы.

— Дик, завтра мы уходим,— говорю я.— В Антарктику. Но если мы опять побываем на Маврикии, я разыщу

тебя. И вот что еще: держи ласты, маску и трубку. Бери, бери! Теперь все это твое, на память.

Мальчик не может говорить от радости. Прижимая подводное снаряжение к груди, он глядит, как автобус разворачивается под пальмами. Потом вдруг срывается с места и бежит следом, выкрикивает какие-то слова...

И снова мы в океане. Кажется, что никакого острова Маврикий не было, наверно, нам все это приснилось: и синее небо, и зеленая вода, и горячее солнце. Неужели совсем недавно, когда кондиционер сломался, мы задыхались от жары в своих каютах, и капитан каждый час дергал стармеха: «Дед, когда будет холод?»

Сутки за сутками мы углубляемся в антарктические широты, и хотя айсбергов еще не видно, но сегодня днем над палубой вдруг пеленой понеслись лохматые белые мухи. Прильнув к запотевшему стеклу иллюминатора, я гляжу, как сверху вниз вдоль океана, над самой его поверхностью, несется снежное месиво, и грею руки над урчащим соплом кондиционера. И вдруг урчание прекратилось. Шумно вздохнув несколько раз теплым воздухом, кондиционер стих.

Поднимаюсь в ходовую рубку.

— Дед! Если немедленно не отремонтируешь «кондишен», я тебя высажу на первом же встречном айсберге! — слышу я голос капитана.

Полдень, а такая темень! Снег липнет к стеклам окон-иллюминаторов, стремительно вращаются на двух из них стеклянные круги — судовые «дворники». Склонившись к резиновому растррубу экрана локатора, вахтенный штурман подкручивает ручки настройки. Потом, оторвавшись от экрана, говорит мне:

— Айсberги. Взглядните.

Вытянув пробку-свисток из переговорной трубы, ведущей в капитанскую каюту, он дует в нее что есть силы. Через мгновение труба урчит капитанским голосом:

- Слушаю.
- Подходим к айсбергам.
- Сколько до них?
- По локатору восемь миль.
- Сбавить ход до малого.

— Есть, капитан,— отвечает штурман, берясь за рукоятку телеграфа.

Айсберги я видел в кино, на фотографиях, но все равно интересно. Правда, пока лишь я обнаруживаю желтоватые, слегка пульсирующие точки, разбросанные по серебристо-зеленому полю экрана. Желтый луч кружит по экрану, будто стараясь смести их, смахнуть прочь, но желтые точки при пересечении их лучом лишь ярко на мгновение вспыхивают, а потом меркнут.

Остро пахнущий одеколоном «Свежее сено», вваливается капитан. Несколько минут он вглядывается в локатор, потом, распахнув дверь, выходит на крыло мостика и, подставив лицо ветру и снегу, глядит вперед. Но что там увидишь?.. Засыпанный снегом полубак танкера пропарывает снежное месиво, а дальше — пустота, опасность! Большие ледяные горы локатор берет, но есть и такие, которые плывут из Антарктики, едва высывая из воды ледянную вершину. Не схватить макушку айсберга электрическому импульсу, испускаемому локатором, а под макушкой покачивается в глубинах гигантское ледяное тело... Врежется судно в такое, и подавай сигнал SOS.

— Что, светлеет, кажется?

Танкер взрезает край снежного заряда и выскакивает на чистую воду. Поток синего света вливается в ходовую рубку. Синяя вода, синее небо, белые, с голубоватым отливом, ледяные горы! Капитан, что-то буркнув, останавливается перед окном и, наклонив голову, будто собираясь боднуть толстое стекло, глядит в океан. Штурман отрывается от локатора, матрос у рулевой колонки приподнимается, желая взглянуть в глубину этого удивительного синего, очень холодного и какого-то очень торжественного мира, открывшегося нашим взорам. Ширь, тишина и спокойствие... Щелкает рычажок. Штурман выключает локатор: видимость отличная. Снегопад остается за кормой танкера, где громоздятся на воде черно-фиолетовые тучи. Там и сейчас несутся параллельно океану снежные вихри.

Побарабанив пальцами в стекло, капитан срывает трубку телефона. Нетерпеливо втыкая палец в отверстие диска, он набирает номер машинного отделения и, заслышив голос стармеха, говорит:

— Дед! Подходим к айсбергам!.. Даешь сегодня тепло или нет? Что?.. Ну хорошо: прощен.

К жужжанию гирокомпаса прибавляется тихое урчание кондиционеров. Теплый воздух струится вдоль переборок. Несколько альбатросов подлетают к танкеру и начинают кружить над ним. То легко, упруго взмывая над мачтами, то резко кренясь, птицы скользят в воздушных потоках и опускаются к самой воде, чтобы проскочить перед форштевнем. Взлеты и падения. Не оторвать взгляда от прекрасных белых птиц, как бы свидетельствующих людям: не все так пустынно в этих водах. И тут есть жизнь.

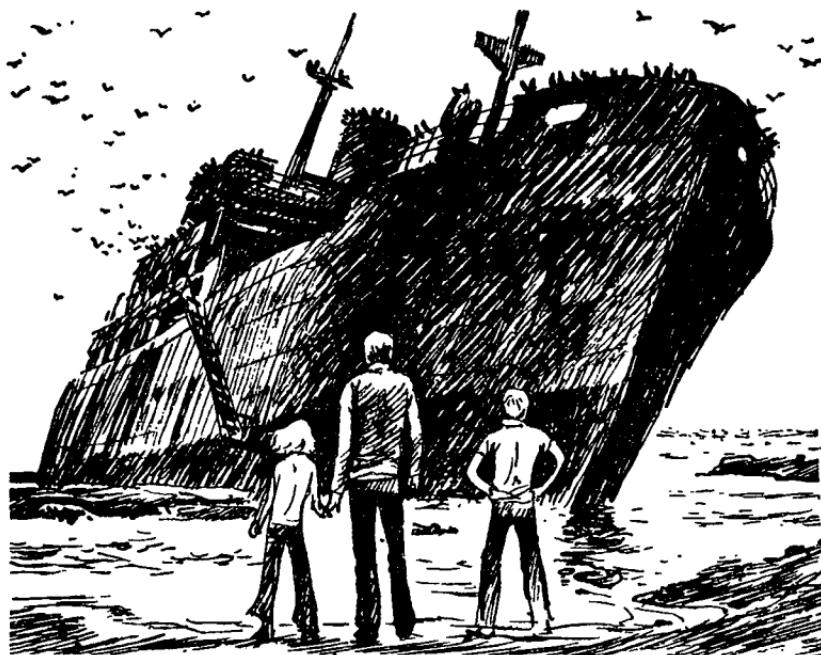
Наше пребывание в южных широтах было непродолжительным. Разыскав рыбаков, мы отдаем им топливо и на четвертые сутки под вечер прощаемся с ними. Над пустынным океаном разносятся прощальные гудки. Отступает за корму танкера россыпь огней траулеров. Коченею на холодном ветру, ловлю взглядом быстро тускнеющий свет электричества. Теперь уже не видно отдельных огней, чуть приметно лишь овальное желтое пятно, плывущее по самой поверхности воды у горизонта. Где-то я уже видел подобное пятно света, будто вырывающееся из океанских глубин и освещдающее поверхность воды как бы изнутри... Нет, такое видел не я, а команда быстроходного фрегата «Абраам Линкольн», преследующего в океане неизвестное чудовище, оказавшееся впоследствии «Наутилусом» капитана Немо...

Тускнеет желтое пятно, расплывается, будто знамени-тая подводная лодка, приняв в балластные цистерны за-борту воду, погружается в океан. Прощайте все! Рыбаки, айсберги, альбатросы. Прощай холодный штурмливый юг. Пройдет совсем немного времени, и, завидя серебряные скалы, поднимающиеся из синей воды, я подумаю: «А было ли все это? Снег? Белые глыбы льда?..»

Да, мы опять спешим в Порт-Луи. Текст радиограммы из управления короток, как боевой приказ: «Взять полный груз топлива на Маврикий». Мы опять встретимся с тобой, Маленький Дик!.. Холодно. Скорее в каюту. Кондиционеры работают исправно. Луна выпутывается из зыбкой трясины туч, и блики ее скользят по переборкам, похожие на маленькие, куда-то плывущие айсберги. Тепло, остро пахнет кораллами. Чтобы не побились во время шторма, белые хрупкие ветки висят на штертинге, протянутом через всю каюту. А раковины уbraneы в чемодан. Лежат там, как в знаменитом сундучке старого пирата Билли Бонса.

Через неделю мы вновь приходим на остров Маврикий.

В первый же свободный день спешу к Дику. Но что это? Хижина заколочена, никого нет. От соседей узнаю, что несколько дней назад Дик вместе с отцом, погрузив в шлюпку «Святая Маргарита» канистру с пресной водой и мешок с продуктами, отправились в плавание. Под парусом?.. Да, они сделали мачту и поставили парус. Ветер подхватил их, и вскоре парус скрылся из глаз. Куда отправились? Говорили, что шлюпка ушла в северном направлении...

МОРСКОЕ ЧУДО

Дождь лил с самого утра. Ну что за лето? Небо задернулось лохматыми тучами, в окно барабанили тяжелые капли. Такая досада! Вот уже вторая неделя пошла, как мы поселились в доме моего приятеля на берегу моря и вместо купаний, увлекательных походов по лесу и пляжам сидим дома. Мы — это я, мой племянник из Ленинграда, четырнадцатилетний Андрей, и внучка Маринка, которая уже осенью этого года пойдет в школу.

С утра мы читали. Я — свои рукописи, Андрей — книги Жюля Верна, а Маринка — книжки-малышки. Потом, сидя у печки, Андрей попросил:

- Дядя Юра, расскажи-ка еще что-нибудь.
- И чтобы было «вдруг»! — добавила Маринка.
- Хорошо. Слушайте. Было это в Центральной Ат-

лантике,— начал я.— Переходим мы на нашем научно-поисковом судне в другой район. Зыбь балует. Обедаем. Качка, а потому миски в руках держим. Траулер кренится в одну сторону, и мы с мисками в ту же сторону кренимся. Траулер — в другую, и мы с мисками тоже кренимся. Это чтобы щи из мисок не вылились.

Маринка, взяв в руки блюдечко, начинает наклоняться то в одну сторону, то в другую.

— И вдруг!..— Я произношу это слово и останавливаюсь. Глаза у Маринки становятся блестящими, как две новенькие монетки.— И вдруг — трах-тарах! Удар! Мы все валимся кто куда. Выскакиваем и видим, как возле правого борта судна из воды поднимается чудовищной величины хвостище... И вдруг этот хвост ка-ак ударит по воде — столб воды поднялся.

— Кит? — сдержанно спрашивает Андрей.

— Гигантская китовая акула. Спала, а мы на нее наехали. Капитан кричит на штурмана: «Куда глядел?!» А тот отвечает: «А на ней ни маяков, никаких сигналов нет!» Вот морское чудо так чудо.

— Да, это чудо,— мечтательно произносит Андрей и, сощурившись, глядит в мутное стекло окна, будто пытаясь представить себе синюю-пресиную океанскую ширь и гигантскую рыбину, спящую в воде. Вздыхает.— Но такое бывает лишь там. В дальних широтах, в дальних странах.

— Да, вот бы такое морское чудо было и у нас! — вздохнув, говорит Маринка.— Вот бы!..

— Обязательно будет какое-нибудь морское чудо.— Это я так говорю потому, что чудо уже ожидает нас....— Послушайте, как разбушевалось море! Волны выплескиваются на пустынные пляжи. Они несут с собой всякую всячину. Бревна, ящики, доски. Стихнет ветер, море успокоится, мы пойдем на берег и чего-нибудь найдем или увидим.

— Может, и найдем,— вздыхает Маринка.— Но разве это чудо?

— Что тут особенного можно найти или увидеть? — говорит Андрей.— Вот если бы это было там, в дальних океанских широтах, на каких-нибудь необитаемых островах... А что может быть тут?

Ветер играет, в рамках тоненько позвякивают стекла, а где-то в углу, как котенок, попискивает сквознячок. Андрей

рисует необитаемый остров, Маринка укачивает куклу. Молчим. Думаем каждый о своем.

Я вспоминаю о том рейсе, когда получил радиограмму, в которой меня поздравили с внуком. Мы только что бросили якорь на рейде Сингапура, уже прибыли портовые власти. И такая неприятность: портовый врач обнаружил, что у одного из наших матросов нет противочумной прививки. Врач сообщил капитану, что, к сожалению, теперь наш транспортный рефрижератор «Паланга» загонят на месячный карантин в бухту Пагар. С ума можно сойти! Мы и так задержались в пути, план горит, а тут еще месячный карантин! Злые, расстроенные, мы сидели в капитанской каюте и мрачно слушали вежливого портового врача, который зачитывал нам длинную инструкцию из портовых правил Сингапура. В этот момент радист внес и положил передо мной бланк радиограммы. Я прочитал, захотел и сказал:

— Поздравьте: я — дед! У меня родился внук!

В каюте стало шумно, все задвигались, заулыбались; сингапурцы стали расспрашивать, что произошло. Я им объяснил, что же именно произошло, и они поздравили меня. Мне было хорошо и немножко грустно: сорок три года — и уже дед! И тут радист принес еще одну радиограмму, в которой меня поздравляли... с внучкой... Как? И внук и внучка?! Портовый врач убрал свои инструкции и хлопнул меня по плечу:

— Ладно уж! Стоит ли портить настроение русским?

Вскоре, загрузив топливо, продукты и воду, мы покинули Сингапур, а спустя несколько дней я получил новую радиограмму с сообщением, что внучка чувствует себя хорошо. И всполошился: а внук? Прошло еще несколько дней, и выяснилось, что радисты, передавая текст, что-то напутали, в самом деле у меня родилась внучка.

...К вечеру дождь унялся; ночью и ветер стих. Утром в окна дома золотыми столбами влилось солнце. Быстро позавтракав, мы отправились на берег моря. Сопровождаемые резкими криками чаек и плеском волн, мы шагали по сырому песку и разглядывали то, что море выкинуло на берег. Увы, ничего интересного. Ребята, которые вначале мчались со всех ног к каждой кручинке янтаря или к ка-

кой-нибудь яркой пластмассовой коробочке, вскоре приуныли.

— Мы ведь не на острове Сейбл,— разочарованно сказал Андрей.

— Да уж, какое тут может быть чудо? — невесело проговорила Маринка.— И вообще я устала. И потом, видите? Тучи ползут... Может, пойдем домой?

— Только вперед,— возразил я,— И будет чудо. Вперед!

Берег изгибался дугой. Поверив мне, Маринка мужественно карабкалась через громадные валуны, тихо вскрикивала, охала и ахала, но вместе с нами шла и шла вперед, спешила к каждому очередному мысу: может, там, за его оконечностью, и поджидает нас чудо? Андрей шел молча. Усмехался. Весь вид его говорил: «Глупости все это. Что тут может быть интересного? Но так уж и быть, и я поддержу эту игру в чудо».

Погода вновь стала портиться. Солнце скрылось, начал накрапывать дождь. Мы уже устали, но все шли и шли. Вот приближается и еще один мыс. Маринка побежала вперед.

— Пароход! Там громадный...— она задохнулась от возбуждения и радости,— разгромадный пароход!

— Откуда тут может быть пароход? — буркнул Андрей.— Ну и вруша!

— Действительно, откуда ему тут взяться? — сказал и я.

Мы обогнули мыс и остановились. Возле самого берега, врезавшись крутым носом в громадные камни, торчащие из воды, действительно стоял серый длинный пароход. Белые надстройки, труба, мачты. Из клюза свисала в воду ржавая цепь. «Анна Ф» — было написано латинскими буквами на его надстройке, там, где виднелся капитанский мостик. Чернели дыры распахнутых иллюминаторов, высовывалась из воды лопасть винта. Сотни чаек сидели на леерах палубы. Завида нас, птицы взлетели, и от их тоскливых криков еще таинственнее стала эта каменистая бухта и покинутый, брошенный командой пароход.

Будто опасаясь, что это морское чудо вдруг исчезнет, Маринка и Андрей побежали к пароходу. Про то, что некоторое время назад он был выброшен бурей на побережье, я уже знал. И был готов увидеть это судно, но все ж и я побе-

жал следом за ребятами: вот бы подняться на него! Увы, когда мы подошли ближе, оказалось, что между берегом и пароходом метров сто воды. Однако тут мелко! Наверняка до судна можно не плыть, а просто дойти... Но как быть с Маринкой?

— Поплыvем,— решительно сказал Андрей.— Мы должны побывать на пароходе.

— Да-да, поплыvем! — добавила и Маринка, но тут же озабоченно воскликнула: — А как же я?

— Глядите, вот ящик! — Андрей выволок из камней большой тяжелый ящик.— Маринку мы посадим в него. И одежду положим.

Ребята с надеждой поглядели на меня.

— Холодно,— сказал я.— Продрогнем.

— Ничего, пойдем назад — разогреемся! — воскликнул Андрей.

— Ух как разогреемся! — пискнула Маринка.— Вперед!

— Да-да, нам надо побывать там.— Я стал раздеваться.— Только никому дома не говорите, как мы плавали на пароход.

— Я буду нем, как саркофаг,— сказал Андрей.

— И я тоже, как этот, как... В общем, тоже буду! — пообещала Маринка, быстро стаскивая с себя свитер и брючки.— Немая буду, вот! Даю честное-пречестное слово.

— Б-ррр, холодит.

Ноги скользили по камням. Я толкал перед собой ящик, в котором устроилась Маринка, Андрей шагал рядом. Вода дошла до пояса, потом до груди. Ого, а тут глубоковато!

— Течет,— испуганно проговорила Маринка.— В щели вода течет.

Я заглянул в ящик. Воды там было много. Маринка уже сидела в воде, а одежду держала на коленках. До парохода — рукой подать. Мы плыли. Я тянул ящик. Андрей подталкивал. Маринка сидела в нем, как маленькая статуя. Лицо напряженное, глаза расширены... Но вот я нащупал ногами дно, еще несколько шагов, и Маринка вскарабкалась из ящика на спущенный парадный трап.

Захватив одежду, и мы с Андреем влезли на трап, привязали к нему ящик. Поднялись наверх. Оделись, настороженно оглядываясь, двинулись осматривать пароход.

— Это старое греческое судно,— рассказывал я.—

Долгие-долгие годы пароход бороздил моря и океаны, но вот состарился, и хозяин продал его на металл. И потащили его на буксире на одну из судостроительных верфей Финляндии. Знали бы вы, ребята, как пароходу не хотелось быть разрезанным на простое железо! Как навсегда расстаться с океаном? Превратиться в гвозди и болты? Пароход упрямился, рыскал из стороны в сторону, словно пытался порвать трос, на котором его тянули. И вот поднялся шторм. Пароход трепало с такой силой, что испуганная команда перебралась на судно-буксировщик. Еще рывок, еще! И трос лопнул. Сильный ветер и волны понесли посудину к берегу. Удар. Скрежет... Пароход так плотно сел на камни, что теперь уж никакими силами его не сташишь...

— И он навсегда теперь останется тут! — воскликнула Маринка. — В море!

— Все верно, так оно и будет. Однако пойдемте дальше. Глядите, вот это помещение — салон. Тут стояло пианино, на переборках висели картины. Здесь пассажиры обедали, отдыхали, читали книги, разговаривали.

— Лампа керосиновая, — удивленно сказал Андрей и качнул лампу. Она была укреплена в особом устройстве, «кардане». Как бы ни кренилось судно во время качки, лампа всегда остается в одном положении. — Он такой старинный пароход, что тут были керосиновые лампы?

— Пароходу лет шестьдесят. Уж и не знаю, почему тут керосиновые лампы. Думаю, просто как украшение. Видишь, какие они красивые? Если надраить — заблестят, как золотые. Так вот. Это грузо-пассажирское судно. В каких только краях оно не было! И в Африке, и в Южной Америке, и в Австралии.

Мы ходили по пустым помещениям, выглядывали в распахнутые люминаторы. Кто-то снял один, и он стоял в углу, поблескивая толстым стеклом и бронзой. По трапам спустились в машинное отделение: двигатель, сложный переплет труб и трубок, вентиля, манометры. Мертвая машина еще пахла маслом и соляркой. Грустно было думать, что это громадное механическое сердце больше никогда не оживет, не забьется в горячем кожухе и не раскрутит гребной вал с винтом. Потом мы поднялись в ходовую рубку, и Андрей покрутил штурвал. Были тут разбросаны лотции и мореходные карты. Я поднял одну. Это была карта острова Мадагаскара. Наверно, пароход побывал и там.

Затем мы рассмотрели кормовые надстройки и отсек рулевой машины. К переборкам отсека были прикреплены запасные части, а в распахнутом трюме виднелся громадный якорь. Сколько десятков лет возили его в трюме? Так и не понадобился.

...А погода еще больше ухудшилась. Пошел мелкий дождь.

Волны с громом ударяли в левый борт судна, и стонущий гул разносился по всему пароходу. Завывал в надстройках ветер. Стало немножко жутко, как на кладбище. Пора было покидать это трагическое морское чудо, да и ребята уже устали.

То, что выброшено морем на берег, принадлежит любому. И мы забрали с собой иллюминатор и две керосиновые лампы. Пускай будут памятью о нашей удивительной находке.

Ветер, несколько сменив направление, дул теперь вдоль берега. Крутые серо-зеленые волны шли один за другим. Вот это да! Ящик прыгал в волнах, дергался на веревке.

Мы начали спускаться по трапу, который раскачивался под нашими ногами из стороны в сторону.

Вдвоем с Андреем, кое-как накренив и приподняв ящик, мы вылили из него воду, положили на дно иллюминатор, лампы и посадили Маринку. Испуганная, молчаливая, судорожно сжимая руками ворох одежды, Марина мужественно старалась улыбнуться: мол, ничего страшного!

Двинулись. Ящик быстро наполнялся водой. Я глянул на пароход: может, вернуться? Но что мы там будем делать? Выкинуть иллюминатор и лампы? Но так хочется привезти все это домой! Ведь надо преодолеть всего каких-то метров десять...

Дно уже не достаем. Какие волны! Они раскачивали ящик, заплескивались в него; с каждой минутой воды в нем становилось все больше. Я начал беспокоиться, уже ругал себя, корил за глупость, которую затеял. А берег приближался слишком медленно.

— Оде-ежда... — жалобно проговорила Маринка.— Мо-окнет.

Она приподнялась, ящик вдруг резко накренился, я попытался удержать, да не смог. Волна накатилась. Отчаянно вскрикнув, Маринка вывалилась из ящика. Я нырнул. Где она? Какой-то тощий белый лягушонок дергался в зелено-

ватой мутной воде. Ринулся к Маринке, схватил ее, вынырнул. Что-то выкрикивал Андрей, ящик перевернулся. Дрожа от страха и холода, Маринка вцепилась в шею, прильнула всем тельцем к моей спине, заработала ногами, помогая мне плыть.

— Жива? — крикнул я.

— Жива-я... — отозвалась она и закашлялась.

— Вот это приключение, да? — сказал я, вселяя в нее бодрость, и хрюпло засмеялся. — Вот это здорово, правда?

— Дедушка, миленький, плыви скорее к берегу... — пролепетала Маринка. — Мне стра-ашно.

Как мореплаватели, потерпевшие кораблекрушение, мы выбрались на берег, и взбодрившаяся Маринка начала бегать, чтобы согреться. А мы с Андреем ныряли, искали иллюминатор, лампы и нашу одежду. Скорее же домой! Выжали вещи, оделись. Дождь усилился, он лил и лил. Промерзшие и уставшие, мы торопливо шли по берегу. Каким бесконечным показался нам обратный путь!

— Я больше не могу идти, — сказала вдруг Маринка. — Понеси меня, а?

— Что? Нести тебя? Ведь тебе уже шесть лет, — сказал я, хотя мне и хотелось подхватить ее на руки. — Ну-ка выше голову! Иди и не думай о том, что ты устала, поняла? А думай о том, как мы придем домой, и как нас будет ждать бездомный кот Мартын, и как мы затопим печку и сядем возле огня все четвером. Думаешь?

— Ду-умаю... — простонала Маринка. — Но все равно я так устала.

Но вот и дом. И бездомный кот Мартын — неизвестно где он живет, где бывает: то вдруг придет, то пропадет на несколько дней, — этот бездомный кот сидел на пороге, мокрый и голодный. Маринка засмеялась, кинулась к нему, схватила, а кот мурлыкнул и, приподнявшись, боднул ее широколобой башкой в подбородок.

Мы вошли, захлопнули за собой дверь. И дождь остался за порогом. Скрипнули половицы. Мы быстро переоделись в сухое, подсели к печке, в которой уже лежали дрова, я поднес спичку, и сухие щепки трескуче вспыхнули. Вскоре запылали и поленья. Мы согрели обед, вскипятили чай и сели на скамейку перед печкой. Кот, полакав молока, пристроился рядом. Ветер подывал в трубе, дождь бился в окна, но нам он был не страшен. Мы глядели в огонь. Маринка

укачивала свою больную куклу, а я гладил ее по сырым волосам. Так было хорошо! Мы говорили, рассуждали о таинственном пароходе и строили догадки, кто такая была «Анна Ф»?

— Я думаю, что она была очень красивой,— сказал Андрей.— У нее были большие серые глаза и длинные-длинные волосы. Она плавала, как рыба, очень любила море и...

— ...и куклы,— добавила Маринка.

— И однажды, переодевшись мальчиком, ушла в плавание.

— Я так испугалась там, когда ящик стал тонуть,— сонно проговорила Маринка.— Даже чуть глотнула соленой воды. И я хочу тоже переодеться мальчиком и пойти в плавание...

— Так оно и будет,— сказал я.— Ты — Марина. Значит, морская. Есть такой морской обычай: если человек хочет породниться с морем, стать моряком, ему надо окунуться в соленую воду. Вот ты сегодня и окунулась. Наверно, ты будешь морячкой.

Глаза ее засияли, наверное, ей хотелось прижаться ко мне. Но Андрей так сурово взглянул на нее, что Маринка поняла: тут не место для нежностей! Мое сердце сжалось от любви к ней и страха... Ах ты мой смелый человечек!.. Ах ты коварное море, как ты опрокинуло ящик! И я обнял ее, прижал к себе.

Потрескивали в печке поленья. Пахло дымом и смолой. Андрей рисовал пароход, идущий по синему морю, на его корме стояла девушка с длинными рыжими волосами. Маринка закутывала в одеяльце куклу. Кот жмурился на огонь и слегка покачивался. Шумел ветер, дождь хлестал в стекла, тяжко вздыхало море...

Дома, в своей комнате, я пробил в стене дыру и укрепил в ней иллюминатор, а по бокам от него — лампы в карданах. Иногда по вечерам я зажигаю их. Хожу по кабинету, останавливаюсь у иллюминатора, гляжу через толстое, зеленоватое стекло, как через призму, наполненную соленой водой, и вижу не ветки деревьев, а колышущиеся сине-зеленые воды морей и океанов, острые вершины далеких островов и лица дорогих мне людей...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Об авторе этой книги. В. Коржиков</i>	5
Трубка Мэри Энн	9
Грэгги — вождь обезьян	61
Возьмите в рейс собаку	70
Как раскрываются морские тайны	84
Бутылка с запиской	90
Песни морских скитаний	106
Одиссея Вальки Шубина	130
Ловля рыбы с набережной Малекон	166
Шлюпка ушла в северном направлении	173
Морское чудо	199

Для среднего возраста

Юрий Николаевич Иванов

ОСТРОВА НА ГОРИЗОНТЕ

Рассказы

ИБ № 6546

Ответственный редактор Г. В. Малькова. Художественный редактор И. Г. Найденова. Технический редактор Г. Г. Седова. Корректоры Э. Л. Ло-
фенфельд и Е. И. Щербакова. Сдано в набор 01.07.83. Подписано к печати
09.12.83. А03297. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 2. Шрифт обыкновенный.
Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 11,27.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 3413. Цена 65 коп.

Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Дет-
ская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский
пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1
Росглагополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

